

Тысячи ярких разноцветных звезд зажглись и погасли одновременно, чтобы превратиться в миллионы таких же невообразимо сияющих, драгоценных камней. Бриллианты, рубины, изумруды и прочие свarovские стеклышки поблестели и разлетелись как новогодний салют, открыв чудесную летнюю картинку баварских гор, где в белом замке, в самой высокой остроконечной башенке, прекрасная златокудрая принцесса тосковала по любимому, глядя в маленькое окошко на озеро с лебедями... Раз! Поворот колесика и горы вместе с замком рассыпались в прах, словно от страшного землетрясения, а на их месте просторы черного космоса бороздил розовый космолет с той же златовлаской на борту, но очень недолго, ровно до следующего поворота деревянного колесика в маленькой ручке.

Беленькая, похожая на смешного ангела девочка крутила штурвальчик калейдоскопа, забыв обо всем

* В книге присутствует ненормативная лексика. Произведение не рекомендуется к чтению лицам младше 18 лет.

на этом скучном взрослом свете. У нее теперь был свой, полностью подвластный ей мир, который она меняла мановением руки. Раз — и космос превратился в россыпи вкуснейших конфет и шоколадок. Анюта даже сглотнула слюну. «Ничего себе! Вот это фокус!» Если бы их еще можно было достать из этой толстой черной трубы, стоявшей на маленьких кривых чугунных лапках на столе рядом с другими подарками! Старая, даже нет — старинная, железная и вся покрыта какими-то странными узорами, как будто каракулями. Еще и перевязана сверху красным бантом.

— Что это? — спросила девочка у папы, заметив странный подарок.

Отец, занятый приемом гостей, как всегда, отшутился:

— Позорная труба! Хотя нет. Похоже, это старый калейдоскоп. Очень готичненькая штука.

Никто не мешал Ане наслаждаться новой игрушкой. Стоя на цыпочках, затаив дыхание, зажмурив один глаз, — вторым она наблюдала рождение новых миров, управляемое поворотом смешного деревянного колесика сбоку трубы и ее неумной фантазией. Она, конечно, видела калейдоскопы и раньше: обычные мозаики из стекляшек не шли ни в какое сравнение с ее нынешними впечатлениями. Аня почувствовала неведомую силу, стала ощущать себя властелиншей мира, поглавнее Президента США, а может быть, даже круче Ксюши Собчак. Вот подружки обзавидуются...

Она не подумала, что все подружки остались в другом районе, а через неделю ей идти во второй класс в новой школе. Все страхи последних недель улетучились, Анюта забыла о том, что в соседней комнате ее новой просторной квартиры взрослые празднуют новоселье, а в детской, брошенные ей дети гостей, лихо отплясывают под Пинк. Она была внутри волшебной

трубы! Все, что было вокруг, перестало существовать. Девочка не видела и не слышала, как сквозняком запахнуло дверь в гостиную и очередной гость пробасил очередной гост:

— Ну что ж, Гриша, теперь у лучшего кардиохирурга Москвы, его красавицы-жены и принцессы Ани есть достойная квартира. Давайте выпьем за то, чтобы ваша жизнь в новой квартире была столь же прекрасна, как этот праздничный стол!

Неожиданно перед глазом Ани в калейдоскопе появилась странная картинка. Мозаика из человеческих тел, изогнутых в самых неожиданных и неудобных позах. Мужчины и женщины, всего человек десять, образовали замысловатый узор, многократно повторенный линзами. Они явно страдали и, как показалось Ане, с надеждой смотрели на нее. «Фу, какая гадость, — девочка скривила мордашку, явно копируя маму, — и здесь эротика!» Она закрыла глаз, крутанула колесо, и все в трубе вернулось к ее ярким детским мечтам. Аппарат больше сбоев не давал. Круче компа и ПСП! Еще, еще! Аня вертела колесо все быстрее и быстрее. Вдруг откуда-то сверху, незнакомый и знакомый одновременно, вкрадчивый женский голос спросил ее:

— Анечка, тебе нравится калейдоскоп?

Не отрываясь от игрушки, Аня ответила любопытной тетке:

— Угу. Прикольная штука.

— Это не простой калейдоскоп, Аня. Береги его.

Девочка обернулась, но в комнате никого не было, только пылинки сверкали, весело кувыркаясь в косых солнечных лучах. Тогда она снова заглянула в трубу, забыв про странную невидимку.

К сожалению, мама скоро заметила, что Аня куда-то пропала:

— Анята! Где ты? Дети тебя заждались!

Ну вот! Девочка последний раз крутанула колесо, с неохотой поставила классную вещицу на стол и вернулась к гостям. Она не видела, как на старом калейдоскопе самозабвенно продолжает крутиться деревянное колесико.

Часть I
Призраки прошлого

ГЛАВА 1

05.09.2006 23:00—4:00

Окна были плотно зашторены. Источников света, кроме напольной лампы, тускло освещавшей неоготическое черное трюмо, в огромной спальне не было. Перед зеркалом, напряженно всматриваясь в свое отражение, сидела молодая белокурая женщина. На ней было лишь кружевное черное белье, подчеркивающее анемичную белизну стройного тела. Романтический образ разрушал грубый шрам, начинающийся под горлом и идущий между чашечек бюстгалтера до идеально плоского живота. Женщина слегка наклонила голову — на красивом лице никакой косметики: татаро-славянские скулы, прямой нос, но вот глаза — большие темные и влажные глаза выдавали примесь южных кровей, диссонировав с волосами. Эти глаза на пол-лица, в которых тонешь при первом же взгляде, делали его бесконечно притягательным. Или отпугивающим? Для кого как... Пристально посмотрев на себя, она глубоко вдохнула, положила руки на угловатые колени и заговорила:

— Надо начинать. Я Катя, Катя Дроздецкая, когда-то — Петрова. Мне восемь лет, хотя на самом деле двадцать пять. Восемь лет назад я попала в ужасную аварию в моем родном городе. С тех пор у меня новое сердце и абсолютно новая память. Да, не каждой девушке так везет. Мое новое сердце работает как часы, — она провела рукой по уродливому шраму, — один случай на миллион... Так говорит Гриша. А он знает, что говорит. Гриша — мой муж, мой бог, отец моей Ани, мой кардиохирург, мой доктор Франкенштейн. Правда, он очень не любит, когда я его так называю. Это он пересадил мне сердце в коламской больнице, это он привез меня в Москву и нянчился со мной первые два года как с ребенком. Гриша смеется — говорит, что у него две дочки, и он прав. Он мое все, а я просто очень везучая девчонка из провинции! И чертовски красивая! — Замерев на миг, она медленно подняла руку и решительно сняла с головы парик, под которым оказалась голая, как коленка, голова, со шрамом на темени. — Мои украшения меня уже не пугают. Они съели мою память, мое «я». Что бы было, если бы не Гриша? А так — все восстанавливается. Я полноценная женщина, которая каждый день принимает эти чертовы таблетки, после которых нужно лишь пару часов поспать, — и все. Иначе — кошмары. Лица, люди, которых я не знаю... — Катя начала медленно массировать голову. — Мой врач, Светёлкина, говорит, что ничего странного в том, что вернулись все воспоминания, кроме моих личных, нет. Так бывает. Гриша и мой дневник помогут мне вернуть себя. А лезть в сумеречную зону, в те полгода после окончания школы — до аварии — мне нельзя. Светёлкина умная, я ей верю!

— Молодец. — Григорий тихо вышел из темноты и встал за спиной Кати.

Высокий поджарый мужчина, с уже обозначившимися залысинами, его вытянутое лицо пересекли глу-

бокие морщины, из-за них Григорий казался вечно чем-то недовольным. Он был в пижаме и явно готовился отойти ко сну. Нежно положив ей сильные жилистые руки на плечи, муж начал слегка разминать их, опуская пальцы все ниже, уже касаясь безобразного шрама.

— Выполняешь назначение врача. Умница. Психотренинг — это очень важно. Светёлкина тобой довольна, обещала через полгода, если ты ее не подведешь, заменить «нейровинд» на что-нибудь полегче.

Катин взгляд наткнулся в зеркале на глаза Григория.

— Я очень страшная?

— Ты самая красивая. — Григорий поцеловал ее шрам на голове.

— Гриш, обними меня покрепче...

Григорий нежно обнял жену и снова поцеловал в макушку. Катя прикрыла миндалевидные глаза.

— Как там Анька? Уснула?

— Ага, сопит, как ежик. Опять перед сном таранилась в свой «калидоскоп».

— Хорошо, хоть не в компьютер. Хотя эта странная привязанность к игрушкестораживает. Нет, милый?

— Брось ты. Просто новая яркая фигня, скоро надоест. Антиквариат! Он же стоит, наверно, немерено? Надо бы оценить его у жуков, у которых мы трюмо купили. Кто же его все-таки подарил? Ты не вспомнила?

— Вспомнишь тут, когда ты почти полбольницы пригласил. Зато я сегодня вспомнила, как купалась в детстве в речке. У нас в Коламске была речка?

Григорий поморщился, эти расспросы его напрягли, но не ответить ей он не мог:

— У *вас* — была. Волга, только узенькая. Ладно, милая, я, пожалуй, лягу. Мне завтра с утра в больницу.

Катя поймала его за руку.

— Вот видишь — память продолжает возвращаться, — улыбнулась она.

— Конечно, Светёлкина — лучший психиатр! Все будет ха-ра-шо! — Григорий попытался освободить руку.

Катя неохотно его отпустила и снова обратилась к отражению:

— У меня все лучшее. Муж — лучший, к тому же лучший кардиохирург в городе, дочь — лучшая в классе ученица, квартира теперь — закачаешься, сердце — тоже лучшее... Гриш, а когда я окончательно окрепну, ты расскажешь мне про эту чертову аварию и про то, откуда в богом забытой коламской больнице такие идеальные сердца?

— Дурочка моя, ну ты же знаешь, лучшие сердца всегда были в русской глубинке. И откуда у тебя этот сарказм? До аварии его не было... И вообще ты знаешь, что это — запретная тема. Сорвешь Светёлкиной прогресс! Тебе нельзя никакого негатива! Никакого негатива! — Григорий зевнул во весь рот, лег на кровать, повернулся на бок и закрыл глаза.

Катя забралась под одеяло к мужу и игриво обняла его:

— Все запретное так манит...

— Милая, у меня завтра тяжелая операция. И вставать в шесть. Давай спать. Извини, видишь, я вовсе не так идеален...

— Да, я знаю. — Она явно пародировала назидательный тон своего мужа. — Благодаря ответственности за нас с Анькой, ты смог победить свои депрессняки, любовь к бутылке, поверил в себя и стал выдающимся хирургом. И женился на мне только два года назад, потому что никак не мог развестись с этой таинственной бывшей женой.

Григорий, откинул одеяло и резко сел на кровати:

— Катя, ты хочешь, чтоб я теперь полночи не спал, да? Ты-то от сновидных своих вырубись через полчаса, а я?

— Что ты, милый, как ты мог подумать такое? Спи, я тебе колыбельную спою. У меня тут откуда ни возьмись в голове испанская колыбельная вылезла — ведь ни слова по-испански не знаю, но почему-то все понимаю.

— Ты сплошной сюрприз, милая. Ну, у кого еще есть такая жена?

— Ладно, подлиза, спи. Только обещай мне, что через год мы съездим в Коламск — навестить моих.

— Господи, твои — все на кладбище, и ты это прекрасно знаешь. Человек ухаживает за могилами и регулярно отчитывается фотографиями. — Григорий встал с постели, забрал подушку и тяжело вздохнул. — Ладно, милая, спокойной ночи. Пойду спать в гостевую.

Катя осталась одна на огромной кровати. Повздыхала немножко, жалуясь сама себе:

— Да, и так всегда. Ничего он мне не расскажет, зануда. Ну и фиг с ним. Буду спать.

Сначала она тихо напевала испанскую колыбельную, а потом заснула.

Наверное, Катя бы очень удивилась, если б услышала, как, тихонечко повздыхав, допевало ее песню старинное трюмо... Но еще больше она бы удивилась, увидев, как деловито и спокойно пересыпает пилюли из одного аптечного пузырька в другой на темной, освещенной одной только полной луной кухне ее любящий супруг.

* * *

Посреди ночи Катя проснулась в полной темноте. Ноги сами понесли ее к любимому трюмо, украшенному резными грифонами и химерами. Катя села в кресло и, не включая света, стала всматриваться в темные очертания зеркала. Неожиданно со стороны зазер-

каля зажегся тусклый свет, и она, увидев свое бледное отражение, быстро и нараспев, как молитву, запричитала:

— Я Катя, Катя Дроздецкая...

Она испуганно осеклась, потому что ее отражение совершенно самостоятельно бросило на нее насмешливый взгляд. У женщины от страха похолодели ноги, она хотела позвать на помощь Гришу, но из горла вырвался лишь жалкий всхлип, почти мяуканье. Отражение нагло прыснуло от смеха. Катя оцепенела, не в силах пошевелиться, она даже не могла отвести глаз. Внезапно очень сильно зачесался рубец на груди, она увидела, что у ее ухмыляющегося отражения он стал набухать, наливаясь темной венозной кровью. Катя снова попыталась крикнуть, но смогла только раскрыть рот, а синий шрам в зеркале принял форму тонких губ, изогнутых в издевательской усмешке, и наконец раскрылся, высунув неприятный фиолетовый язык. Липкая тошнота покатила у Кати по горлу. Рубец между тем спрятал язык и изогнулся восьмеркой. Отражение перестало улыбаться, подняло перед собой тонкую руку, которая с тихим всплеском вышла из зеркала и потянулась к Кате.

— Верни мое сердце! — произнес гулкий загробный бас.

От ужаса к Кате вернулся голос, она дико вскрикнула и наконец-то проснулась по-настоящему. В груди бешено колотилось, но она мгновенно успокоилась, — это был ее очередной знакомый кошмар. Последние пять лет он с разными вариациями посещал ее приблизительно раз в неделю. Какие препараты ни назначала бы Светёлкина, все они имели общее побочное действие в виде этого кошмара. Однако ужасная восьмерка явилась первый раз. Катя со вздохом перевернулась на другой бок, прижала ладошкой шрам между грудей и забылась до утра черным пустым сном.

ГЛАВА 2

06.09.2006 14:00

Стараясь производить как можно меньше шума, Аня открывала дверь своим ключом. Она привела в гости новую подружку, с которой познакомилась на детской площадке. Девочка жила в соседнем доме и тоже ходила во второй класс, тоже любила качаться на качелях, тоже жалела смешную бездомную собаку, которую вечно гоняли охранники жилого комплекса, и тоже приносила для нее бутерброды. Они мигом нашли общий язык. Открывая дверь, Аня немного беспокоилась, что пришла не одна и не предупредила маму. Но ей очень уж хотелось похвастаться новой игрушкой. Да что такого: мама же все равно все время спит, она может и не заметить.

— Только не шуми. Мама еще спит. Вон моя комната — он там.

— Калейдоскоп?

— Ну да.

Девочки на цыпочках прокрались в детскую, установили прибор и стали крутить колесо, поочередно заглядывая в окуляр. Постепенно они забыли об осторожности и стали шумно радоваться меняющимся разноцветным узорам.

Катя дремала в своей спальне, когда услышала, что наружная дверь открывается. Она почувствовала облегчение: наконец-то Анька вернулась. Когда дочка не было дома, Катя всегда тревожилась. Даже зная, что детская площадка находится на охраняемой территории и посторонний не может проникнуть туда. Услышав, что Аня пришла не одна, Катя удивилась: еще ни разу дочка без спроса никого не приводила домой. Ну и ладно, у девочки появляются новые друзья, надо же ей как-то привыкать к этому месту.

Катя еще не пришла в себя после дневного сна — ей было зябко, во рту оставался привкус лекарств. Ку-

таясь в махровый халат, она неслышно подошла к дверям детской посмотреть, чем там так заняты дети: в комнате Аня с девочкой ее возраста увлеченно возились с калейдоскопом. Но вот подружка подняла голову, и Катя почувствовала, как по спине побежали мурашки. «Если б у меня были волосы под париком — они, наверное, встали бы дыбом», — подумала она и решила, что это все еще действуют лекарства. Катя снова посмотрела на девочку, на ее лицо. Кого же она напоминает? Катя не могла оторвать взгляда от живого смуглого лица. Голова ее закружилась, пол неожиданно прогнулся и ушел из-под ног. Катя прислонилась к стене, пытаясь сохранить равновесие и восстановить сбившееся дыхание. Она закрыла глаза, но легче от этого не стало. В темноте замелькали смутные образы, они быстро сменяли друг друга, не давая зацепиться за что-то конкретное. Вот девочка, очень похожая на Анину подружку, сидит в темной комнате за столом под тусклой лампой и увлеченно читает толстую книжку; эта же девочка в танцклассе делает сложное хореографическое упражнение, лицо напряжено — она очень старается; вот девочка в школе — ее дергает за косичку какой-то противный мальчик; затем появились неприятные мужские лица, громкие голоса, крики, громкая молитва священника, яркие лампы операционной... Катя открыла глаза — рядом с ней стояла Аня и трясла ее руку.

— Мама, мамочка, познакомься, это моя новая подружка, ее зовут Катюша. Она живет в соседнем доме, а учится в испанской школе. Они уже давно тут живут, она мне все во дворе показала. А мама у нее доктор, как наш папа. Катюша, скажи что-нибудь по-испански?

— Буэнос диас, сеньора!

Катя машинально ответила:

— Буэнос диас! Ладно, девочки, играйте. Хорошо, Аня, что тебе теперь есть с кем повеселиться. А мне что-то не здоровится — пойду прилягу.

Девчонки ушли в детскую, Катя развернулась, чтобы вернуться в спальню, но не тут-то было. Она спиной почувствовала цепкий колючий взгляд. «Никакого негатива!» — пронесли слова мужа в ее больной голове, но она уже оборачивалась. От резкого поворота щелкнула шея и потемнело в глазах, затем будто сработала фотовспышка, ярко осветив узкое пространство коридора. Свет и тень поменялись местами: перед ней оказались две маленькие черные девочки, чернозубые и с ярко-белыми зрачками. Девочки отвратительно хихикали и показывали на нее пальцами:

— Это твоя мама! Хи-хи-хи!

— Нет, это твоя мама! Ха-ха-ха!

— Да какая разница! Хе-хе! Все равно она мертвая!

— Уже восемь лет! Ха-ха-ха!

— Замолчите, противные твари! — не выдержала несчастная женщина и замахнулась на них дрожащей рукой.

Негативные проказницы вмиг растворились в воздухе, оставив вместо себя ярчайшую молнию в виде восьмерки, которая ослепила Катю. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, к ней вернулось ее обычное зрение. Коридор был пуст, и только из дверей детской высунулась обиженная мордочка Анютки:

— Ма, ты чего ругаешься? Мы ж тихонечко шумим.

— Простите, я не вам... Пойду я.

И Катя ушла, не в силах отделаться от горячей восьмерки перед глазами и неприятных ощущений, роящихся под страшным шрамом на темени.

ГЛАВА 3

06.09.2006 22:00

Кате казалось, что она не доживет до вечера. Дневной приступ напугал ее, и этот страх не хотел отпустить ни на секунду. Что бы она ни делала, пытаясь

отвлечься, невнятные образы возвращались. Самым неприятным было то, что ей казалось — еще чуть-чуть, и она все вспомнит, поймет, узнает мелькающие лица, но ничего не получалось. Это ее изводило. На счастье, муж пришел не очень поздно.

С первого взгляда Григорий определил, что жена на грани срыва, — в ее глазах застыло отчаяние. Он уже давно не видел Катю в таком состоянии — неужели лекарства больше не помогают и пора переходить на более тяжелые?

Пока он передевался, Катя, сидя у своего трюмо, сбивчиво излагала суть своих переживаний. Григорий напряженно слушал, но, когда узнал, с чего все началось, облегченно вздохнул. Он подошел к Кате, положил ей руки на плечи и попытался успокоить:

— Ну, Катенька, мне кажется, ты сама себя заводишь. Может, эта девочка и похожа на кого-то. Что с того? Не надо так на все реагировать. Смотри, все было так хорошо, такой прогресс, Светёлкина меня постоянно обнадеживала. А по поводу дурацкой цифры, которая тебе везде мерещится, я прямо сейчас позвоню ей.

Григорий взял мобильник и вышел в соседнюю комнату. Через пять минут он торжественно вернулся:

— Катюша, ты просто переутомилась. Ремонт, переезд, новоселье — надо отдохнуть. Может, я отпуск возьму, и махнем втроем куда-нибудь на море?

— Милый! Цифра восемь, что тебе про нее сказала Светёлкина?

— Да ничего особенного. Знак бесконечности вставший на попá. Цифра как цифра, число как число. Тихое, спокойное, в порочащих связях не замечено. Шучу! Телевизора ты мать пересмотрела. Ящик этот поганый всякой мистикой инородной да каббалистикой забит. Умному человеку и смотреть-то на все это тошно!

— А при чем тут восемь-то?

— А при том, что был среди средневековых раввинов-сефардов, какой-то каббалист, который считал восьмерку цифрой-ловушкой, мол, это число вечно-го возвращения в начало и тому подобная белиберда. Смотрела ты, видимо, телик вполглаза и запала тебе эта чушь в подсознание. Ну ничего, мы люди православные, нам вся эта каббала нипочем. Правда, милая?

— Конечно, Гриша.

— Ну ладно, в любом случае я поговорю с Анюткой завтра перед школой и попрошу ее не водить к нам детей хотя бы неделю. Ты успокоишься, все будет как раньше, все будет хорошо, правда, милая?

— Не надо, Гриша, не трогай Аню, я справлюсь. Очень важно, чтобы Анька поскорее здесь адаптировалась, она же не виновата, что у нее безумная мамаша, которой все время что-то кажется.

— Креститься надо, когда кажется.

Оба машинально перекрестились: «Господи Иисусе...»

— Ты не безумная, ты просто у меня особенная и самая красивая.

Катя встала, повернулась к Григорию и крепко обняла его. Они долго молча стояли так.

— Гриша, а ты заметил: где бы мы ни жили — за окном всегда слышен колокольный звон. У меня такое чувство, что этот звон я вожу за собой с детства.

— Может, и возишь, ты же и родилась в Колоколамске, ваша звонница всегда на всю округу славилась. Надо нам с тобой в церковь сходить — давно не были, давай в воскресенье сходим?

— Давай. Слушай, а я вот сейчас поняла, что с детства название своего городка целиком не произносила — мы ж все коламские были. А еще в школе, помню, прикол был — Кока-коламск.

Гриша с удивлением посмотрел на жену:

- Ты же ничего про школу не помнишь...
- Вот видишь, что-то всплывает потихоньку.
- Ну что, спать?
- Давай.

Катя быстро заснула нервным, тревожным сном и не чувствовала, как в полной темноте ее муж пытается что-то разглядеть под ее закрытыми, подрагивающими веками.

ГЛАВА 4

08.09.2006 20:00

На этот раз Аня заранее спросила у родителей разрешения привести в гости Катюшу. Так что бояться нечего, можно врубить MTV и веселиться. За окнами целый день идет дождь, о том, чтобы пойти гулять не может быть и речи, и значит, они с подружкой могут забыть про время и делать все, что хочется.

Катя зябко поежилась в постели — дождь сегодня ни на секунду не прекращался. Она больше не могла спокойно сидеть, стоило хоть на минуту расслабиться и закрыть глаза — призраки возвращались, еще и зануда-дождь настойчиво стучал по стеклу монотонной дробью, нагоняя необъяснимую тоску. Пора было принять таблетки и немного поспать.

Катя подтянула одеяло к лицу. Знакомая успокаивающая истома охватила все тело, смутные образы начали плавно перетекать один в другой, пока не превратились в бесконечный коллаж.

Очнулась красавица снова напротив любимого трюмо. В комнате было довольно светло от огромного количества свечей, стоявших повсюду. Чувствовала себя Катя прекрасно и светилась счастьем, как свеча на полу. Она была обнажена и без стеснения любовалась в зеркало на свои идеальные формы. Чтобы получше разглядеть себя, она повернула боковые створки трю-

мо, и теперь на нее смотрели три довольные физиономии. Вдруг Катя поняла, что на ней стильный черный шелковый платок и черные очки. Странно, что она сразу этого не заметила. Настроение немедленно испортилось. Неожиданно занял давно заросший шов на голове. «Вот зараза! Сто лет не беспокоил», — подумала Катя и полезла рукой под парик. Пальцы нащупали на макушке холодную металлическую застежку молнии. «А это что еще за фигня?» — подумала она и уверенной рукой потянула застежку по затылку к низу, при этом рука остановилась на уровне лопаток, а подлая застежка продолжила свой путь самостоятельно и съехала, расстегнув кожу на спине до самого копчика. Спине сразу стало очень холодно. Не успела Катя зареветь от страха, как три ее отражения дружно засмеялись над ней, а очки на них превратились в горящие восьмерки...

Катю разбудил звонок в дверь. Она, утерев холодный пот со лба, посмотрела на часы — уже десять вечера, малявки явно засиделись. Бедолага оделась и пошла открывать. К ней тут же бросились девочки. Подружка дочери, Катюша, виновато заглянула Кате в глаза:

— Ой, это моя мама, я сказала ей, где вы живете!

И правда на пороге стояла высокая красивая женщина с крупноватыми чертами лица, короткими темными волосами и насмешливыми зелеными глазами. Ее светлый плащ с правой стороны совсем промок. Рыжие кожаные туфли потемнели от воды и оставляли на полу мокрые следы.

Увидев друг друга, женщины на секунду замерли, у гостыи выпал из рук зонт. К ней подбежала дочка, подняла зонт и взяла ее за руку:

— Mamочка, извини, я задержалась! Здесь так интересно! — Девочка обернулась к Кате: — Это моя мама!

Хозяйка поняла, что женщина в замешательстве и попыталась ей помочь:

— Здравствуйте, меня зовут Катя, как вашу красавицу. Проходите, пожалуйста!

Женщина исподлобья посмотрела на нее и не очень уверенно представилась низким хрипловатым голосом:

— Добрый вечер. Виктория.

«Какая неприятная баба», — подумала Катя, но виду не подала.

— Раздевайтесь, вы же совсем промокли, я чай сделаю. Не обращайтесь на меня внимания, я немного не в себе, сейчас лекарство приму — получше стану. Вы не торопитесь?

Виктория вела себя очень странно, было видно, что она внутренне колеблется. Пауза затягивалась. Кате даже показалось, что Виктория, слава богу, сейчас развернется и уйдет, но она осталась.

— Я и правда никуда не тороплюсь. Что ж, чаю так чаю. Только зеленого!

«Еще и наглая какая!» — изумилась Катя про себя и сказала:

— А девочки пусть еще поиграют, они так хорошо спелись, я прямо рада. Вы не ругайте Катюшу, что она задержалась, они новую игрушку осваивают — калейдоскоп.

— Да я и не думала ругаться, она же мне адрес ваш оставила. И давно вы здесь живете? Я вижу, у вас ремонтик свежий. Стильно так все. Молодцы! Хороший дизайнер сейчас — редкость.

— Мы здесь совсем недавно. Знаете, мы с Гришей так долго искали...

Виктория тихо заметила, как бы про себя:

— Молодцы! Нашли. Кто ищет, тот всегда найдет.

— Вы что-то сказали?

— Нет-нет, это я так. И по каким же параметрам вы вели свои поиски?

Странная гостя все больше тревожила Катю: шепчет что-то себе под нос, под который почему-то так и напрашиваются усы, ну хотя бы маленькие, как у Гит-

лера. Но она твердо решила быть сегодня радушной хозяйкой, и ничто не могло ей помешать.

— Ну, чтобы большая и светлая и чтобы школа хорошая рядом была, — сказала она.

Гостья удивленно подняла брови:

— Вы о чем?

«И тупая, как валенок!» — констатировала про себя Катя.

— Как «о чем» — о квартире. Мы очень долго не могли найти подходящую, но этой мы очень довольны. Ну а вы здесь как давно?

Гостья снова напряглась, было видно, что ответ ей дается с трудом:

— Больше семи лет. Почти восемь.

— Я очень за Анечку волнуюсь, как она там в школе с новым классом будет. Такой стресс! Жаль, что ваша Катя ходит в испанскую школу. Надо было и нам свою туда отдать. Ходили бы девчонки в один класс, уроки бы помогали друг другу делать.

Но Виктория опять произнесла куда-то в сторону и как бы про себя:

— Одноклассницы, угу...

— Что вы сказали?

— Да-а, забавно, говорю, если бы они еще и одноклассницами были... А мне вот почему-то показалось, что ваша девочка обязательно должна ходить в испанскую школу.

— Ну что вы. Мне, представляете, на днях песня испанская пришла в голову, вот странно, сама не знаю откуда. А английская школа у нас ближе к дому, не вечно же я буду дочку за руку водить. Вот и отправили Аню туда. Да и Гриша был как-то против испанского языка, предубеждение у него какое-то.

— И с чего бы это?

— Да не знаю, у него часто бывает. Работа тяжелая, нервная — кардиохирург. Ваша Катюша сказала, что вы тоже врач, а какой, если не секрет?

Виктория немного задумалась:

— Тоже хирург, правда, мне далеко до вашего Григория, я всего лишь — пластик.

— О! Пластический! Как интересно! И много клиентов?

— Очередь на год вперед.

Кате сразу вспомнились звезды эстрады, которых вечно крутят по телевизору, с искаженными блестящими лицами, с пухлыми губами, с надутыми губками.

— Но ведь после пластики они такими искусственными кажутся.

— Ну это смотря кто делает операцию. — Виктория внимательно посмотрела на Катю, отчего той стало не по себе. — Мои пациенты, например, и через много лет неплохо смотрятся. Ну что мы все обо мне, о себе расскажите.

— Да что рассказывать. Я дома сижу, нигде не работаю...

В комнату вбежала Катюша:

— Мама, пойдем, я тебе калейдоскоп покажу.

— Катенька, уже поздно, пойдем домой, в следующий раз покажешь. — Виктория ласково погладила девочку по голове, а потом обратилась к хозяйке: — Засиделись мы, а завтра детям в школу. В другой раз доболтаем.

Было заметно, что у Виктории исчезли неловкость и скованность, которые мешали ей в начале разговора. Катя это отметила и приписала своему умению общаться с людьми. Но после ухода Виктории с Катюшей на душе у нее остался неприятный осадок. Осталось ощущение недосказанности, хотя, анализируя разговор, она не могла ни к чему придаться. Обычный треп малознакомых людей, но успокоиться почему-то не получалось. Снова накатили мутные обрывки воспоминаний, и отделаться от них не было никакой возможности.

ГЛАВА 5

08.09.2006 23:00

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей, Катя, уложив дочку спать, забралась с книжкой певицы Валерии в постель. Она пыталась сосредоточиться на тексте, но постоянно уплывала прочь от сюжетной линии, вновь и вновь возвращаясь к недавнему разговору с Викторией. Неожиданно тишину в квартире нарушила рулада мобильного — это звонил Григорий.

— Дорогая, как ты?

— Все хорошо, милый.

— У нас сегодня напряги на работе, ничего страшного, если я слегка задержусь? — В голосе мужа слышались виноватые нотки.

— Все нормально, не переживай, я скоро лягу спать...

Закончив разговор, Катя еще несколько секунд медлила и задумчиво постукивала телефоном по книжке, которую продолжала держать в руках. Затем быстро встала с кровати и пошла в другую комнату, где до сих пор стояли неразобранные коробки с вещами. Она стала торопливо рыться в коробках, разбрасывая попавшиеся под руку предметы, и наконец нашла то, что искала. Катя села на пол и стала разглядывать альбомы с фотографиями, интуитивно пытаясь найти там причину своего беспокойства. Она начала листать самый старый альбом, где были собраны ее детские фотографии — много Кать в нарядных платьях, танцующих бальные танцы в паре с разными смешными важными мальчиками, покойная мама, покойный отец. На оборотах фотографий мелькало название города, где она родилась и выросла. Именно о него и споткнулась Катя. «Кола-кола-коло-коламск» — призывно зазвенели тревожные колокола в голове, мигнула перед глазами горящая восьмерка из сна, и подсадное сердце преда-

тельски заколотилось. И тут все сразу встало на место в ее больном мозгу: «Восемь — это возвращение в начало, а мое начало там, где конец моей памяти — в девяносто восьмом году, восемь лет назад в Коламске. Похоже, пришла пора проведать родные пенаты». Она начала собирать и укладывать вещи, потом написала записку Грише:

«Я больше не могу жить без своего прошлого, мне необходимо разобраться в себе. Пожалуйста, не пугай Аню, я всего лишь навещу могилы родителей — уеду на пару дней. Я знаю, ты всегда можешь меня убедить, в чем угодно, поэтому уезжаю прямо сейчас. Не паникуй, все будет хорошо. Люблю тебя. Твоя Катя».

Она взяла зонт и вышла навстречу ливню и загадкам.

Часть II
Славный город детства

ГЛАВА 1

09.09.2006 09:00

Призраки больше не появлялись, как будто они принадлежали не сознанию, а месту, и в городе ее детства у них не было прописки. Голова совершенно ясная, и в теле чувствовалась легкость, о существовании которой Катя уже успела забыть. Это было очень кстати, ведь сегодня ей предстоял нелегкий день. За окнами единственной в городе гостиницы сияло солнце. Еще в холле до Катиного слуха донесся мелодичный перезвон утренних колоколов. Она краем глаза поймала в зеркале свое, но такое странное, отражение — платок, черные очки. На секунду замерла, испугавшись, ей почудилось, что она где-то видела эту «чужую» женщину, возможно, во сне? Однако Катя быстро справилась с наваждением. «Это простое дежа вю, — решила она. — Неплохо я законспирировалась».

Выйдя из гостиницы и дойдя по переулку до площади, Катя остановилась осмотреться. Под утренним солнцем город выглядел совсем не таким страшным,

как вчера ночью. Когда она шла со станции к гостинице, казалось, что каждый случайный прохожий обращается ей вслед, из всех окон за ней следят сотни злобных глаз, и стоит остановиться, как ее тотчас схватят и утащат в темноту.

Сейчас, глядя на город, Катя не понимала, как такое могло прийти ей в голову?

На небольшой мощеной площади, воркуя, неторопливо прохаживались и грелись в утренних лучах голуби. Фасады немногих старых домов обветшали, краска облупилась и облезла — требовалась заботливая хозяйская рука. К горлу Кати подкатил комок, на глаза навернулись слезы — надо же, она помнила это место. Главные городские достопримечательности — церковь и ночной клуб — были здесь же, на центральной площади Колоколамска, так что до церкви, куда и направилась Катя, было шагов сто — не более.

Была суббота, возле церкви блестело с десяток машин, а на паперти топталась коротенькая шеренга нищих. Катя зашла в переполненный храм во время проповеди. Батюшка — молодой, высокого роста, крепкого сложения, с широкой светлой бородой и живыми серыми глазами, казался скорей былинным богатырем, чем святым отцом. Было видно, что он, несмотря на молодость, пользуется большой популярностью у прихожан, почти все остались его слушать. Катя тоже прислушалась к проповеди, где речь шла о прелюбодеянии, причем местный ночной клуб именовался Содомом.

Катя внимательно всматривалась в лица прихожан, пытаясь кого-нибудь узнать, но — тщетно. Когда же подошла ее очередь за причастием, она увидела испуг в ясных и почему-то таких родных глазах священника. Катя решила обязательно с ним поговорить, возможно, он поможет ей в поисках прошлого. Но ее затея не увенчалась успехом, пока она ждала, когда разойдется основная масса прихожан, попа уже нигде не было. Старушка, которая прибирала огарки свечей возле

икон, сказала, что отец Пантелеймон срочно ушел — у него болела младшая дочь. Разговорчивая старушка поведала Кате, что у отца Пантелеймона уже четыре дочери, несмотря на молодой возраст, и что он возглавляет приход более десяти лет. А также, что в последние годы он стал совсем другим, радость ушла из жизни отца Пантелеймона после трагедии, случившейся в городе несколько лет назад. Но старушку куда-то позвали, и та, извиняясь, спешно ушла заниматься другими делами.

Немного растерянная, не представляя с чего начать свои поиски, Катя вышла на площадь. К ней неожиданно подошла какая-то баба. Женщина была ярко накрашена — на лице лежал толстый слой тонального крема, что бросалось в глаза на ярком утреннем солнце. Ее сильно подведенные зеленые глаза чуть косили, из-за чего было не совсем понятно, куда в данный момент направлен ее взгляд. На вид она была старше Кати, очень хорошо одета, даже слишком хорошо для провинциального города. Темно-зеленый костюм прекрасно сидел на ее плотной фигуре, приталенный пиджак с вышивкой по лацканам подчеркивал высокую грудь, асимметрично обрезанный подол юбки не скрывал все еще стройных лодыжек. Туфли на высоченных шпильках и довольно большая сумка из одного комплекта были украшены переливающимися на утреннем солнце стразами. «Экая фифа!» — подумала Катя и уже собралась с ней заговорить, но «фифа» начала первой:

— Оп-па, блин. Не может быть!

— Что вы сказали? — удивилась Катя и сняла очки. — Я — Катя Дроздецкая. Мы разве знакомы?

Дама картинно приложила руки к груди, а потом вдруг решительно бросилась обниматься.

— Катька! Катя Петрова! Ты! А я уж бог знает что подумала. Ты так изменилась, но глаза, эти твои глаза! И нос! Где ты была все это время? Еще и разоделась как эта... господи прости.

— Нос? А что с ним? — строго переспросила Катя. — Что вы имеете в виду?

— Катька, ты что, не узнаешь, походу? Это же я! Белка! Синявская! Помнишь, Белка и Стрелка? — Она сняла с головы тяжелый платок, под которым оказались рыжие некрашенные волосы.

Перед глазами Кати промелькнул образ худощавой рыжей красотки с сигаретой в наманикюренных пальцах.

— Ой! Кажется, помню! — обрадовалась Катя. — У меня, понимаешь, после травмы что-то с головой: я все забыла. И специально приехала, чтобы все вспомнить. Как хорошо, что ты подошла сама, может, чем-нибудь поможешь, мы ведь, похоже, хорошо знали друг друга, правда?

Белла, понимая, что Катя не шутит, слегка отстранилась и, глядя ей в глаза, спросила:

— Что, вообще? Вообще ничего не помнишь? А где ты сейчас живешь? Вы с Женей? Ваш ребенок... — Она осеклась. — У вас есть дети?

— С Женей?! Почему с Женей?

— Во дает! Походу у тебя с головой и вправду — беда, если даже Женю своего забыла. Идем ко мне. Пообедаем в моем ресторане, поговорим. — Она взяла Катю под руку и повела к «мерседесу».

Отъехали они совсем недалеко — свернув с площади, Белла остановила машину на соседней улице возле заведения «Ресторан „Баку“», оказавшегося просторной шашлычной с эстрадой в глубине зала.

ГЛАВА 2

09.09.2006 12:00

Сначала они молчали. Белла уплетала сочный шашлык, попивала, рюмка за рюмкой, коньяк, а Катя будто не замечала стола с аппетитными кавказскими

яствами и ни к чему не притрагивалась. Чувствовалось, что она вот-вот расплачется. С глазами, полными слез, она наконец сказала:

— Восемь лет я не помнила ни город свой, ни отца с матерью, ни себя — ничего, смотрела на старые фотографии — и хоть бы что шевельнулось. Теперь я хочу все знать. Расскажи мне!

Белла перестала жевать, взяла графин и плеснула в рюмочки.

— А оно тебе надо? На вот, лучше выпей!

— Мне нельзя. Я пью только таблетки.

— Не пьешь, значит. И не куришь? А где танцуешь?

— В смысле?

— Понятно. Не танцуешь, не куришь и, как я вижу, не ешь. Так какая же ты Катька? Подруга, может, ты походу ангел? Может, и дырочка у тебя заросла, Катюха? — ухмыльнулась Белла.

Но Кате было не до шуток:

— Пожалуйста, хватит прикалываться. Ты же знаешь, что со мной было, — расскажи.

— Хорошенькое дело! А если тебе не понравится? Ты теперь такая правильная сделалась. Может, походу не надо, может, ты спецом все забыла? Впрочем, как хочешь, мне-то что?

Отставив рюмку с коньяком, Белла довольно улыбнулась:

— Хорошо. Знаешь, как я тебя в первый раз увидела? Вернее, мы со Стрелкой. Стрелка, кстати, уехала в Москву, но походу у нее там все плохо. У них там своих блядюг — как грязи. Так вот, началось это все как раз в девяносто восьмом, когда ты не поступила в театральный, и твой Папаген пристроил тебя к нам в варьете.

— погоди, какой папа Гена? Моего отца звали Федор Андреевич!

— Ты и Папагена не помнишь? Да, бедненькая, крепко ты походу ударилась. Теперь, значит, придется все это заново переживать.

— Что — переживать?

— Ну, что с тобой было — весь этот бардак, который обрушился на тебя тогда. Слушай, а ты не заливаешь, что не с Женей живешь?

— Нет. Моего мужа зовут Григорий. Мы с ним уже восемь лет. Я очень его люблю. У нас дочка — Аня. Я покажу фотографии, хочешь?

Белла кивнула. Катя достала из сумочки и положила на стол семейную фотографию, на которой они с Гришей и Аней символически чокались хрустальными бокалами с соком. Белла, потянувшись за фотографией, опрокинула на стол графин. Коньяк с веселым бульканьем стал выливаться из горлышка, растекаясь по скатерти и заливая чету Дроздецких. Обе женщины замерли, глядя на фотографию: Катя, потому что ее заливал коньяк, а Белла, потому что увидела там что-то странное.

— Как ты мизинец-то отгибашь! С понтом, — схватив и вытерев фотку, Белка внимательно вглядывалась в нее. — Девка — копия ты. А мужика я походу откуда-то знаю. Он у ты не доктор?

— Доктор. — Кате стало неприятно, что разбитная Белка знает Гришу, и она поспешила убрать фото в сумочку.

Рассеянным вниманием же Белки тем временем завладел новый объект. На эстраде ресторана началась репетиция танцевального номера: две красивые девушки и юноша — все затянутые в черные трико — изображали любовный треугольник, девушки — русая и брюнетка — по очереди танцевали с кудрявым блондином страстное танго.

— Смотри, — обратилась к Кате Белка, — как он на Женьку похож. Я его сама на кастинге отобрала. Но наш кобель походу посмазливей был. Хотя я бы и с этим походу...

Катя смотрела на сцену и чувствовала, что ее сознание начинает уплывать. Слова рыжей Белки те-

перь доносились издалека. У Кати перед глазами стоял другой танец на сцене какого-то варьете. Она знала всех, кто здесь был. В зале сидели только хозяин заведения Павлов, его жена Лена, директор и хореограф. Катя, совсем молодая, с партнером на авансцене, сзади — кордебалет. Она слишком естественно прижимается к Жене. Хозяин клуба недовольно кричит:

— Ну, это Бежар какой-то, нах. Надо чё-то попросе, у нас же не Большой, нах, а ночной.

Обиженный хореограф отвечает:

— Ну, извините, я учился у Папагена, может, вам просто стрип устроить?

— Чё быкуешь-то? Я тебе деньги плачу, нах.

Бледная Лена, неотрывно следящая за сценой из-под черных очков, начинает потихонечку терять сознание. Это замечает ее супруг и диким голосом ревет:

— Врача! Срочно, нах. Воды!

Он хватает Лену и выносит на воздух. Лена теряет по дороге очки. Катя и Женя выбегают за ними. На улице Лена, открывая глаза, улыбается, обхватывает Павлова руками за толстую шею и говорит:

— Павлов, какой ты иногда бываешь bueno!* Поехали домой. Надоели мне твои вертижопки.

ГЛАВА 3

09.09.2006 11:30

Услышав долгий звонок в дверь, курившая на кухне Виктория поморщилась: странно, кто это с утра пожаловал? Она зевнула, запахнула халат и вышла в коридор. Посмотрела в глазок, снова поморщилась и открыла дверь. На пороге стоял мрачный Григорий

* Милый (*исп.*).

Дроздецкий. Виктория кисло улыбнулась и хрипло поприветствовала гостя:

— А, глава семейки! Я думала, что ты еще вчера прискачешь.

Григорий недобрым взглядом окинул ее махровый халат, из-под которого торчали мужские пижамные брюки, сигару в пальцах, и, слегка отодвинув Викторию в сторону, прошел в квартиру.

— Прочь, нечисть! Не вижу повода для веселья.

Он без приглашения вошел в громадную кухню и сел на табуретку.

На кухне был легкий беспорядок, на столе — початая бутылка коньяку. Григорий склонился и обхватил голову руками:

— Ну откуда, откуда вы взялись, почему от вас никуда не деться?

— Почему — от нас? Это нам от тебя никуда не деться. Я здесь уже семь лет живу, это вашу маньячную семейку сюда черти принесли. Кстати, где твоя добрая женушка, спит еще? — не теряла невозмутимости хозяйка.

В кухню заглянул до безобразия женственный мужичок с нелепой жиденькой щетиной на бледном лице. Он беспокойно посмотрел на гостя, затем — на Вику:

— Все в порядке, Викочка?

— Да, милый. Старый знакомый пришел, еще по Коламску, ты его не знал. Коллега. Теперь вот — светило кардиологии. Мы быстро, ты иди пока к Катюшке.

Как только существо скрылось за дверью, Григорий поднял голову и истерично заголосил:

— Вика! Виктор! Викочка! Мы ж договорились: связь держать телефонную, друг к другу не соваться! Что, трудно, что ли, было отзваниваться раз в год?

— А зачем? Москва — город не маленький. Кто ж знал, что девчонки друг друга найдут? Абсурдное со-

впадение! Я как твою благоверную увидела — решила, что подстава. Ан нет, просто ты, придурок, умудрился квартиру в моем дворе купить! Польстился на престижный район или соскучился?

— Если б я знал, что ты здесь живешь, за километр объезжал бы. Отзваниваться надо было. Связь держать!

— Ты вообще, чего тут нюни распустил. Восемь лет у меня рот на замке, а общаться с вами, связь держать, весь этот бред провинциальный поддерживать — извините, на хуй! Начитались в детстве Дюмов с Конан Дойлами. Я ни от кого не прячусь, фамилию не меняла. Если б вам с попом нужна стала, нашли бы с полтыка. Я никакого контроля не терплю, но слово держу, молчу в тряпочку.

— Слово держишь? Да ты ж даже не знаешь, кто ты! Бабамужик?! Все несчастья мои от вашей грязной семейки. От Жени твоего, кобеля несчастного.

Виктория резко встала и неожиданно сильно впечатала шею Григория к столу.

— Ты, гнида, брата моего не трожь. Если бы вы мужиками были, ты да Павлов, да другая пьянь, глядишь и не пришлось бы нам все это ваше дерьмо разгребать, нам — бабам!

Григорий яростно трепыхался, но вырваться не мог. В кухню опять заглянул мужчинка и тут же испуганно исчез.

— Что?! Сильные руки у пластических хирургов?! Это тебе не сонных баб по ночам душить, Гиппократ хренов!

Григорий перестал дергаться и начал жалобно скулить.

— Что? Виктория?! Ну и кто бабамужик?! Тьфу.

Виктория ослабила хватку, Григорий выпрямился. Какое-то время они сидели молча, не глядя друг на друга. В кухню важно зашла толстая кошка, выгнула спину, заурчала и нагло запрыгнула Григорию на ко-

лени. Он нервно спихнул ее. Виктория начала томиться затянувшейся паузой.

— Ну, ладно, коллега, мир. Ты чего помолчать пришел или поругаться?

Григорий ответил Виктории, не глядя на нее:

— Нет, шею помассировать. — Он ощупал шею. — Синяк будет. Ты чего ей вчера такое ляпнула, что она, как угорелая, в Коламск помчалась? Прошное искать. Не дай бог найдет.

Викина бровь удивленно взлетела:

— О-о-о, беда! Я ведь не меньше тебя переполошилась, когда ее увидела. Я ей ничего такого не говорила, веришь? Ни полслова. Ни полунамека. Так потрепались о детях, две домашние клуши. На голову она жаловалась — это правда, а ты чего за ней не подорвался, не вернул?

— Я под утро пришел, а там письмо, — обмяк гость и протянул Виктории Катину записку.

Она с интересом пробежала ее глазами.

— Да уж. Видно, все-таки живет у нее чего-то там в головенке, тлеет, ворочается, химикатами недобитое. Сначала Катька моя, потом я — катализировали процесс, вот и дернулась. Да ты не переживай так — чего она там найдет — еще ббольшую кашу, чем в своей башке. В нашей истории-то черт ногу сломит. Ты, я да поп — больше никто в этом мире правды не знает, но нужна ли она кому-нибудь — это другой вопрос. Нака, глотни «Годэ». — Виктория достала из шкафа бокал и налила коньяку почти до края.

Григорий молча взял бокал и, отхлебнув из него, сказал:

— Значит, ты ничего не сказала. Я всегда надеялся, что ты не подведешь, даже когда след твой потерялся, я Отца успокаивал. Он, кстати, звонил мне сегодня, она с утра уже у него была, его чуть кондрат не хватил. Я хотел приехать, а он говорит, сиди тихо, тебя здесь не хватало, паникера. Твое дело — людям жизнь спа-

сать, а мое — душу успокаивать, сам управлюсь. Говорит, в глазах у нее святость увидел, совсем свихнулся. Восемь лет я с ней, в глазах ее только преданность собачья.

— Ну а чем не святость? Завидую! Выглядит она, кстати, отлично. Ладно, Пантелеймон — кремень и мозг, он все вырулит. В конце концов, кто, если не он? Так что вернется через пару дней твоя птичка в клетку, походит по родным камням, помолится, на могилке предков поплачет да прилетит к птенчику. Мне Катька все уши прожужжала про Аньку вашу, прямо влюбилась, по самые эти самые...

Злобно взглянув на хозяйку дома, Григорий поморщился:

— Не стыдно тебе про детей так.

Виктория, не обращая внимания на огненные взгляды гостя, пыхнула сигарой.

— Я ж в хорошем смысле. Я за свою Катьку любого задушу, извини, опять сорвалась.

— Да, ладно, — сдался грозный Гриша. — Я свою Аньку тоже до смерти люблю. Давай, что ли, выпьем за неожиданную встречу, за детей наших любимых да чтоб все обошлось.

— Тихо, тихо. Что-то разогнался ты, давай сначала за Катю выпьем, за святую нашу, за ее большое сердце.

— Никогда не понимал, когда ты шутишь, а когда серьезно, — сказал Дроздецкий, заглывая душистый коньяк.

К нему на колени опять запрыгнула кошка. Григорий, немного успокоившись, погладил ее:

— Киса, киса, хорошая кошка.

Виктория криво усмехнулась:

— Это кот. Русский голубой кот, кастрированный, правда. Мужиков, гад, очень любит, ни одного не пропустит. Еще бы. У нас в семье с мужиками не очень, дефицит.

— Кота случайно не Женей зовут?

Вмиг с Викторией слетело все ее напускное благодушие:

— Пошел вон, дурак! Анька твоя пусть приходит, а ты чтоб на двести метров не подходил.

ГЛАВА 4

09.09.2006 12:30

Катя пришла в себя оттого, что Белка прыскала на нее водой из графина. Она была все в том же ресторане, рядом Белка — заглядывает в глаза. Вроде бы отпустило, и что с ней случилось минуту назад — непонятно. Мысли обрели былую четкость. На сцене стало пусто, танцоры исчезли. Белла смотрела на нее с неподдельной жалостью в глазах:

— Бедненькая, как ты его все-таки любила. А познакомил вас Папаген. Помнишь Папагена?

Катя отрицательно покачала головой, не в силах что-либо сказать.

Тогда Белла с готовностью взяла инициативу в свои крупные руки и начала рассказ:

— Тебя в клуб к нам Папаген пристроил. Ты такая смешная пришла, совсем зеленая еще, ну ясное дело, только после школы. Танцевала ты просто класс! Это все отметили. Нам со Стрелкой ты походу сразу понравилась. И Женька-гей запал на тебя капитально.

Катя уточнила:

— Так я с Женей в клубе познакомилась?

— Да нет же, ты уже до клуба с ним была знакома, вас Папаген познакомил, папашка твой настоящий и твой учитель танцев, старый сводник.

Пытаясь связать новые факты своей биографии со старыми знаниями, Катя спросила:

— Значит, я с детства танцами у собственного отца занималась? Как моя мать могла все это от меня скрывать?!

— Ну, походу это ее тоже нервировало. Ведь как только Папагена инфаркт свалил, она тебе все и выложила. Только ты к тому времени уже беременна была от Женьки! Вот почему я тебя и спросила сразу, не от Женьки ли у тебя ребенок! Но подожди, это все не по порядку. Я вперед залезла. Ты точно выпить не хочешь, а то давай коньячку?

Бред сумасшедшего! Но не верить Белле не было оснований, и все, что Катя могла делать сейчас, — это только слушать и запоминать, потом она сядет и во всем разберется, а пока надо сохранять светлую голову. Белла продолжала вопросительно смотреть на нее, Катя вспомнила — она же задала вопрос, надо было отвечать:

— Нет, нет, я же говорила! Не могу, я на лекарствах.

Ее старую знакомую такой отказ ничуть не смутил, похоже, она привыкла пить в одиночку:

— Ну как знаешь, подруга. Походу странная штука жизнь. Надо ж как тебя приложило! — Она уверенно налила себе очередную рюмку и выпила одним махом. — Ну так про что я? Короче, ты, как пришла к нам, сразу влилась в нашу теплую компанию, помнишь Сережку, я тогда с ним встречалась? Сторчался он и помер. Ах да! — Беллу уже заметно развезло, движения стали размашистыми, голос — громким. Она махнула рукой: — Куда тебе. В общем, сдружались мы здорово, ну и понятно клубились по всем значным местам, вот тогда-то ты с Женькой и схлестнулась! Какой у вас бурный роман был! Мы все в шоке были, весь город тогда Женьку голубым считал. Правда, я так и не могла понять: откуда такие дурацкие слухи поползли, ведь вечно его с какими-то бабами раньше видели! С Жанкой, например, или с Риткой. В общем, лямур у вас был писдецкий! Походу если б не твои проигрыши в казино, может, все и по-другому бы было!

Стул пошатнулся, новый оборот истории Катю встряхнул и вывел из оцепенения:

— Какие еще проигрыши?

— Да, мать, ну ты даешь, все забыла! Ты меня прости, но все как в анекдоте и получается. Да ты ж в жуткие долги влезла, денег нет ни хрена, а все туда же! Да тебя же от рулетки не оттащить было, мы ничего поделаться не могли! «Мне повезет! Мне повезет!» — как зомби блин. А за деньгами к кому? — Конечно, к Сашке Павлову. Я, кстати, его с зоны дождусь и брошу своего Вахида с его сраным рестораном. Вахида-то я у Стрелки отбила... А нечего, подружка, клювом щелкать! А теперь мой Вахид торчит неделями в Москве — дела там, стрелки. Стрелка, блядь! Узнаю — закажу обоих на хрен, — окончательно сбилась на свою судьбу с Катиной, изрядно набравшаяся Белка. — Да, прости, значит, Павлов. Вот мужик так мужик. Как прижмет... Он парень добрый, никому походу не отказывал, но ты — дура — его терпеть не могла, а кого еще просить? Вот ты к Ленке Павловой, подружке своей, и побежала! Я говорила тебе: не связывайся с ней — стерва она, а ты заладила: нет, она хорошая! Хорошая — с говном сворошенная! А я как чувствовала, все в последствии и открылось: она же и подговорила собак павловских тебя трясти да счетчик крутить! Павлов оказался вообще не в курсах. Вот и влипла ты по уши. Долгов немерено, от премьеры тебя отстранили...

— А почему? — Катю нелепая история Белки уже не пугала, а наоборот, начала забавлять, она совершенно не могла поверить, что все это происходило с ней.

— А нечего было вставляться и в обмороки при всем честном народе на генеральной репетиции грехаться! Вот тут и выяснилось, что ты брюхатая наркотка! Как тебя было оставлять в трупше? Ясное дело, тебя и попросили! Женька — кобель несчастный — сразу тебе: делай аборт, у меня карьера, мне еще рано

семьей обзаводиться! Гад ползучий! А тем временем тебя собаки Павлова стали за долги прихватывать, походу! Мало того, и Папаген в больницу загремел. Вот тогда тебе мамашка все о нем и выложила!

— И что же я? — иронично спросила Катя.

Белка опрокинула очередную рюмку.

— Что-что, говоришь ей: не могу я, мама, во лжи с тобой жить, и ушла из дома к Женьке! Ты все к Папагену своему в больницу бегала, ну плохо ему было очень, он вскоре и помер. А отец твой, ну в смысле отчим, совсем от расстройства крышей тронулся и в один прекрасный день таблетками и объелся. А ты потом сразу делась куда-то. Кто говорил, что в Москву, кто еще чего придумывал. Женька, сволочь, ничего не хотел говорить, только ходил с каким-то загадочным видом. Чтоб его! А у нас и в клубе черт-те что тогда творилось. Ким — это наша гримерша была, узкоглазая, помнишь ее? Ты с ней еще сралась все время. Тоже куда-то бесследно пропала еще до тебя, так и не нашли. Женька-то твой с ней походу очень близок был когда-то, очень-очень. Слушай, подруга, а ведь Ким-то эта была женой твоего нынешнего мужа — доктора Раздецкого!

— Дроздецкого. О господи! Час от часу не легче. Так я с Ким из-за Гриши ругалась? — Фамилия любимого мужа вернула Катю к реалиям. «А вдруг вся эта галиматья — правда?» — пронеслось у нее в голове.

— Не-ет! Из-за Женьки. Не сбивай меня. Я и так сама собою. Короче: Ким пропала, ты пропала — в общем, невеселая какая-то пежня началась. Только Ленка ходила довольная, аж смотреть противно. Я это на беременность списывала — они давно с Сашкой ребенка хотели, но что-то не получалось у них. Она как шелковая тогда стала, просто ангел, куда весь сволочизм делся? Но Павлов ее все равно грохнул. Бейсбольной битой по башке. На девятом месяце. Пиздец!

Все из-за Женьки. Павлову какая-то сука записку подкинула, что у Ленки ребенок от этого пидора. Ну а потом мы узнали, что ты в тот же день в аварию жуткую попала, тогда же и Женька пропал бесследно. Кобель, он и есть кобель, лучше б он и вправду был голубой. И тебе жизнь испортил, и Лену загубил, и Павлова в тюрьму отправил. Ты-то вон, молодец — муж, дочь, а Ленка-то на кладбище. Сашка сидит, еще лет семь ему, походу бедолаге. Вот так вот. Правильно, его козла быстроногого кастрировали!

— Кого — Павлова?

— Да нет же, Женьку твоего! Ромео недоделанного!

Ну это уже был явный перебор, может, во что-то она и поверит, но в такое! Кто уж что придумал, она потом разберется, а пока Катю пробил нервный смех:

— Как кастрировали, кто?!

— Уж не знаю, правда ли. Но говорили, что Ленка перед смертью ему банан отчикала, под самые помидоры!

— Боже, какой мрак, какая грязь!

— Да ладно, не убивайся. Может, врут. Женька-то пропал с тех пор. Ни слуху ни духу. Я думаю, убили его, а может, он сам этот слух распустил, чтобы отстали от него, не искали. Павлов-то, он и на зоне Павлов, он и оттуда бы кобеля этого достал. Знаешь, как он убивался, на суде плакал, что Ленку да дитя невинное загубил. Я Сашу так жалела! Не с той бабой он связался. Лена-то хоть красивая, но походу бессердечная была, порок сердца — это ж надо какой точный диагноз. Порок и есть порок.

— Нельзя так про покойницу. Нехорошо это.

— Может, Катюха ты и права. Я, грешным делом, Ленку эту не любила, даже боялась. Вид этот ее походу вечно похоронный. Когда узнала я, что у нее ребенок-то от Женьки должен был быть, у меня прямо в башке как прояснилось: Жанка задушенная да утоп-

ленная, Ритка пропавшая, потом ты — все одних рук дело. И не маньяка коламского, как Стрелка считала, а ее ревнивой сучки, Ленки-испанки. Женьку-то, понятно, Павлов замочил, концов не найдешь. А всех остальных — точно Ленка. Сама или руками гориллы своей глухонемой! Как ее не стало, так в городе люди и не пропадают, так, драки пьяные да бытовуха обычная.

— Что-то ты подруга совсем напилась походу, — передразнила Беллу уставшая Катя. — Как же меня Лена ваша убила, если вот она я, с тобой рядом сижу? Что-то не сходятся концы с концами в твоей страшной истории!

— Ой, прости. Да и хуй-то с ней, с этой Леной. Померла и померла. Я походу и правду нахерачилась как свинья! Я так рада, что ты объявилась! Как мы с тобой тогда зажигали! А поехали ко мне домой, возьмем кокса, водилу моего, мальчишку из балета, на которого ты запала. А? Тряхнем стариной?

«Хватит, хватит! Все, полным-полна моя коробочка, хватит с меня „гламурного“ прошлого. Пора принять хорошую пилюлю», — шумело в голове у Кати.

— Ладно, Бел, спасибо тебе. Хватит мне, пожалуй, на сегодня. Хорошего понемножку. Пойду, лекарство приму, отдохну в гостинице. А то что-то дурно мне. Мутит.

Расцеловавшись напоследок со старой подругой и пообещав, что обязательно еще увидится с ней, но не оставив своих координат, Катя побрела в гостиницу, переваривать помои, в которые ее окунула Белла. Она никак не ожидала такого каловорота и была уверена, что бóльшая часть рассказа — пьяный бред. Роман с местным мачо — возможно, варьете, казино, наркотики, долги — тоже, наверное, могло быть, а вот истории с отцом-педофилом, отчимом-самоубийцей, пропавшей Ким, оказавшейся Гришиной женой, бейсбольной битой в голове у беременной маньячки Лены

и кастрацией гея-кобеля явно дурно пахивали. «Бред рыжей кобылы!» — подумала Катя и нервно засмеялась. Вместо облегчения она чувствовала обиду, злость и брезгливость. А еще ей очень захотелось обнять надежного доброго Гришу и любимую малявку. Пыл исследователя заметно поугас. «Отдохну, на кладбище — и пулей домой», — решила Катя.

ГЛАВА 5

09.09.2006 14:30

Газета еще пахла типографской краской и пачкала руки. Ну и пусть, он откроет газету и прочтет ее всю от корки до корки, и пока не дочитает последнюю строчку, он не будет смотреть на часы и прислушиваться к телефонам. Да, она все-таки уехала, и от нее нет никаких известий. Ладно, он постарается, он справится с нервами и не будет попусту психовать. Он аккуратно положил обе телефонные трубки — и городскую, и мобильную рядом. Ну а вдруг она все же позвонит...

Звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда Григорий развернул газету. Не ожидая ничего хорошего, он с опаской пошел к двери. На пороге стояла сияющая Виктория с бутылкой коньяку в руках. Она прямо вся светилась, может быть, это впечатление складывалось от белоснежного джемпера свободной вязки и светлых вельветовых брюк, что были на ней. Из-за ее спины выбежала Катюша, навстречу которой из детской бросилась Аня.

— О! Катька! Привет, ты откуда?

— Мы к вам в гости. Пойдем играть!

Григорию ничего не оставалось, кроме как впустить гостей в дом:

— Ну, проходи, раз пришла.

Григорий и Вика в молчании прошли на кухню, сели. Она поставила коньяк на стол, он — бокалы.

— Ну?! Чего пришла? Соскучилась? У меня новой информации нет. — У Григория не было никакого желания общаться.

— У меня есть. Правда, не очень новая, но думаю, очень важная для тебя. Только пообещай, что ты выслушаешь меня и не будешь перебивать и ёрничать.

— Только что мамашку твою видели по телику. Звездица Маша Королёва со своими нетленками. Поет хуже, чем выглядит. Больше тридцати не дашь — отличная работа.

— Спасибо, коллега, мастерство не пропьешь, ты же знаешь. — Виктория разлила коньяк по бокалам.

— Это смотря, как пить. Мама твоя, кстати, как ты? Или с мужиком живет?

— С мужиком. Меня, Гриш, твои подколки не достанут. Я ведь лесбиянка очень специальная, вынужденная, можно сказать. Сложно было каждому кобелю в кампусе объяснять, почему в моей жизни может быть только один мужчина — вот и стала розовой. А потом еще и «трансом». К доктору-мужчине почему-то доверия больше. Хотя не скрою — мне нравится жить с бабами — они не такие подлые предатели, как вы.

— И кто же тот счастливый единственный?

— Предатель? Мой брат Женья.

— Ой, может, лучше обратно в лесбиянки? — Григорий криво улыбнулся и поморщился.

— Это очень грустная история, но придется меня выслушать, зато в конце обещаю рассказать очень важную вещь про тебя.

— Я весь внимание. Только, если можно, без физиологии.

— ОК. Все банально. Двое одиноких, брошенных богемной мамашей детей. Всю любовь и ласку мы сосредоточили друг на друге. Ну, когда не дрались и не ругались, конечно. Женька сначала был моей любимой игрушкой, потом моей лучшей подружкой. Но ду-

мать о нем, как о мужчине — бред, табу. Он же мой младший брат. Когда это вдруг случилось с нами так нелепо и неожиданно — мне некогда было рассуждать о причинах. Мы барахтались в кровати — ему четырнадцать, мне девятнадцать. Кажется, он хотел меня утешить... В одно мгновение я поняла, что это мужчина моей жизни, что теперь мне больше никто не нужен, а также всю невозможность и преступность происходящего и ценность каждой следующей секунды. В любой момент мое счастье могло кончиться навсегда.

— У вас же, кажется, разные отцы?

— Да. Но это не важно, не перебивай, пожалуйста. — Вика закурила. — Я всегда была умненькая девочка и понимала, что мы делаем то, что нельзя, и расплата неминуема, но именно поэтому решила идти до конца, обратной дороги не было, и мы шесть суток подряд занимались любовью, а в промежутках клялись друг другу в верности и плакали от счастья. Он был такой нежный и неудержимый — мой Женя.

— Я же просил... — Григорий опять брезгливо поморщился, но Вика не обратила на его ужимки внимания.

— Извини. Мы почти не спали и почти не ели. Весь мир исчез — осталась только наша комната, мы перерезали телефонные провода и в конце концов перерезали бы и вены, но слишком ослабели друг от друга. Сил не хватило даже, чтобы забаррикадироваться. И нас нашла добрая мамаша.

— Бедная певица!

— Денег бедной певицы хватило, чтобы разлучить нас с Женей на шесть лет. Я сдержала клятву в вечной верности, а он нет. — Вика замолчала. Она продолжала курить, не глядя на своего собеседника.

— Что ж, очень романтическая история — сойти с ума и умереть от любви — все это мне понятно. Слава богу, все живы, — констатировал Дроздецкий.

Вика молча закатала рукав и показала Григорию руку — от запястья до локтя она вся была исполосована шрамами.

— До Сорбонны мать успела поддержать меня в дурке. — Вика повернулась к Григорию: — Не хочешь рассказать, почему ты решил, что сам задушил свою жену?

Неожиданный вопрос подействовал на Григория как ушат холодной воды. Он вскочил, уронив тонетовский стул, кровь прилила к лицу, вены на шее вздулись, потеряв контроль над собой, он закричал:

— Ты обещала держать язык за зубами! Слышала звон, да не знаешь, где он.

За окнами, как будто в насмешку, начался веселый колокольный перезвон, от этих звуков Григорий пришел в себя. Он поднял стул и снова сел, обхватив голову руками.

— Я знаю, что ты ее не душил, и знаю, кто это сделал, но мой рассказ — в обмен на твой. Это важно. Так почему ты считаешь себя ее убийцей?

Григорий, не торопясь, налил себе коньяка, залпом выпил, вытер рот рукой и только после этого начал говорить:

— Черт! Господи, прости. Ладно, слушай. Это случилось на последнем курсе. Шестнадцать лет назад я возвращался с лейтенантских сборов — на день раньше, чем все меня ждали. Через месяц у меня должна была быть свадьба, и я прямиком рванул в общагу к Таньке — своей невесте. Хотел сделать ей сюрприз. Жила она на первом этаже, поэтому залез я к ней в комнату через окно, а там моя Танька кувыркается с сирийцем — нашим однокурсником. Не помню, что дальше было, но, по рассказам свидетелей, еле оторвали меня всей общагой от Танькиного горла. Скандал был капитальный. В общем, замять дело не удалось — получил я срок условно, из института меня выперли, стал я бухать и очень сильно себя жалеть. В общем,

малодушничал. Про хирургию свою и думать забыл, хотя подавал большие надежды. Пошел в больницу санитаром — сутки через двое. Сутки пил, сутки в себя приходил, сутки работал. Если бы не Рита Ким — пропал бы я тогда. Ее в нашу больницу привезли после того, как любера на панковский концерт в какой-то клуб налетели. Ким тогда тусовщицей была, ну и ей, самой яркой, конечно, больше всех перепало. Я ее как в палате увидел — сразу влюбился. Она такая необычная была, как тропический цветок, ну и жалко ее было — вся побитая. Стал ей апельсины таскать, цветы какие-то, деньги экономил, даже пить перестал. В общем, спасла меня любовь к Ким от беспробудного пьянства. Стал я в себя приходиться потихоньку, Ким меня заставила в институте восстановиться. Получил я диплом с отличием, и распределили меня в Коламск. Ким из Москвы никуда уезжать не хотела — там ее тусовки, веселье, клубы-друзья-музыканты, но я ее убедил. Карьера у меня впереди нарисовалась нешуточная, место вакантное в одном из лучших московских кардиологических отделений меня ждало. Нужно было только поработать лет пять в Коламске. Мы с Ким поженились и отправились в провинцию.

Я надеялся, что моя любовь сможет заменить Ким ее привязанность к тусовке, но, как оказалось, напрасно. Заскучала моя экзотическая птичка, нечего ей было делать в Коламске, впала она в депрессию. По образованию Рита была художницей, вот я и устроил ее через свою постоянную пациентку — Лену Павлову — гримером в ночной клуб ее мужа. Ким обрадовалась новой работе, тут же закорифанилась со всеми — она ж простая у меня была, своя в доску, только прошла пара лет, и пошло меня на ревность пробивать, стало мне казаться, что кончается наша любовь, какой-то не такой стала Рита, загадочной чересчур. В общем, начались у нас скандалы, потянуло меня опять к стакану, а тут еще со всех сторон злые языки стали нашепты-

вать мне, что, мол, у Ким с Женей Королёвым точно что-то есть. Пару раз мы с Ритой реально поскандалили, до мордобоя дошли, она вообще резкая девчонка была, спуску мне не давала, ну и поймал я себя на том, что держу ее за горло, испугался страшно, извинялся перед ней, на коленях ползал, неделю не пил. А тут приходит ко мне Лена, у нас с ней очень теплые в то время отношения были, и по-дружески рассказывает, что Ким с Женей шоркаются в клубе средь бела дня, никого не стесняясь, вот так вот. Ну слетела опять моя планка, напился я в тот вечер до полного посинения. Помню только, как пришла Ким домой, вопли, суету помню, а дальше — только, как утром проснулся, еще и заря не занялась. Лежу в кровати — рядом Ким, мертвая, на нежной шейке — следы от удушения. Час, наверное, я рядом пролежал без движения и без всяких мыслей в голове, кроме одной — «*опять!*». Пришел в себя — вывез бедную свою жену подальше в лес, закопал и к отцу Пантелеймону — каяться. А что еще мне было делать? Не в милицию же идти. Отправил меня святой отец монастырь восстанавливать — так и началась у меня новая жизнь — больница да монастырь. Проклял я свою несчастную судьбу — решил, что никогда уже в моей жизни ничего хорошего, кроме работы, не будет. Сердце мое было переполнено виной, страданием, и хотелось только одного — искупить свой грех перед Ким. Пить не мог, с похмелья паника была страшная. Только работой и спасался. Ну а потом встретил я отчаявшуюся Катю на мосту, понял, что могу еще быть кому-то нужным, и у меня наконец-то стало отходить от сердца, а дальше ты все знаешь сама...

— Ясно. Ты почти такой же безумец, как я. Чуть что — за горло неверную. Или все — или ничего. А если я тебе скажу, что знаю, кто задушил Ким, — у тебя совсем отойдет от сердца?

— Что ты тянешь жилы-то?

— Ну ладно, ты сам попросил. Лена. Это сделала Лена.

— Не может быть! — Григорий опять вскочил, но на этот раз он прошел через всю кухню и тихо прикрыл дверь. После этого вернулся к столу. Стоя, налил себе полный бокал коньяку и залпом его осушил. Потом опять уселся на табурет в той же позе — обхватив голову руками. — Не может быть.

— Я сама слышала, как она в этом призналась, правда, не видела. Дословно это звучало так: «Одну твою сучку я уже грохнула. Придушила косоглазую. Докторишка ее рогатый до сих пор убивается, на себя думает. Бухать надо меньше».

— Расскажи подробнее!

— Хорошо. В тот февральский вечер я была у Жени — он был в серьезной депре из-за исчезновения Кати, винил себя во всем. У него уже месяц никого не было, он нуждался во мне и сам попросил меня приехать, это был тот самый шанс, который я так долго вымаливала у судьбы. Мы снова должны были стать любовниками. Так решила я, но жизнь решила по-другому. Я только вышла из ванной, Женя был в соседней комнате, как раздался звонок и в квартиру завалилась Лена. Свет Женя не включал, поэтому я их почти не видела, зато слышала отлично. Они внаглую занялись сексом! Беременность превратила обычную стерву в монстра, вседозволенность и безнаказанность развратили ее до основания. Я своими ушами слышала ее признание, хотя это было даже не признание, а хвастовство. Она просто глумилась, выливая на него всю свою грязь, хвасталась силой своей любви, позорила предателя Женю, а я сидела в соседней комнате, боясь пошевелиться и даже, не скрою, испытывала, кроме ужаса и отвращения, некое удовлетворение. Я много лет подряд прятала под маской цинизма и безразличия такие же чувства, сколько раз мысленно я громила весь этот мерзкий мирок своего предателя-брат-

ца, этого безмозглого кобеля, из-за которого я полома-ла свою жизнь. Я даже прониклась сочувствием к этому страстному беременному монстру. Я была уверена, что они продолжают заниматься сексом, поэтому, выслушав исповедь Лены, была смущена ее последними словами: «Сдохни, кобель. Без него — ты ничто». Как только за Леной захлопнулась дверь, я влетела в комнату, включила свет и увидела брата на кровати: он сидел, одной рукой зажимая рану внизу живота, но кровь все равно продолжала хлестать на простыню, а в другой руке он держал, как свечу, сжав побелевшие пальцы, свой еще эрегированный член. Лицо Жени было бледнее простыни, глаза вылезли из орбит. Он беззвучно кричал. Болевой и моральный шок превратили его в статую Родена. Мой скорчившийся мальчик. Все это было так нелепо, страшно и в то же время смешно, что я в первое мгновение просто растерялась. Его рука протягивала мне член, словно новогодний подарок. Меня душил нервный смех, началась истерика. Я стала скакать вокруг брата, смеясь и прикалываясь от души. «Что, Женя, решил поделиться по-братски со мной своим богатством? Это слишком крутой подарок, пожалуй, я не смогу его принять! Хотя нет, может, и смогу. Может, мне пришить его себе? А, Жень? Видишь, Бог правду видит!» Внезапно я наступила босой ногой в лужу крови и вернулась в реальность. Мой брат, любимый брат истекал кровью! Моментально придя в себя, я рванулась к себе в комнату, благодаря судьбу за то, что дежурный чемоданчик с инструментами был всегда со мной. Мне удалось почти невозможное — спасти основные нервы и сосуды, остальное доделали коллеги в Москве. Через два часа Женя, наколотый обезболивающими и с наскоро пришитым об-ратно пенисом, спал как младенец. А я сидела рядом, гладила его и пила коньяк, пытаюсь унять страшную дрожь в руках и спине. Меня колотило как в ознобе. Из-за пережитого ужаса мне было не до переварива-

ния исповеди Лены. Позвони я тогда в милицию, наша история закончилась бы той январской ночью, но я напилась, вырубилась без сил, а через пару часов меня вернул из небытия звонок попа, он звонил Жене, но, услышав мой голос, стал кричать, что меня послал сам Господь, в общем, кошмар продолжался. Я собралась, наклеила усы, стала Виктором и поехала смотреть, как судьба распорядилась отрезательницей членов. Что было дальше, ты знаешь. Сообщить тебе тогда правду о смерти Ким означало — разрушить ту хрупкую паутину равновесия, которую мы наплели, и лишиться главного приза, дарованного судьбой, — Катьки. Ты должен меня понять. Я думаю сейчас, через восемь лет ты сможешь взглянуть на весь этот колаамский кошмар другими, спокойными глазами.

Виктория во время всего своего монолога сохраняла каменное спокойствие, чего нельзя сказать о Григории — он то ерзал на стуле и заламывал руки, то начинал сопеть и хмурить брови.

— Да уж. Спасибо я тебе не скажу. Я всегда знал, что не убивал Ким, где-то внутри знал. Верил в это. Но чтобы это сделала она? Это ужасно! Господи, за что ж ты меня так мучаешь?

— Ну ладно, я пойду. Я думаю, тебе надо побыть одному, поговорить с собой по душам. Я, кстати, послала Женю в Колаамск, пообщаться с Катей. Восемь лет он просил меня связать его с ней, но я — кремень. Камень у него на душе, ну а раз такое дело — я решила — пусть съездит, может, всем нам легче станет.

— Чего-то мутишь ты опять. — Григорий удивленно и недоверчиво уставился на Викторию. — Вся ваша семейка мутная повывлезала опять, как со дна стакана поднялась.

— Значит, так и должно быть. Ты в Бога веришь, а я в судьбу. От судьбы не уйдешь, но можно попробовать. Я пробую. А муть со дна не я подняла. Так что

молись, чтобы я ошибалась. Катька и Анька — это наше все.

Виктория встала с табуретки и, уже стоя, допила коньяк, но медлила уходить, как будто хотела еще что-то добавить к сказанному.

Григорий махнул на нее рукой и схватился за голову:

— Да иди уже, и без тебя тошно. Хотя стой. Ты с Женей все это время общалась, а как же Катька? Он чего, не знает, что она его дочь?

— Он знает, чья она, и боится как огня. Будь здоров. Будут новости — позвоню, и ты звони, как соскучишься.

Вика вышла из кухни и позвала дочку.

Как только дверь за гостями закрылась, Григорий сразу бросился к образам и начал истово молиться.

ГЛАВА 6

09.09.2006 15:00

Желание разобраться со своим прошлым быстро угасало. Что здесь можно узнать через столько лет? Люди не могут вспомнить сюжет фильма, который смотрели вчера, или то, что с ними происходило неделю назад, а здесь — история восьмилетней давности. События той поры давно быльем поросли, пустили корни в легендах этого города, срослись и переплелись в сознании людей с другими происшествиями. Сегодня вряд ли кто-то сможет внятно пересказать эту историю, слишком много людей, связанных с теми событиями, ушли с этого света — нет уже родителей, пропал без вести Женя. Нет, нужно завязывать с частными расследованиями, ничего хорошего она здесь не найдет. Жила же она восемь лет без этого города и его стремных жителей и может обойтись без них и дальше. Никого она больше разыскивать не будет, примет лекарство, поспит и поедет в Москву —

там муж сходит с ума от волнения за нее, там ее ждет Аня. Все решено. Катя выпила лекарство. Но рассказ Белки никак не давал покоя. События не укладывались в голову в четкую картинку. Не получалось сложить последовательную цепь событий из безумной истории. И самое главное, все это безобразие не увязывалось с Катиным эго, чистоплюйка-память отчаянно сопротивлялась, отторгая грязные эпизоды, хотя некоторые герои событий проступали в сознании все ярче и ярче. Катя вновь отпила воды из стакана, который так и держала в руке после приема лекарства. «Чушь, чушь, чушь! Жуткая ахинея», — пульсировали мысли.

В дверь постучали. Катя вздрогнула от неожиданности и расплескала оставшуюся на дне воду. Поставив стакан на стол, она пошла открывать дверь. На пороге стоял высокий мужик в светлой вельветовой кепке, с некогда красивым, а сейчас обрюзгшим лицом пьющего человека. Стильный бордовый джемпер плотно обхватывал спортивный торс под черным кожаным пиджаком нараспашку. Сильный аромат парфюма не мог перебить алкогольного перегара. Стоило Кате открыть дверь чуть шире, как пришелец упал к ее ногам. Модная кепка упала на пол с опущенной головы, длинные светлые волосы закрыли лицо. Катя испуганно отпрянула:

— Господи, это еще что на мою голову?

Мужчина подполз к ее ногам и попытался их обнять.

— Катя, Катя родная, прости за все. Я видел, как ты зашла в гостиницу, ты стала еще красивее, прости меня.

— Да кто вы такой, наконец? Хватит ползать, ковер протрете. — Катя, никак не ожидавшая такого оборота, опасно отступила к кровати и села на нее, не зная, что делать дальше.

Мужчина, все так же на коленях, вполз вслед за ней в номер.

— Это я, это я родная, это я во всем виноват. Такой дурак, кретин, как же ты меня простишь, если ты меня даже не узнаешь?

Он подполз к Кате, обнял ее за колени, поднял голову и заглянул ей в глаза. Трехдневная щетина на заплывшем безвольном лице, но глаза те же — голубые глаза самца, теперь полные слез, но потому еще более желанные.

— Женья?! Но откуда?

— Узнала, ангел мой! Моя девочка меня узнала, сможет ли она простить меня?

Катя закрыла лицо руками, чтобы скрыть неожиданные слезы, откинулась на подушку, на мгновение закрыла глаза и поплыла. Стресс и лекарство сделали свое дело. Перед ее глазами неслась неистовая постельная сцена, вперемешку с танцевальными па на сцене. Женья и Катя на сцене, в постели — бешеная страсть, сплетение тел, битва со стонами и кровью под ногтями. Катя, страшно возбужившись, потеряла на какое-то время контроль над собой, полностью попав под власть навалившихся воспоминаний, это было похоже на припадок. Она выгнулась дугой как дикая кошка, ее душил жар, она начала расстегивать блузку, облизывать жаркие губы. Женья, приняв ее состояние за призыв к действию, судорожно разделся и бросился к ней в постель.

— Простила, простила, я иду к тебе.

В глазах у Кати по-прежнему крутилась любовная свистопляска. Она как зомби повторяла свои движения восьмилетней давности, но Женино лицо в наваждедении начало резко трансформироваться, то это Женья, то какие-то разные незнакомые лица, их много, некоторые искажены гримасами, мелькает на долю секунды лицо отца Пантелеймона и, наконец, лицо Григория. Последнее подействовало на Катю как ушат холодной воды, она моментально пришла в себя и обнаружила себя в одних трусах в постели с голым (причитаю-

щим «сейчас, сейчас, какая-то беда») Женей. Сбравшись и развернувшись, как пружина, она сбросила Женю с кровати, тот упал и прикрылся, продолжая нудить:

— Прости, прости. У меня первый раз такое. Это от переизбытка чувств. Обычно все нормально, солдат стоит по стойке «смирно», а тут... Прости!

— Послушай! Меня абсолютно не интересуют твои половые проблемы. Я так понимаю, что у нас сейчас еще ничего не было?

— Ну, можно и так сказать. Но я...

— Не надо. Слава богу. — Катя тяжело, но успокоенно перевела дух, забралась под одеяло. — Женя, я, наверное, даже рада тебя видеть. И считай, что я тебя простила, хотя не знаю за что? За то, что было восемь лет назад, когда я избавлялась от твоего ребенка, или за то, что ты только что меня чуть не изнасиловал?

— Кать, ну ты же сама...

— Послушай, не мог бы ты одеться? Я после аварии все это время сижу на сильных таблетках. Перед твоим вторжением я их только приняла, мне необходимо поспать. Если ты хочешь действительно со мной пообщаться, приходи через час.

— А можно я посижу рядом с тобой тихонечко?

Комната начала тихо кружиться, Женю окутал туман, стены номера плавно раздвинулись. Катя цепляясь за остатки сознания, замедляясь, пыталась объяснить:

— Женя, я замужняя женщина и больше всех на свете люблю своего мужа и дочь. Однако ты мне не кажешься опасным, и у меня нет сил тебя выгонять, и если ты обещаешь, что не будешь насиловать спящую больную женщину, то сиди.

Женя спешно затарахтел:

— Обещаю, обещаю, да, видно, и не смогу. Солдат-то мой облажался.

— Это, похоже, для тебя страшнее всего, — Катя говорила не очень четким голосом, уже засыпая, — его же тебе вроде оттяпали.

Замечание нисколько не поставило Женю в тупик, он даже как будто встрепенулся:

— Ты и это знаешь.

— Женька, отвали, я сплю.

Катя провалилась в черную бездну сна.

* * *

Постепенно сквозь черноту начала проглядывать синева с голубыми бликами, откуда-то издали пробивался тусклый свет. Катя в одной прилипшей к телу ночнушке пыталась вынырнуть из синей толщи воды. Вода, густая, как кисель, сковывала движения. Ни дна, ни поверхности не было видно. Катя задыхалась, с огромным трудом плыла все дальше. Сверху начало проглядывать солнце. Она подплыла к поверхности — это лед, судорожно стала биться о него головой и руками и наконец проломила. Лед крошился, полынья становилась все больше, наконец, хватаясь за край, усилием воли она вытолкнула тело наверх и... снова оказалась в толще воды. В панике, задыхаясь, она снова пыталась вынырнуть на поверхность, преодолевая страх, холод и сопротивление студенистой жидкости, но там ее ждал очередной лед. А сил больше не осталось.

* * *

Катя проснулась, тяжело дыша, как рыба на берегу. В комнате темнота, рядом с кроватью сидел одетый Женя и держал ее руку в своей. Катя посмотрела на окно, оно было не зашторено.

— Привет, чего так темно?

— Ночь на дворе.

— Сколько же я проспала?

— Часов семь. Бедненькая, как же ты намучилась, так стонала. Эта проклятая авария, чертова Ле-

на... Я Павлова ни в чем не виню. Ядовитых змей надо давить без жалости.

— Она же, кажется, была беременна? — Злоба, звучащая в голосе Жени, почему-то раздражала Катю.

— Ага, от меня. — Женю передернуло.

— Как и я.

— Прости, прости меня. — Женя вновь начал всхлипывать и попытался обнять Катю.

— Ну вот, опять все сначала.

— Я любил только тебя, остальное так: спорт, веселье. Мой солдат всегда рвался в бой, и я не мог его удержать.

— Смешно, смешно, теперь уже даже не больно. Время вылечило все, смешно мне теперь это слушать. Я собирала себя заново, память — это мой детский дневник и Гришины рассказы.

— Я помню твой дневник, дурацкий такой, с котенком. Ты мне его еще никогда не давала.

— Лучше бы я тебе вообще не давала. Влюбилась, как под лед провалилась, до сих пор тону. Дневник мой оборвался после выпускного бала, дальше все страницы вырваны. Больше я с такой дырой в памяти жить не хочу. А еще эта Вика стремная с дочкой. — Катя на мгновение замолкла, мелькнула новая мысль. — Подожди, но как же ты узнал, что я здесь? Григорий позвонил? Абсурд. Белка — не успела бы.

Женя легко и как-то даже задорно рассмеялся:

— Да просто все: Вика — это мой брат Виктор. Помнишь его? Она мне позвонила, сказала, что ты нашла, что ты здесь. Я так обрадовался! Гнал под двести, плакал всю дорогу. Думал, узнаешь ли ты меня, простишь ли? Восемь лет ждал.

— Угу, и сразу в постель, на бедную инвалидку — извиняться. Ты все такой же кобель.

— Да я сам не знаю, как это...

— Ну ладно, ладно. А что это у нас за колечко на пальце? Ты ж гад, еще и женат.

— Ну да, и сыну шесть лет. В садик ходит, правда, не мой сын — жены. Я, Катя, после того как чуть без солдата не остался, три года к бабам не подходил. Веришь? В Москве хоронился, у мамы. Павлова боялся — жуть. Бухал, только с Викой общался. Мать меня в дурку к профессору Куренкову устроила, вот он меня к жизни и вернул, вернее, санитарка, которая за мной ухаживала. Она стала моей первой женщиной после той страшной травмы. Я так обрадовался, что солдат опять в строю, что тут же на ней и женился.

— Что за бред, называть свой член «солдатом»?

— Это у меня после дурки, мне так легче, спокойнее — Куренков посоветовал.

— Ладно, офицер. Ложись рядом, ночь у нас с тобой будет длинная, солдата отпускаяй в увольнение, будешь мне сейчас рассказывать про нашу любовь — как все было. Только не ври. Мне Белка уже все про тебя, про себя, про Риту и про Лену павловскую рассказала. Тебе, кстати, ребенка-то своего от Лены не жалко, что ли? Она змея, а ребенка-то своего не жалко?

— А чего ее жалеть? Дуру здоровую — она ж с Викторой, Катька-то моя. Я близко к ней не подхожу, мне доктор запретил, чтобы стресса не было. Чтоб с солдатом чего, не дай бог. Она ж вылитая Ленка.

— Ну-ка, ну-ка! Ничего не понимаю, голова болит. Вика — Виктор, Катька твоя. Давай с этого места поподробнее.

— Да чего здесь непонятного? Вика — сестра моя, восемь лет назад бесилась с жиру, трансвеститом была. Ты ее видела у меня — с усиками. Лена, короче, ребенка-то родила, когда она в коме была. Ребенка спасли, а ее — нет. Павлов ее крепко приложил. Вика моя каким-то образом девочку удочерила. У нее самой детей быть не может — грехи молодости. Ну вот, сбылась мечта идиотки, за деньги-то все можно. Ты их в Москве и встретила, понятно?

Катя была окончательно сбита с толку.

— Занятно, дочь твоя и Лены? А похожа на меня. Почему?

— Катя, ну ты даешь! Да потому, что эта Лена чертова — твоя сестра по отцу. Он ее, правда, только перед смертью признал, а так всю жизнь игнорировал. Он тебя любил. Ты что, и этого не помнишь?

Второй раз за день Катя была абсолютно не готова к услышанному, у нее, оказывается, была еще и сестра.

— Ну вот приплыли. Мне уже Белка что-то про отца плела, почему-то про Папагена. Учителя танцев. Все вы танцоры — кобели! Ты сейчас как?

— Кобель.

— Я в смысле — танцуешь?

— Больше ставлю, маманя меня в «Доллз» устроила. Тебе про любовь-то нашу рассказывать?

— Про любовь? погоди. Я ж никак родиться не могу. У меня в дневнике другой отец. Давай с отца начнем, с этого доброго и хорошего — человека и Папагена.

— Ну, ладно, слушай.

Часть III
«Вот и вся любовь» *

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

ГЛАВА 1

Колоколамск. Восемь лет назад

Этим летом все продвинутые чуваки и чувихи города Колоколамска слушали только новую модную группу «Мумий Троль», а посадил их на нее главный мачо городка — Женя Королёв, строивший свою молодую жизнь по Илье Лагутенко. «Кот кота — ниже живота»^{*} — с утра крутилось в отягощенной тяжелыми думами, длинносветловолосой голове звезды коламского ночного клуба. Женя был очень зол. Он шел по городу, засунув руки в карманы джинсов, и пинал консервную банку, которая случайно попала ему под ногу. Неимоверно ярко светило июльское солнце, уже который день стояла страшная жара. Голову напекло, футболка противно липла к спине. Он всю дорогу пытался идти в тени домов и деревьев, но это не всегда получалось, все равно кое-где приходилось передвигаться под безжалостно палящим солнцем. Мысли

^{*} Слова из песни группы «Мумий Троль».

крутились только вокруг одной темы, вернее одной стервы.

«„Ниже живота!“ Да пошла она на хуй, эта Лена! Он никому не позволит так с собой обращаться. Неужели все беременные такие ебанутые? „Узнаю, что трахаешь кого-то, — хуй отрежу!“ Знает, чем пугать. Кастрацией, бля. Как кот! „Кот кот“ — черт, вот привязалась дурацкая песня! Хотя нет — песня реальная, и „Мумик“ круче всех! А котам вроде как яйца отрезают. А если член — это оскопление. Все — баста! Завтра он двинет в Москву, к мамане, пусть что-нибудь придумывает. А сука-Ленка останется здесь, в жопе мира, со своим Павловым, вот он ей и покажет „ниже живота!“» — Евгений с силой пнул банку, и она улетела в кусты.

От мыслей про Лену его отвлекла открытая дверь Дома творчества юных. «Оба-на, а чего это он открыт? Ведь не сезон. Может, зайти к Папагену перед отъездом, попрощаться? Он всегда был реальным челом». Женья зашел и поднялся на второй этаж, где располагался актовый зал. Его шаги гулко разносились по знакомым пустым рекреациям, пахло краской и пылью, откуда-то издали доносился стук молотка. Сколько раз он бродил по этим коридорам? Женья мог, закрыв глаза, легко пройти от входной двери до танцзала. И сейчас, проходя знакомым маршрутом, он чувствовал что-то похожее на ностальгию. Здесь Женья шесть лет занимался бальными танцами под руководством любимого педагога — Геннадия Андреевича, которого за глаза все звали просто — Папаген. Женья прошел через танцзал, где рабочие в это время меняли зеркала, и заглянул в кабинет, которым Папагену служило небольшое помещение при танцзале. В комнатке было очень тесно, еле-еле помещался письменный стол, как всегда чем-то заваленный, несколько стульев, шкаф-гардероб и стеллаж, уставленный призовыми кубками. По стенам были развешаны многочисленные грамоты, фотографии любимых учеников.

В кабинете сидел сам Папаген с удивительно прикольной девицей. Женя про себя даже присвистнул — ни фи́га себе, он здесь такую еще не видел. Белое платье и светлые волосы контрастировали с огромными карими оленьими глазами, вся она была какая-то невозможно тонкая, хрупкая, как фарфоровая, а ноги незнакомки были длинней, чем у героинь самых смелых Жениных фантазий! Ну а Папаген — такой же как и всегда — сухощавый, с глубоко посаженными карими глазами, орлиным профилем и седой головой, сохранивший, вопреки годам, великолепную осанку. Аккуратно и безукоризненно одет — не новый, но тщательно вычищенный и выглаженный светлый костюм, идеально сидел на его точеной фигуре. В городе болтали, что его отец был испанским подданным и на самом деле у Папагена были совсем другие имя-отчество, но какие — никто не знал, как и то, почему и когда к нему приклеилось странное прозвище. В момент, когда Женя заглянул в кабинет, девушка жаловалась:

— Эх, лучше бы я в уборщицы пошла, чем такие страшные обломы. Геннадий Андреич, как мне жить-то теперь?

Учитель не успел ответить, как увидел заглядывающего в дверь Женю. Папаген радостно вскочил из-за стола, почти вприпрыжку помчался к гостю и крепко его обнял:

— Женечка, как я рад! Молодец, что зашел! А я вот уговариваю Катерину нос не вешать, делов-то — экзамены в театральный завалила. Мало ли какие беды у людей в жизни случаются, нужно уметь держать удар. Хочу вас познакомить, у меня, кстати, давно такая мыслишка проскальзывала. — И уже обращаясь к своей знакомой, произнес: — Катя — это мой лучший и любимый ученик — Евгений, прошу любить и жаловать!

Катя немного испуганно взглянула на Женю:

— Здравствуйте.

— Давно надо было вас познакомить, может быть, что и получилось бы. — Геннадий Андреевич все еще не выпускал Женю из объятий и на ухо ему зашептал: — Обрати на девочку внимание, танцует — закачаешься! Вспомни, что я тебе говорил. — Он хитро подмигнул парню.

Женя с интересом разглядывал девушку.

— Привет! Странно, что мы раньше не встречались.

— Женя у нас в варьете местном танцует. — Папаген неожиданно хлопнул себя по лбу. — О! У меня идея! Катя, не вешай нос, сейчас мы что-нибудь придумаем. Женя, у вас в клубе нет вакансий?

— Да вроде не помню. Подождите, да у нас же Жанка куда-то пропала. Точно, ее место до сих пор никто не занял!

— Все, Катерина, решено: будешь в клубе работать!

— Я? В клубе? Да кто ж меня возьмет, без опыта... — На лице девушки отразилось искреннее удивление.

— Возьмут, возьмут! Я это беру на себя, не переживай! У меня там должничок имеется, так что можешь идти готовиться!

— Я — в варьете! Круто, вот это да! А точно возьмут?

— Не волнуйся, у нас все схвачено! — Геннадий Андреевич был очень доволен произведенным эффектом, он удовлетворенно потирал руки.

— Геннадий Андреич, да вы просто волшебник, дайте я вас поцелую! — Катя подбежала к Папагену, чмокнула его в щеку и закружилась по тесному кабинету, чудом не налетая на мебель. — Вот здорово!

Она резко остановилась, и на ее лице счастливое выражение вмиг сменилось унынием.

— А вдруг я там никому не понравлюсь, и меня того... — Она жалобно посмотрела на Геннадия Андреевича.

Ну тут Женя уже не мог дальше отмалчиваться, пора было обратить на себя внимание. Не спуская глаз с девушки, он медленно произнес:

— Катя, ты всем понравишься, гарантию даю. Точно.

Сказав это, Женя поймал себя на мысли, что ему все в ней по кайфу — ее открытость, непосредственность, чувственность, — короче, реально клевая герла. Украшение коллекции! Но предполагаемый трофей почему-то проигнорировал крутое пацанское выступление. Прекрасная незнакомка снова грациозно села на стул напротив Папагена. Положила одну бесконечную ногу на другую и, продолжая отводить глаза от Жениных плотоядных взглядов, о чем-то задумалась. Уйдя в себя, она нервно теребила тонкими пальцами край подола короткого летнего платья, непроизвольно подтягивая его к острым девчоночьим коленям, как бы пытаясь скрыть их от жадных глаз мачо. Этот простой жест почему-то безумно возбудил Женю. Но вместе с просыпающейся эрекцией он абсолютно неожиданно испытал новое, до сего момента не посещавшее его чувство. Сладкая, теплая тоска по чему-то несбыточному, а может, бывшему с ним когда-то сотни лет назад, сначала появилась где-то под кадыком, потом жалобно и нежно защемила в сердце и наконец захлестнула его целиком, погрузив в тревожную нирвану.

Катя же делилась с учителем своими заботами:

— Ой, мне сейчас домой идти, что старики скажут? Мать же меня убьет, если я ей объявлю, что в клуб танцевать иду. Она, знаете, как ко всему такому относится?

— Не волнуйся, мать твою — беру на себя. Я с ней переговорю, постараюсь убедить ее дать тебе шанс. А ты не вешай нос и готовься к выходу на сцену. — Геннадий Андреевич дружески похлопал Катю по плечу. — Ты, главное, не дрейфь.

— Ну, тогда я пойду. — Катя еще раз оглянулась, коротко взмахнула ресницами на Евгения и, не скрывая счастливой улыбки, вышла из кабинета.

Папаген крикнул ей вдогонку:

— Иди, иди, я тебе позвоню, когда в клуб на работу выходить. — И уже обращаясь к Жене, сказал: — Прямо с вокзала ко мне зашла. Красавица. Чистая душа. Как переживает-то? Видел? А? Вы там ее не обижайте,

в клубе-то. Ты-то ко мне по делу пришел или как? Давно тебя не видел.

— Да, было дело, а теперь сплыло. Все изменилось, я передумал. Честно говоря, шел к вам прощаться, думал уехать отсюда на фиг. Но что-то мне расхотелось, покантуюсь еще здесь.

Женя неожиданно для себя осознал, что все проблемы с Леной и ее грозным мужем совершенно потеряли свою значимость. Он понял — в ближайшее время ни за что никуда не уедет.

От размышлений его отвлек Папаген, хитро щураясь, он смотрел на Женю:

— А что изменилось-то?

Но Женя только тряхнул кудлатой головой и поспешил откланяться:

— Да ничего. Ладно, пойду я, Геннадий Андреич!

* * *

Когда Катя пришла домой, ее уже заждались «старика» — Катиным родителям, однокласскам и бывшим одноклассникам, в этом году исполнилось по тридцать пять. Несмотря на молодой возраст, выглядели они гораздо старше своих лет. Особенно мать Кати — Ирина Александровна, сделавшая головокружительную карьеру от продавца до директора универмага и внешне как нельзя лучше соответствующая типажу работника советской торговли, — крупная, дородная женщина, светлые волосы, всегда уложенные в высокую прическу, громкий командный голос. Катин же отец, Федор Андреевич, хотя и был одного роста со своей супругой, но благодаря хрупкости телосложения казался намного ниже ее. Жидкие русые волосы, большие очки и нелепый пивной животик украшали его тщедушное бухгалтерское тело. Служил Федор, естественно, при жене в универмаге. Тихий и спокойный человек, чего нельзя было сказать о супруге и дочери, дома он работал буффером между ними, смягчая властную Иру. Все реше-

ния в семье, как повелось, принимались «директором». Федор и Ира рано оказались на вершине семейной пирамиды: дети из неполных семей, сойдясь, они быстро потеряли матерей. Правда, Федя в фигуральном смысле: его мать после постоянных ссор со строптивой невесткой, одна из которых закончилась дракой с выдранными волосами и укусами, уехала к сестре в Магадан, напоследок прокляв непутового сына-тряпку и его семью. Кате в ту пору не было и трех лет.

Ирина сразу кинулась обнимать дочь, не давая той вставить ни слова:

— Как хорошо! Вот ты и вернулась, дурочка моя. Ну что, все прошло, как я и предсказывала? Слава богу, все позади. Ну, теперь-то ты пойдешь учиться как все нормальные дети в нормальный институт, а не в какой-то театральный, получишь нормальную профессию. А пока поработаешь продавцом у меня.

— Папа, ну скажи ей! Я сто раз говорила, что меня тошнит от торговли! Мама, я к тебе ни за что не пойду, лучше уж где-нибудь полы мыть. И вообще, Папаген обещал меня устроить в ночной клуб! — Катя тут же пожалела, что выдала сногшибательную новость.

На мать это подействовало круче, чем на быка красная тряпка:

— Какой такой клуб? В этот бордель? Ты с ума сошла, только через мой труп! Нечего голову забивать ерундой! Какие еще ночные клубы? Папаген совсем спятил на старости лет!

— Не смей так про него говорить! Он единственный, кто верит в меня!

— Дура, я желаю тебе добра, куда тебя твой Папаген приведет со своими канканами! Вот попадется мне, я ему покажу канкан!

Видя, что накал страстей становится угрожающим, Катин отец попытался вмешаться:

— Ирочка, Катя! «В клуб — через труп?!» Давайте спокойно все обсудим!

Но обе стороны уже перешли черту, после которой остановиться были не в состоянии.

— Мама! Не трогай Папагена, он здесь ни при чем, он только меня поддерживал! Я сама принимаю решения! Ты никогда меня не понимала, я удивляюсь, зачем ты вообще отдала меня в танцы?

— В танцы, а не в стриптиз! Я уже и сама не знаю, зачем связалась с этим Папаганцем, ведь чувствовала, что добром это не кончится!

Федор снова попытался было вступить в спор, но ему помешал телефонный звонок. Трубку взяла Ирина Александровна. На ее побагровевшем лице отразились все переполняющие ее чувства, она резким голосом, нисколько не снижая оборотов, которые набрала в споре с дочерью, начала выговаривать собеседнику:

— Очень хорошо, что вы позвонили, я сама собиралась это сделать! Как вы можете так поступать, Геннадий Андреевич? Я была о вас лучшего мнения, прекратите компостировать моей дочери мозги...

Но Катя в нетерпении вырвала трубку у матери из рук и закричала в нее:

— Вы договорились? Да? Да! Я сейчас приеду!

Отец попытался остановить ее:

— Катя, ты это, не гони коней-то!

Но она, не ответив ему, кинула трубку и начала радостно прыгать по комнате.

Мать опять сорвалась на крик:

— Спустишься с небес на землю, никаких ночных клубов! Пропадешь, дура!

Но Катя уже выбежала из квартиры, хлопнув дверью.

Ирина застыла посреди комнаты, с возмущенно вздымаемыми толстыми руками:

— Дурная кровь! Сколько волка не корми! Ну, что теперь делать? А, Федя? Она ж дурочка наивная, книжечка. Я ее от всей этой мерзости так берегла, а она одним махом в самую грязь фигунула.

— Выросла она, созрела. Вот и все. Дома ты ее силой не удержишь, от жизни не спрячешь. Может, оно и лучше так. Подрыгает ногами, перебесится и придет домой.

— Дурак ты. Боюсь я за нее. А вдруг в подоле принесет?

— Ну да. Главное, есть в кого. Ира! Хватит уже над Катькой трястись! Ты ж молодая баба у меня, красавица! Давай еще ребеночка заделаем!

— Нет, ну ты точно дурак! Мало мне этой актрисы, что ль, погорелого театра!

— Давай еще родим!

— Отстань, дурак! А на кого я универмаг оставлю? На тебя? Сам давай рожай! Вон пузырьку какую насосал! Одна созрела, другой сбрендил — зла на вас не хватает!

ГЛАВА 2

На следующий день Катя пошла на собеседование в ночной клуб. Это было главное развлекательное заведение их городка, где собирались все местные сливки. Клуб располагался на центральной площади Коламска, в старом барском особняке, бывшем в свое время Домом культуры. К услугам посетителей был ресторан с отличной кухней, а также программа варьете, после которой по выходным были обязательные «дискачи», собиравшие всех гопников, девиц на выданье и драгдилеров округи. Как ни странно, благодаря участию папагеновских учеников программа варьете была очень хорошо и со вкусом поставлена. Посмотреть ее приезжал бомонд и бандиты из соседних городов. Часто привозили группы иностранных туристов, совершавших тур по Золотому кольцу. Общественность города, возглавляемая Церковью, боролась с падением нравов и развратом в «лице» ночного клуба и местного казино. Конечно же, безрезультатно. Родители не пускали туда своих великовозрастных чад, но все равно рано или

поздно повзрослевшие дети туда проникали. Ведь, как известно, нет ничего слаще плода запретного, да и интересного в городе больше ничего не было. Катя же, домашняя девочка, впервые переступила порог этого заведения и сильно нервничала. Она плохо представляла себе, что за танцы надо будет здесь исполнять, и была готова получить отказ. Но ей очень хотелось хоть глазком взглянуть на клуб изнутри.

Катя заглянула в приемную директора и робко спросила:

— Можно?

В приемной сидели три грации: за столом — молодая курносая секретарша с какой-то дикой прической, она подпиливала ногти и болтала с двумя красотками. Это была очень живописная парочка — девушки, похожие, как сестры, одинаковый яркий макияж, обе длинноногие и в одном прикиде — короткие юбки, открытые майки на тонких бретельках и босоножки на высоченных каблуках, явное различие же было только в цвете их волос, одна — яркая пергидрольная блондинка, другая — натурально рыжая.

Катя зашла в приемную:

— Здравствуйте, меня зовут Екатерина Петрова, мне на сегодня назначено, можно пройти к директору?

Секретарша отвлеклась от разговора и с интересом посмотрела на Катю:

— Е-ка-те-рина? Здравствуйте. Да, вы у нас записаны на прием, вы же насчет работы?

— Да, я от Геннадия Андреевича.

— Вам придется немного подождать, Анатолий Михайлович сейчас занят, у него посетитель.

Услышав имя директора, блондинка проявила интерес:

— Ирочка, а как сегодня Михалыч?

— Босс в полном порядке, пытался мне сегодня разнос устроить. Представляете, спрашивает, когда я пере-

стану опаздывать! Совсем уже! А что он завтра потребует? Может, еще и кофе в постель? — Она замолчала, хитро посмотрев на Катю, как будто беря ее в сообщницы. — Хотя это легче, чем вовремя на работу.

Секретарша Ира и обе девушки дружно заржали. Рыжеволосая обратилась к Кате:

— А ты к нам в клуб, походу, хочешь устроиться?

Я — Белка, а она походу — Стрелка.

— Очень приятно. Да, мне сказали прийти сегодня на собеседование. — Кате сразу понравились девушки, они были такие простые в общении, хоть старше ее, а нос не задирали.

Та, которую назвали Стрелкой, тоже вступила в разговор:

— Ништяк! А мы здесь в местном варьете — ногами машем!

Катя обрадовалась:

— Так я тоже насчет варьете!

— Тебя, наверное, на место Жанки поставят, она у нас «неожиданно» пропала! Свалила с очередным хахалем, — заметила Белка, при этом она так закатила зеленые глаза, что вызвала новый взрыв смеха у своих собеседниц.

Отсмеявшись, Стрелка сделала серьезное лицо и с загадочным видом произнесла:

— А мне кажется, здесь дело не чисто. Чтобы Жанок свалила и никому не похвасталась, что уезжает? Быть такого не может! Голову даю на отсечение. Да она со всем клубом своих мужиков обсасывала, что да как да какой у кого! «Вчера такого вот поймала — не поверите!»

Белка со Стрелкой и секретарша Ирочка опять зашлись в неудержимом смехе, производя в воздухе руками жесты хвастливых рыболовов. Пока Ирочка не пришла в себя и не сказала:

— А куда же она делась?

— Чует мое сердце, что-то дерьмовое с ней случилось! — Стрелка продолжала гнуть свою линию.

— Да ладно тебе страху на всех наводить! — прервала подругу Белка. — Сбежала она от своих долгов и разборок с трахалями! Развела тут русскую рыбалку!

Девушки опять дружно захихикали.

Катя почувствовала, что ее страхи тают, такое простое общение принесло несказанное облегчение, и под конец разговора она уже смеялась вместе со всеми. Еще не стих всеобщий смех, когда в приемную зашла высокая стройная молодая женщина в шелковом черном платке и темных очках. Все в ней было стильно. Светлое приталенное платье, туфли и сумочка — в тон шелкового платка. По реакции девушек стало ясно, что это местная вип-персона — уж больно вежливо все с ней поздоровались.

Секретарша Ирочка — сама любезность.

— Здравствуйте, Лена, как поживаете?

— Спасибо, Иришка, пока живая. А ты не видела, не было здесь сегодня моего, он должен был заехать?

— Нет, знаете, я по делам ездила, недавно пришла.

В это время директор клуба Анатолий Михайлович вышел со своим посетителем из кабинета и прощался с ним в приемной. Заметив женщину в темных очках, он сразу же бросился к ней:

— Леночка, как приятно вас видеть, хорошо, что вы зашли.

Он взял ее под руку и увел к себе в кабинет. Со стороны они казались очень смешной парой. Высокая секси Лена и рядом кругленький лысоватый директор, семенящий маленькими шажками.

Белка и Стрелка видя, что Катя не понимает, что здесь происходит, хором стали ей объяснять громким шепотом, что это жена хозяина клуба, видно, у нее опять лимит павловский кончился, пришла просить денег у Михалыча. Было видно: они готовы выдать Кате все местные сплетни, но тут директор вышел из кабинета проводить Лену. Она быстрым шагом, ни с кем не прощаясь, ушла из приемной. Наконец толстяк заметил Катю:

— Девушка, вы ко мне? По какому вопросу?

— Я насчет работы в клубе. Вам звонил Геннадий Андреевич?

— Да, Геннадий очень вас нахваливал, а он кое-что в своем деле понимает. — Директор подозрительно посмотрел на Катю, как будто желая что-то выяснить, но, видя ее совершенно искренний взгляд, передумал. Он профессиональным взглядом окинул Катю с ног до головы и, видимо, остался доволен. — Ну, что ж я вижу, вы уже познакомились. — Он кивнул на подружек в приемной. — Раз так, попрошу вас, девушки, показать новенькой клуб, а я сейчас очень занят. Ирочка, если будут спрашивать — меня ни для кого нет. — Анатолий Михайлович скрылся в своем кабинете и плотно притворил за собой дверь.

Белка со Стрелкой послушно взяли над Катей шефство и повели показывать клуб. Выйдя из приемной, они сразу же столкнулись с Женей.

— Как прошла встреча с руководством?

— Честно говоря, я не очень-то поняла, берут меня или нет.

Все хором начали убеждать Катю, что если Мыхалыч просил показать ей клуб — значит, она зачислена в труппу. Женя присоединился к ним, и они все вместе пошли осматривать клуб.

Белка со Стрелкой шли впереди по коридору, по очереди открывали двери и комментировали находящиеся за ними комнаты. Катя с Женей шли следом за ними. Женя всю дорогу не спускал с нее глаз, и несколько раз даже попытался взять за руку. Каждый раз Катя руку потихоньку высвобождала, но как-то очень потихоньку. Мимо них, все так же в темных очках, по коридору прошла Лена. Она оглянулась, и от этого взгляда Кате стало не по себе. Катя даже остановилась и, забыв обо всем, провожала взглядом удаляющуюся Лену. Белка со Стрелкой наконец заметили, что она больше не слушает их комментарии, и дружно возмутились:

— Эй! Для кого мы стараемся? Тебе что — неинтересно?

— Нет, нет девочки, что вы, все очень здорово! — Кате было неловко за свою невнимательность — люди же перед ней распинаются.

Женя вдруг засобирался и заявил, что ему пора. Он попрощался с девушками и попросил Катю передать привет Папагену, если она его увидит в ближайшее время. Как только Женя ушел, Белка со Стрелкой налетели на Катю:

— Ты откуда знаешь нашего Женьку? Что у вас за отношения?

— Ты походу давно с ним знакома? Как ты подцепила такого парня?

Катя ошарашенно оправдывалась:

— Да я с ним только на днях познакомилась, мы учились у одного преподавателя, я его совсем и не знаю.

— Ох, походу отлегло от сердца! Я думала, что пора тебя порвать! Слава богу, все разъяснилось.

— О чем это вы? — Катя не очень поняла реакцию девиц.

— Да испугались, что проморгали такого парня. Ну все походу в порядке. А то было подумали, что он опять нормальный.

— Вы про что?

— Да он же у нас теперь голубой, ты не знала? Поменял ориентацию год назад! Весь город об этом болтает! Он теперь только Илью Лагутенко любит! — Стрелка так посмотрела на Катю, как будто та была с другой планеты.

— А что Лагутенко?..

— Пидор? Нет, он походу гетеро. Ну, вон Ди Каприо тоже не пидор, а все геи мира по нему сохнут. Врубаешься?

— Как жалко! А мне Женя таким классным показался!

— Не тебе одной! — хором сказали подружки и тут же весело рассмеялись.

Но Кате не давала покоя странная Лена, у нее не получалось выкинуть ее из головы.

— Слушайте, — обратилась Катя к девушкам, — а чего Лена ходит в помещении в темных очках? Она что — фанатка «Депеш Мод»?

Ее вопрос снова вызвал море веселья, и Стрелка охотно объяснила:

— Небось под очками очередной бланш. Ленка неплохая тетка, с ней совершенно нормально можно потереть за жизнь, но вот муженек у нее — Павлов, хозяин жизни и бандос, — законченный псих! То ревнует и бьет ее, деньги отнимает и побрякушки снимает, то на руках носит и подарками заваливает. Правда, и Лена не без странностей — строит из себя роковую женщину, прикинь коза какая. Коламская Кармен! Иногда как начнет испанскими словечками сыпать, прямо смех — фиг поймешь, о чем она там. И на передок слаба, испанка наша. Но за это мы ее не судим.

— Сами походу с усами.

На этом экскурсия по клубу подошла к концу, они успели обойти все помещения, и пора было приступить к репетициям.

ГЛАВА 3

Женя мысленно поплевал через плечо, чтобы не сглазить, поправил букет. Он сегодня расстарался — нагладил белую рубаху, которую не надевал сто лет (лень гладить), даже откопал и привел в порядок брюки, которые надел вместо затасканных джинсов. Женя еще раз придирчиво осмотрел себя, расправил и так разглаженный ворот рубашки и постучал в дверь гримерки. «Узнай меня — открой на стук!»* Так и не дождавшись ответа, он заглянул в дверь. Под гримерку

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

была оборудована узкая комната, вдоль длинной стены которой стояли столы с зеркалами. Там были Катя и еще несколько девушек из варьете.

— Поздравляю с дебютом, как прошла генеральная репетиция, готова к бою? Как настроение? — обратился он к Кате.

— Почему генеральная? Обычная репетиция. А к чему цветы? — Катя была явно смущена оказанным вниманием.

— Ну, в смысле для тебя генеральная, ты же теперь на сцену выйдешь перед публикой.

— А, понятно. Если честно, я очень волнуюсь, мне кажется, что у меня не все получилось.

— Не придирайся к себе, все было замечательно! Я смотрел ваш номер, ты реально не хуже других. Немного опыта, и все будет просто супер!

Все девушки в гримерке были согласны с Женей. У него же к Кате явно был личный разговор:

— Кать, выйди на минутку у меня к тебе пара слов есть.

Женя вышел в коридор и там подождал Катю.

— Слушай, давай по чашечке кофе в баре выпьем. — Женя заметил, что девушка как-то очень сильно смущилась. — Ну давай, от тебя не убудет!

— Нет, нет, я не могу. Не сейчас, — зарделась Катя.

Откуда ни возьмись, появилась Лена в ярком цветастом платье с глубоким декольте и открытой спиной. На носу, как обычно, сидели темные очки, а волосы были уложены в хитрую прическу, над которой явно пару часов попотел парикмахер. Она сказала:

— Привет, Женя, что-то я тебя давно не видела, — встала рядом с Женей и фамильярно взяла его под руку. — А с кем это ты беседуешь?

Женя нехотя познакомил девушек. Лена, хозяйка заведения, вела себя по-простому, не держа никакой дистанции:

— Женька, ты видел, как вчера принимали ваше выступление? Pueblo* просто неистовствовал!

— Да, это все фигня. Просто забрели немецкие туристы и устроили маппет-шоу.

— Женька, tonto**, не прибедняйся, они тебя на бис вызывали пять раз!

— Твой муженек, наверное, в восторге — они весь зал угощали бухлом! Сделали план за месяц!

— Да при чем здесь какой-то план, все было просто круто! Это же настоящий успех! Ты достоин большего. — Она прервалась на многозначительную паузу и с чувством продолжила: — И можешь этого достичь!

Кате стало ясно, что Лена неровно дышит к Жене. Но тот, будучи геем, естественно, игнорировал ее знаки внимания. «Бедная Лена, она, наверно, не знает о его ориентации. Хорошо хоть, меня девки предупредили. Пришел с розами, такой красивый, и на тебе — гей. Как глупо. Я-то дура влюбилась в него с первого взгляда, а он теперь — как издевается, таскается за мной со своей гейской дружбой!» — подумала Катя и, видя, что она присутствует при чужих разборках, поспешила попрощаться:

— Ну, мне пора, пойду, вещи соберу.

— Удачи тебе, Катя! — не стал задерживать ее Женька.

— Да, всего хорошего, suerte***, приятно было познакомиться. — По лицу Лены было не разобрать, с каким подтекстом она это говорит, но что подтекст был — это точно.

Когда Катя вошла в гримерку, все девушки тут же замолкли на полуслове, было понятно, кого они только что обсуждали. Повисла напряженная тишина.

* Народ (*исп.*).

** Балда (*исп.*).

*** Желая удачи (*исп.*).

Тогда Стрелка, прервав общее смятение, прямо спросила:

— Что это Женечка так интересуется твоими успехами? Ты, наверное, от нас что-то скрываешь? А может, он теперь би — и нашим, и вашим? А, Кать?

Катя со вздохом сказала:

— Ничего я не скрываю, и скрывать-то нечего. К сожалению...

ГЛАВА 4

Женя заметил ее первым, Катя одиноко стояла у рулетки с фишками в руках, да и как ее было не заметить. Он даже на мгновение остановился. Она вся была какая-то «слишком». Слишком отличалась от обычной публики казино, казалось, что ее занесло сюда по ошибке, слишком красивым и неиспорченным было ее лицо, слишком доверчивыми глаза. Слишком непорочной казалась ее фигура в легком почти белом платье в мелкий цветочек, с расширяющимся книзу подолом. Весь ее облик не увязывался с атмосферой наживы, заполнявшей это заведение. Он не хотел разрушать эти чары — стоял и смотрел, напевая «Проснулась ночью девочка...»*, а потом понял, что это его шанс.

В который раз Женя поймал себя на мысли, что они созданы друг для друга, оставалось только убедить в этом и ее. Она явно пребывала в растерянности, не знала, что делать со своими фишками, просто подарок судьбы — возможность оказать помощь и тем самым заслужить ее доверие. Он был уверен, что сегодня ему повезет во всем. Вот уже две недели, как Женя подкапывал к ней, но Катя его просто игнорировала, и он никак не мог взять в толк, отчего это происходит — вроде не урод, всегда легко находил общий язык с ба-

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

бами, да и в клубе ничем ей не насолил. Похоже, против него активно работало его непробиваемое голубое алиби, придуманное для Павлова хитрожопой Леной. Сегодня он поставит точку в этой истории.

Казино находилось в местном кинотеатре, который работал, но весь его холл был отдан в безраздельное пользование игрокам. Помещение поделили на несколько частей: справа был непосредственно игровой зал, где стояло несколько столов с рулетками, а также столы под «блэк джек». В левой части холла, в самом углу, располагалась небольшая эстрада, где по выходным играли живую музыку. Перед эстрадой был танцпол, вокруг него стояли столики, за которыми желающие могли послушать музыку. Если подняться по широкой лестнице, под углом к общему залу — справа от эстрады — был расположен уютный бар.

Женя оказался здесь только благодаря Лене, она его почти силой заставила прийти сюда вместе со своими друзьями. Он их терпеть не мог, все они были, по его мнению, обычными мажорами, которым родительские деньги девать некуда, только и знали, что вечно дефилировать между клубом, казино и ресторанами. Женя постоянно чувствовал заискивающие взгляды в рот с их стороны — ведь он был для них реально культовой фигурой. Сын попсовой певицы, к тому же личность, в отличие от них, состоявшаяся. Хотя для этих нулей его околос звездный московский статус был куда важнее танцевальных талантов. Еще бы — одна его столичная квартира тянула больше, чем состояние всех этих придурков вместе взятых. Знали бы они, что все его права на собственность заморожены до особого распоряжения одиозной мамыши, которая не выделяет ему ни копейки. Зато он сам хозяин своей жизни.

Пока Лена увлеченно беседовала с очередным знакомым придурком, Евгений решил взять судьбу на абордаж. Тем более что и Катя вроде обрадовалась неожиданной встрече.

— Привет, что ты здесь делаешь? — Она приветливо улыбнулась.

— Да меня Ленка со своими друзьями сюда затащила. Хоть тебя здесь встретил, а то с этой гоп-компанией уснуть можно. А ты здесь с кем?

— Меня Белка со Стрелкой уговорили сюда прийти, а я и не играла никогда. Понятия не имею, как это делается. Сережа мне фишки всучил, а сам свалил, гад, куда мне ставить-то? Я и правил не знаю. — Катя вопросительно посмотрела на Женю наивными глазами.

— Что здесь знать, ставь все на семнадцать — это мое любимое число и твой возраст.

Катя сделала ставку и с волнением стала ждать, когда шарик остановится. Шарик, прокрутившись положенное число раз, медленно, словно нехотя, закатился в ячейку 17. Бинго! «Не может быть!» Катя от радости запрыгала на месте, мячики под платьем дружно запрыгали. Женя, убедившись в том, что поймал удачу, сразу же обнял Катю, типа по-дружески. В таком положении они и оставались, радостно глядя на то, как крупье сгребает к ним все фишки.

В этот момент подошла Лена, в белом льняном элегантном костюме с большими пуговицами, в руках она держала маленькую театральную сумочку. Она поправила выбившуюся из-под белого платка прядь вороных волос и с большим удивлением окинула взглядом из-под темных очков стоящую перед ней пару:

— Катюша! *Qué tal?** О! Поздравляю с выигрышем! Ну что, Женечка, едем? Мы собрались в какой-нибудь ресторан, пора подкрепиться.

Женя отодвинулся от Кати и как-то очень жалобно заканючил:

— Лен, слушай? я не поеду, я устал, я лучше домой, извини.

* Как дела? (*исп.*)

— Ну, как знаешь, — она напоследок еще раз наградила Катю выразительным взглядом очковой змеи, — *adios, muchachos!**

Как только она отвернулась, Женя улыбнулся, напевая про себя: «К тебе теперь я не вернусь — такой теперь я друг!»**

Катя собрала со стола выигранные фишки:

— И что теперь с этим делать?

Как будто услышав вопрос, у стола появился высокий сутулый парень, с приклеенной ухмылкой на крысиной мордочке. Катя представила его Жене как Сержа, но тот оказался с ним давно знаком. Сергей, видя гору фишек в руках у Кати, крепко хлопнул ее по плечу:

— О-па! Я же говорил: по первому разу всем прет! Катька, пошли, ты нас угощаешь!

Катя с Женей и Сержем прошли к столику, за которым с бокалами сидели Белка со Стрелкой. Катя радостно потрясла зажатými в руках фишками:

— Вы видели? Мне везет!

Сергей сразу засуетился:

— Смотрите, сколько бабла Катька наломала! Гуляем! Такой выигрыш! Можно и чего покруче сообщить! Катька, с тебя причитается, давай я сейчас быстро! — Он взял Катины фишки и ушел.

Женя заметил, как Катя удивленно посмотрела ему вслед:

— Куда это он?

Белка прошептала, оглядываясь по сторонам:

— Не ори, он походу сейчас нам кое-что принесет, на всех хватит. Давайте пока выпьем, что ли, за удачу!

Вернулся Сергей с довольным видом.

— Так, ребята, у меня уже все поделено. — Он достал из кармана подозрительные пакетики. — Это девочкам, это мальчикам. Ну, поехали!

* Прощайте, ребята (*исп.*).

** Слова из песни группы «Мумий Троль».

Белка быстро поднялась из-за стола:

— Походу нам пора в дамскую комнату, попудрить носики. Стрелка, пошли быстрее!

Через стол Женя видел, как у Кати округляются глаза, наконец до нее дошло, что принес Серж.

— Вы с ума сошли! Я ни за что не буду!

Стрелка, свысока глядя на Катю, оборвала ее:

— Не ломайся, все будут! Надо же и тебе попробовать! Ну же, пошли, дурочка, все когда-нибудь бывает в первый раз. — Она встала из-за стола и за руку потянула за собой Катю. Та сначала сопротивлялась, но, увидев, что идет вся компания, неуверенно потащилась за Стрелкой.

Женя ей вслед весело подмигнул, напевая «Я свою превышу скорость!»*. Все складывалось донельзя удачно. Через какое-то время все вновь собрались за столом. Женя сидел напротив, смотрел на Катю — она очень смешно, как-то осторожно, неуверенно двигалась, прислушиваясь к новым ощущениям и заново приспосабливаясь к своему телу. Постепенно за столом разгоралось буйное веселье. Под стать настроению, из колонок понеслись в зал бешеные латиноамериканские ритмы.

— О! Круть! Это же походу Рики Мартин!

— Обожаю его! Ну что девки — зажжем?!

Белка и Стрелка ринулись на танцпол и стали выделять неопишуемые секс-кренделя, под улюлюканье вконец окосевшего Сержа.

Женя давно не чувствовал такого куража. И не только от допинга! Близость Кати и скорая возможность еще большей близости разносила его башку покруче любых химикатов. Видя, как Катя оживлена, как заразительно смеется и в такт музыке поводит худыми плечами, он больше не в силах был усидеть за столом. Он поднялся и вытащил ее на танец.

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

Катя двигалась божественно. Еще никто не мог перетанцевать короля местного танцпола Женю Королёва! Но Катина кошачья грация, феноменальное чувство ритма и та жертвенная страсть, с которой она отдавалась танцу, были сильнее его хореографических талантов хищника. Куда подевалась хрупкая девочка-подросток, от одного взгляда на острые ключицы которой под сердцем появлялась щемящая грусть, такая тревожная и сладкая одновременно, девочка, от немого вопроса наивных глаз которой, — он, двадцатилетний раздолбай, чувствовал себя лет на десять старше, оттого что начинал ощущать, страшно подумать — ответственность за это нежное создание. Девочка исчезла, танец превратил ее в неистовую самку, каждое движение которой обжигало желанием. Жене казалось, что они кончают одновременно от каждого прикосновения друг к другу, пол плавился под ними, а от тел отлетали искры размером с кулак. Это был не танец — это был бесконечный оргазм. Она будет идеальной партнершей — мы созданы друг для друга — я тупо влюбился — неслось в его голове. Он мог бы танцевать с ней вечно! Он, который не продержался ни с одной подружкой дольше недели, главный секс-спортсмен Коламска, девичьих губ перед которым за последние четыре года раскрылось больше, чем книжек за всю жизнь перед книгоманкой Катей. Он — лжегей под прикрытием, который последний год перестал смотреть на сисястых сверстниц, вкусив изощренного греха с неумными Леной и Ритой, — он просто по уши влюбился в худенького мотылька.

Музыка уносила их прочь, они уже были не в душном казино, все вокруг летало, мелькало, искрилось и переливалось бесподобными красками. Пол под ногами, то мягко пружинил в ритме самбы, то становился водяным матрасом, то качался, как палуба, а то и вовсе улетал куда-то. Женя смотрел Кате в глаза и видел в них отражение своих зашкаливающих желаний. Два этих бешеных блюдца кричали: «Возьми меня, если сможешь! Возьми меня прямо здесь!» Он видел, что она испыты-

вадет те же эмоции, и теперь ничто на свете не сможет их разлучить. В Катиной же взорванной от восторга и химии голове крутилась только одна мысль: «Я хочу танцевать с ним вечно. Ну почему он гей?! Такой классный, такой красивый, танцует как бог... Ну почему — он гей? Какая досада!» Музыка становилась все стремительней, они танцевали, не останавливаясь, и не могли оторваться друг от друга. Их компания куда-то исчезла, но этим двоим уже никто не был нужен, кроме друг друга. Женя, продолжая танцевать, увлек Катю из зала, и едва за ними захлопнулись двери, он, облокотившись на них, впился в ее сладкие губы горящим ртом. Мир опять взорвался белой вспышкой сверхновой любви. Они пили друг друга, как первое шампанское, — давясь и до дна. Она все более страстно отвечала на его ласки, острые ногти царапали мягкий затылок... Двери за ними сотрясались, кто-то безуспешно пытался выйти из зала в холл. Когда, не выдержав натиска, двери поддались и с силой распахнулись, Женя с Катей отлетели к стене и, хоть чуть не пооткусывали друг другу языки, были не в силах прервать свой первый поцелуй. Наконец они оторвались друг от друга, и Женя снова закружил абсолютно обалдевшую Катю в танце. Женин розовый разум заволокло сиреневым туманом банальностей: он самый счастливый человек на свете, он нашел свою настоящую любовь и готов ради нее на все, они будут жить долго и счастливо и умрут в один день. Женя схватил Катю за руку и потащил к выходу из казино, крича во весь голос: «Уходим, уходим, уходим! Наступят времена почище! Бьется родная в экстазе пылая!»* Выбежав, он сразу же поймал машину, и, устроившись на заднем сиденье, они продолжили страстное оральное знакомство. На секунду Катя оторвалась от Жени.

— Какая я была дура, сколько потерянного времени! Ты не представляешь, меня все уверяли, что

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

целое. Теперь Катя бывала у Жени в кровати чаще, чем одеяло. Они только что закончили свой любовный танец в постели. Еще не остыла лава любовного извержения. Было очень хорошо вот так просто лениво лежать, никуда не торопиться, никому ничего не доказывать. Просто тихо лежать рядом. Женя нежно покусывал худое плечико Кати. Оба были расслаблены, на Катином счастливом лице блуждала улыбка. Из колонок мяукал любимый Лагутенко.

— Все равно не пойму, как ты умудрилась остаться девочкой в этой клоаке?

— А я тебя ждала. Читала книжки и ждала любви большой и чистой, как небо. Да и потом, меня мама из-под подола не выпускала. Знаешь, какая у меня мама? О-го-го какая! Строгая! Видела б она меня пять минут назад..

Женю неожиданно для него самого потянуло на откровенность:

— Блин, мне ведь так хорошо никогда и не было. Вечно бабы пытались меня использовать или подчинить себе. Все это еще с матери началось. Представляешь, она пугала меня, что за дробку мне писюн отрежет!

— Я б сама такую игрушку отрезала. — Катя рассмеелась, ласково погладила и взяла в левую руку временно отдыхающее, сдувшееся, но все равно внушительное сокровище.

— Не прикалывайся — это не смешно. — Женя нежно поцеловал Катю и заглянул ей в глаза. — Нет, я вижу, тебе никогда не стать такой — стервой надо родиться. Ты даже не можешь представить себе, как я боялся остаться без члена! Мне ночью кошмары снились, я в ужасе просыпался в холодном поту, ощупывал себя. А я ж совсем еще мелким пацаном был. Мама и так редко с нами виделась, а придет — слова доброго от нее не услышишь, одни нотации.

— Я слышала, что ты с ней в детстве в Москве жил, почему редко виделась? — Катя легла на бок, внима-

тельно разглядывая Женино лицо и не выпуская из руки его крепнувший член.

— Так она ж, блин, звезда! Маша Королёва! Некогда ей было — всегда на тусовках, в разъездах, на чёсе. На фиг мы ей сдались? Мы были вечным укором — постоянным напоминанием о ее возрасте. А у нее пунктик — быть вечно молодой. Про отцов наших никогда не рассказывала, будто родила от святого духа. Я с ней в жизни по душам не поговорил — приедет, всегда не в духе, откупится дорогими подарками и свалит опять. Никаких кайфов от звездности в моей жизни не было. В Москве одноклассники меня дразнили Королевичем, а иногда даже пытались побить. Здесь, в деревне, я как мог скрывал свое родство, но шила в мешке не утаишь. Как-то раз в клубе по пьяни проболтался, и все — триндец. Раньше девки в койку прыгали за удовольствием, а тут началось: «Забери меня в Москву! Я хочу тебе ребенка родить». В общем, стал богатым женихом, а мне этого на фиг не надо.

— Так ты геем себя из-за этого объявил?

— Ну и из-за этого тоже.

— А я, кстати, тоже богатая невеста.

— Ха-ха-ха.

— Не смейся. На меня целая очередь женихов стоит.

— А я без очереди.

— Тебе можно. Если не боишься, что я с тобой из-за твоей мамы... — Катя резко сжала левую руку.

— Кать, ты чего? Эти прогоны тебя не касаются. Ты — совершенство. Мне все равно, что ты обо мне думаешь, лишь бы ты была рядом! Всегда.

Он повернулся с бока на спину, закинул руки за голову и блаженно закрыл глаза.

— Мне маман последнее время знаешь, что говорила: «Трахай девок, Жека, но вполсилки, а главное — не влюбляйся — от этого все зло». Бабушкой до смерти боится стать. А я — влюбился!

— А как ты у нас в Коламске оказался? И почему ты здесь в глуши живешь, а не в Москве с матерью?

— В Москве таких девчонок, как ты, нет. Ну а если серьезно — я здесь в ссылке, но это длинная и неинтересная история, как-нибудь потом расскажу. И вообще, мы от дела отвлеклись, на чем мы остановились?

Евгений повернулся к Кате и стал языком ласкать ее миниатюрную чувственную грудь, прошитую голубыми венками. Девушка обрадовалась новому раунду бесконечного любовного боя и обхватила тонкими, но сильными ногами поясницу любовника:

— Ну, я вижу ты уже готов? Какой же он все-таки огромный! И весь мой!

ГЛАВА 5

Проходя в очередной раз мимо Дома творчества юных, сам не зная почему, Женя завернул туда — ему неожиданно захотелось повидать Папагена. Рабочих, которые меняли зеркала, уже не было. В танцзале было как-то очень тихо, в солнечных лучах медленно кружились в своем замысловатом танце тополиные пушинки. Геннадий Андреевич, конечно же, был в кабинете при танцзале, сидел и изучал списки учеников. Он улыбнулся, увидев Женю.

— О Женечка, окончательно передумал уезжать? Проходи, проходи, рассказывай, как дела.

— Да мимо шел, дай думаю зайду.

— Ну, рассказывай, не терпится услышать, как там наша Катерина, как у нее дела в клубе. Танцует?

— Танцует. — Женя немного замялся, не зная, с чего начать. — Честно говоря, я и сам хотел про Катю... Мне больше не с кем о ней поговорить.

Папаген еще шире заулыбался.

— Ты что, как там у вас, у молодежи, теперь говорят: запал на нее? — Такое сленговое выражение из его уст звучало смешно и нелепо.

— Не то что запал, все намного серьезнее. — Женя все-таки решился говорить с Папагеном откровенно. — Я сам от себя таких чувств даже не ожидал. У меня ж раньше девчонок до фи́га было.

— Да уж, наслышан о твоих былых подвигах. Но ведь с недавних пор весь город знает про твой новый имидж.

— Да я не о том. — Женя скривился. — Мне теперь, кроме Кати, вроде и не нужен никто, сам удивляюсь...

— Раз не нужен, так и порви с кобелизмом, нечего девочке голову морочить, она ж мне... как дочь. Я таких, как ты, насквозь вижу — сам такой был. А за нее если что, с тебя шкуру спущу, парень.

Несмотря на явный наезд, Женя продолжил:

— Я сразу почувствовал — она не такая, как все эти. Копнешь поглубже, за их макияжем да маникюром, а там и нет ничего, пустая оболочка — тоска с ними, все гнилые внутри. Поверьте мне, я не такой уж тупой, в бабах разбираюсь. В Кате есть что-то более глубокое, чем во всех них вместе взятых, светлая она какая-то. Они же во мне и человека никогда не видели, только так — член ходячий. Я если и не был, то стал таким, меня чрезмерное бабское внимание таким сделало. Но сейчас во мне все меняется...

Папаген внимательно слушал, но все-таки решил его перебить:

— Женечка, я всегда считал, что тебе просто хорошая девушка нужна. Раньше тебе немного не везло с этим. Ну теперь, я надеюсь, ты завяжешь со старой жизнью. Не повторишь моих ошибок...

— Я пытаюсь.

— Давай, давай, хватит тебе уже куролесить. А то останешься, как я — птицеловом без своей Папагены.

— Чего?

— Забудь. Ну а если Катю обидишь, то пеняй на себя.

— Ну что вы, — Женю задело недоверие, — я Катю никогда не смогу обидеть.

Он вышел от учителя, мучительно пытаясь прогнать из головы привязавшуюся строчку кумира: «Может быть, все нечестно так, только вот, наверно, интересней!»*

* * *

Как назло, когда кто-то нужен, его фиг найдешь. Женя уже обошел весь клуб, напевая: «Где, где, где, пропала где?»* и пошел на второй круг. Ее нигде не было, он начинал терять терпение. Никто не видел Риту Ким. Когда он окончательно отчаялся, из-за угла навстречу ему вырулила Рита собственной персоной.

Миниатюрная оторва неопределенного возраста, с ярко выраженной восточной внешностью, ее прямые волосы были выкрашены прядями во всевозможные оттенки красного и розового цветов. В раскосых глазах всегда смеялись чертики. Она шла в мини-юбке и открытой майке, которая пряталась в огромном количестве длинных разноцветных бус. Запястья были украшены множеством браслетов. От такого скопления бижутерии каждое, даже самое слабое движение Риты сопровождалось мелодичным позвякиванием. Увидев Женю, она расплылась в радостной улыбке:

— О! Наконец-то. Я так давно тебя не видела. — Она попыталась обнять Женю за шею, но он вырвался.

— Ты просила встретиться, что ты хотела мне сказать?

— Почему — сказать? Просто хотела. Неужели не понятно, сладочка? — Свои слова она снова попыталась поддержать объятием, но Женя поймал ее за руки.

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— Рита. Пойдем в бар, поговорить надо. — Женья развернулся и пошел вперед, с уверенностью, что она последует за ним.

Рита какое-то время смотрела ему в спину, затем, пожав плечами, видя, что продолжения разговора здесь не предвидится, двинулась следом. Они спустились в бар и сели за столик в углу, где их не сразу можно было заметить.

Рита надула губки и всем своим видом демонстрировала обиду:

— Ты какой-то странный, чувак! Женья, ты что, понтиться начал? Я звоню тебе домой — тебя никогда нет. А если ты дома, то вечно занят и мне не перезваниваешь. В клубе от меня шарахаешься, как от прокаженной. Что за телеги? Может быть, что-то случилось, а я и не в курсе?

— Да нет, ничего не случилось. — Женья говорил ленивым безразличным тоном, показывая, что все упреки Риты ему безразличны. — Просто мне кажется, что наши отношения зашли в тупик. Нам лучше прекратить встречаться.

— В тупик?! Ха, как же так? — Вид у Риты был, мягко говоря, растерянный. — Я что-то не отдуплю. Раньше тупики тебя не смущали, трахались по этим тупикам, как водяные крысы, а тебе еще разве что-нибудь надо?

— Надо не надо, видишь ли, если ты этого не понимаешь, то объяснить тебе это будет очень сложно.

— Боже мой, какой сложный чувачок стал, раньше попроще был! Нет уж, попробуй объясни, может, я что и пойму. Только не надо говорить, что ты влюбился в эту малолетку Катю! Что она там может-то? Эта дура мне, кстати, уже истерики из-за тебя закатывала, угрожала. Ты столько раз мне жаловался на Лену, что она тебя душит — теперь сам решил задушиться? — В ее голосе нарастала угроза. Она положила локти на стол, сцепила руки и поло-

жила на них подбородок, давая понять, что она вся внимание.

— Все меняется, Рита...

— Только не надо банальностей! Люди не меняются, мы с тобой одной породы — одинокие волки, свободные и злые, вечно в поиске добычи и трахаемся, чтобы скрасить скуку в этой дыре! Ты не можешь вот так бросить меня из-за этой маленькой сучки! Ты такой же, как я!

Женя мускулистой задницей почувствовал, что беседа может закончиться весьма плачевно, как бы не дошло до мордобоя:

— До Кати, да. Я был такой, как ты. Может, ты тоже просто живешь не с тем человеком и поэтому бесишься?

— И это все? — Рита была разочарована, она положила свои мягкие ладошки на руки Жени и с надеждой заглянула ему в глаза. — Пурга какая-то. Больше тебе сказать нечего? Ничего не понимаю — нам же было так хорошо вместе. Голубой ли ты, Катя, Лена, еще сто телок, мне по фиг! Мне от тебя ничего не надо, кроме секса! Зачем тебе терять такую клевою подружку?

Рита неуловимым движением положила Женины ладони на свои острые грудки и, продолжая заглядывать ему в лицо, провела влажным треугольным язычком по пухлым губам. Женя, негодуя, вырвал руки из ладошек коварной соблазнительницы, унося в них против воли сладкое ощущение твердеющих сосков. Он вскочил, чтоб уйти, и тут же неловко сел, с досадой обнаружив полную боевую готовность в штанах. «Вот, блядь!» Рита понимающе заулыбалась. Предатель между ног был явно на ее стороне.

В этот момент Женя заметил, как в бар зашла Лена, легка на помине, и сразу обратила на них внимание. Она просто побледнела от ярости, увидев их вдвоем, но, ничего не сказав, пулей вылетела из бара. «Облажался по полной программе!» — мелькнуло в голове незадачливого парламентаря.

— Ну все, Ритка, «нас теперь твой друг не увидит вместе, мы ляжем по разные стороны полос» *.

— Ты что, обкурился, чепушила?

— Дура, это «Мумик»!

— Ты что, Ленку Павлову испугался? Тебя аж трясет всего.

— Не твое собачье дело!

— Дурачина! Не бойся, у меня на нее такой компромат есть. Я про них с Дроздецким такое знаю!

— Даже и слушать не хочу!

— И не надо. Пойдем лучше в примерку, я тебя пожалею... В последний раз.

— Похотливая зануда! Пошли, но только в последний раз! Я не щучу.

Он был не в силах больше сопротивляться, боялся возвращения Лены, от нее можно было ждать чего угодно, ему нужна была поддержка, да и Рита Ким, чего скрывать, была сказочно хороша в постели.

* * *

Днем конспиративно ублажать беременную жену гангстера, ночью конспиративно заниматься любовью с Катей, еще и играть для всех голубца, и нигде не запалиться — это было уже слишком круто, даже для Жени. Через два месяца такой жизни он понял — пора рубить этот узел, надо легализоваться.

В казино было совсем пусто, даже в баре почти не наблюдалось посетителей. Создавалось впечатление, что заведение не работает. Жара, не прекращающаяся который день, выгнала всех из города, даже заядлых игроков. В баре звучал тихий трип-хоп, был слышен гул работающих кондиционеров. Женя сидел напротив Лены за столиком в углу, отгороженным от общего зала. Он набирался сил, чтобы начать серьезный разговор.

— Лена, так дальше продолжаться не может.

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— Ты про что это, милый? — Лена была миролюбиво настроена, в созерцательном расположении духа.

— Ну, я про наши отношения с тобой, — произнося это, Женя смотрел в сторону, избегая Лениного взгляда, предполагая, что он может там увидеть.

— Это что это наш гуаро* затеял? — Ее интонация совсем не изменилась. Непонятно откуда, у нее в руках вдруг оказался брелок. Женя его видел неоднократно, самое примечательное в нем было — опасная бритва немецкой стали. Лена вертела его вокруг пальца. — Как там твой педрила поет? «Кто когда загадает иногда, мною что зажато в кулачке?» — у меня так в кулачке твои яйца. В какие это мы игры теперь играем? Ты что, ради этой дуры Ритки со своими яйцами решил расстаться?

— При чем тут Рита? Не о ней разговор...

— Не делай из меня круглую идиотку. — Напускное равнодушие вмиг куда-то делось, в голосе звучал металл.

Лена направила указательный палец на Женю:

— Да я вас на прошлой неделе в баре видела — сидели голубки. Чуть не трахались на столе. Смотреть противно. Ты ж, потаскун, меня под Павлова подставляешь! Всю мою голубую легенду рушишь! Я тебя, tonto, предупреждала, чтобы держался от баб подальше, ты что, русских слов не понимаешь, на каком языке с тобой говорить надо? На корейском? Мне все это порядком надоело. Не посмотрю, что сама эту пиздоглазку в клуб пристроила — в миг вышибу да личико ее смазливое разукрашу.

— Лена, да ты все неправильно поняла, я ж ей отставку давал. — Голос Жени предательски дрогнул, он сам понял, что это звучит неубедительно.

— Не надо мне заливать! А то я Павлову шепну, что ребенок, которого он считает своим наследником, у меня от тебя, Женечка. Что ты меня опоил, соблазнил

* Красавчик (*исп.*).

и начинил, воспользовавшись моим доверием к твоему пидорскому имиджу. А теперь еще и шантажируешь бедную девушку! Мне-то по фиг, переживу. Павлов меня любит. Отлупит и простит. *Vamos a ver*^{*}, как долго ты протянешь. Ведь он тебя везде найдет, чтобы грохнуть за такой позор. А что ты устроил в казино с этой тощей Катей? Что за грязные танцы? Клинья к молодым подбиваешь, я для тебя уже стара стала?

— Лена, ну зачем ты так, давай по-хорошему.

— Не подлизывайся, у меня внизу машина, сейчас по-хорошему к тебе поедем. А я скоро с Павловым на море уеду — у тебя будет время как следует обдумать свое поведение. А с Риткой твоей, с этой *bicho garo*^{**}, я разберусь, помани мое слово.

Было видно, как она раздражена, даже слишком видно. Под конец разговора Женя был ой как не рад, что его затеял. Лена — злоющая, как пантера, жди от нее беды. Одна радость — уедет с глаз долой. На какое-то время можно будет забыть о ее существовании. Фиг с нею, пусть катится, а он немного придет в себя и решит все эти гребаные проблемы.

ГЛАВА 6

Осенний день клонился к вечеру, надо было поторопливаться, чтобы не опоздать на выступление. Женя был у входа, когда двери клуба распахнулись и Катя почти вылетела прямо в его объятия. Она держала в руках большую сумку и на ходу пыталась надеть куртку, но у нее никак не получалось попасть в рукав. Женя был страшно рад встрече и в первый момент даже не заметил, что глаза подруги полны слез. Присмотревшись, увидел, да на ней лица нет, она была очень сильно чем-то расстроена.

* Посмотрим (*исп.*).

** Подлая тварь (*исп.*).

Женя, целуя и обнимая Катю, попытался узнать в чем дело:

— Катюха, что такое — глаза на мокром месте? Ты куда собралась, скоро ж выступление?

— Представляешь, меня с премьеры турнули. — Катя всхлипнула, сглотнула и растерла рукой слезы. — Говорят: слабо танцую — надо еще порепетировать!

— Да какой дурак такое сморозил?

— Мне директор наш сказал, но я знаю, откуда ветер дует.

— Подожди, Михалыч? С какой стати это ему понадобилось, он же вообще ни в танцах, ни в чем ни хрена не понимает!

— Да знаю я, из-за чего весь сыр-бор. — Красавица отвернулась и, пока говорила, не смотрела Жене в глаза. — К нам в гримерку на днях Павлов пьяный со своими быками завалился да всех лапачь начал. Ну, ты знаешь, с ним иногда такое случается. Стал ко мне клеиться, скотина. А мне так противно стало: за дверью, может, его жена ждет, а он здесь руки распускает, да и устала я так, что сил нет, ну и послала его куда подальше. Он так озверел — как же в его империи кто-то перечить ему надумал. Мне показалось, что он мне сейчас по физиономии съездит, но нет — обошлось. Только разорался, что здесь все принадлежит ему, он — царь и бог и, если захочет, всех за порог выставит, ну с тем и ушел. А сегодня вот — пожалуйста, это все его рук дело. Так что пойду я к Павлову или туда куда его послала.

— Подожди, подожди. Ну не станет Павлов из-за такой ерунды тебя снимать. Давай я с ним поговорю, не уходи. — Женя ушам своим не поверил: конечно, Павлов известный мудака, но чтобы кого-то снимать с премьеры? Делать ему, что ли, больше нечего? Не его стиль, не пацанский. Странно как-то.

— Нет, спасибо, Женечка, не надо за меня никого просить — мы гордые.

— Ну, пожалуйста, не уходи, подожди меня, — Женя не знал, как успокоить и утешить Катю, — вместе куда-нибудь сходим.

В этот момент из клуба вывалились Белка, конечно же, вместе со Стрелкой. Они уже были одеты в яркие блестящие костюмы для выступления, и на улице это смотрелось совершенно ни к месту, что сразу привлекло внимание немногочисленных прохожих на площади. Две старушки, проходившие мимо, были явно шокированы полным отсутствием юбок в костюмах танцовщиц. О чем они не замедлили сообщить всем присутствовавшим на площади. Бабушки, крестясь и охая, остановились, чтобы высказать все о падении нравов современной молодежи, но Белка так рявкнула на них, что они быстро прервали свою обличительную речь и предпочли спастись бегством.

— Катька, хорошо, что мы тебя поймали! — Белка тяжело дышала, как будто бежала издалека. — Мы, как узнали, походу, что тебя снимают, чуть в обморок не упали! Надо же какое свинство!

— Это все из-за твоего гонора. Я говорила тебе: потерпи, ничего тебе Павлов не сделал бы! А ты — уберй руки, козел! Ну, кто такое стерпит. — Стрелка говорила с таким возмущением, будто Катя отказалась от прибавки к зарплате. — Это ты легко еще отдела-лась.

— Ладно, не расстраивайся, не уходи. — Белка почесала затылок, в размышлении. — Мы скоро освободимся, чего-нибудь придумаем.

— Правильно, я ей то же самое говорю. — Женя обрадовался такой поддержке и ухватился за возможность хоть как-то удержать Катю.

Но она была непреклонна, выслушав всех, только грустно покачала головой. Перспектива сидеть, как изгой, в клубе и ждать, пока все выступят, совсем не грела. Это было выше ее сил. Она наотрез отказалась:

— Нет, я пойду домой.

Еще раз махнув всем на прощание рукой, она двинулась в сторону дома, опустив узкие плечи и грустно шаркая длинными ногами.

* * *

Она открыла дверь, прислушалась — в квартире было тихо, промелькнула мысль, что родителей нет дома и ее пронесет. А то начнут опять мозги промывать, а она и так устала, мало ей в клубе проблем, еще со стариками разбирайся! Но Катины надежды не оправдались, на звук открывающегося замка из комнаты вышел отец. Федор Андреевич был в обычном домашнем наряде — черные брюки от спортивного костюма с белыми лампасами да рубашка с коротким рукавом в мелкую клеточку, на ногах пляжные шлепанцы на босу ногу. В одной руке он держал книжку, в другой — очки для чтения. Он было обрадовался приходу дочери, но сразу обратил внимание на ее несчастный вид — у Кати никогда не получалось что-либо от него скрыть. Он попытался заговорить с ней еще в прихожей, но у нее не было сил даже слушать, и она молча, отвернувшись от отца, пошла к себе в комнату. Но от него не так просто было отделаться — он двинулся следом за ней.

— Я не хочу действовать тебе на нервы, но мать предупреждала, что добром это не кончится. Катенька, послушай меня, бросай ты эту халабуду, можешь даже не идти работать, что, у нас не хватит денег, что ли, тебя прокормить? И не думай ты о Геннадии Андреевиче, он все поймет, будешь с ним репетировать и поступишь в свой театральный на будущий год. С мамой я поговорю. Она очень сильно за тебя переживает, но ничего, я постараюсь убедить ее дать тебе еще шанс, ты же у меня такая талантливая девочка.

— Спасибо, папа, — в голосе Кати прозвучали благодарные нотки, — ты всегда понимал меня и поддер-

живал, но я не хочу сдаваться, все подумают, что я слабачка, а я сильная, как мама. Где она, кстати?

— У нее в магазине переучет, неизвестно, когда он закончится. Так что мы с тобой вдвоем кукуем до утра.

— Надо мне сходить к Геннадию Андреичу поговорить да посоветоваться, я давно его не видела. Папа, а ты Папагена сколько знаешь?

— Давненько. Что это вдруг тебя заинтересовало? Мама твоя у него тоже танцами занималась.

— А как получилось, что папагеновскую школу танцев прикрыли?

— Я точно не помню, но там какая-то некрасивая история вышла. — По тону отца чувствовалось, что продолжать эту тему ему явно не хочется. — Ну все, Катя, ты устала, тебе пора отдыхать, я и так с тобой слишком заболтался. Все, спокойной ночи! Давай-ка ложись спать, а то можно так всю ночь проболтать.

— Пап, мне совсем спать не хочется, давай лучше поговорим. — Сна у Кати не было ни в одном глазу.

— Да на тебе лица нет от усталости.

— Давай, как в детстве, ты садись, а я на колени тебе голову положу. — Она усадила отца на диван, а сама прилегла рядом.

— Ты у меня совсем большая стала, — отец положил руку Кате на голову и ласково погладил, — такая красавица вымахала.

— Говори, говори мне это так приятно. — Катя закрыла глаза, вздохнула и улыбнулась — хоть кто-то доброе слово за день скажет. — А чего у тебя руки так дрожат? Ты не заболел?

— Ты такая взрослая, такая красивая у меня. — Федор Андреевич наклонился и слюняво поцеловал Катю в угол рта.

— Пап, ты чего? Что за нежности такие, прямо сам на себя не похож.

— Я такой осел был...

ГЛАВА 7

Что за чепуха?! Мачо Женя несется по темным улицам, как одинокий голодный волк. Куда она могла подеваться? Пять пустых ночей он провел без нее. На пятый день, не выдержав, он замучил телефон — никто не отвечает ни у Белки, ни у Стрелки. Точняк, она с ними! Мамаша ее вообще таким тоном разговаривала, как будто он детоубийца как минимум! Спасибо, что не послала. Но в голосе было столько злости! Да еще заявила, что такие здесь не проживают. Это про любимую и единственную дочь! Совсем свихнулась! Ну не послушалась ее доченька, пошла по своему пути — не век же родителей слушаться. Это не повод ее из дому выпроваживать. С родителями вечно так, чуть дети выросли и стали своими мозгами пользоваться, так все — пошли вон. Почему-то считается, что дети должны по гроб жизни быть благодарны родителям, интересно, за что? За то, что на свет их родили? Так мы ж не просили, как Лагута, чтоб нас делали. Да уж, «делай меня точно, мама, — я не буду агрессивным»*. Похоже, неточно меня мама сделала. Чего хотели, то и получили. Ладно, надо попробовать сунуться в казино — это последнее место, где он еще сегодня не искал.

Ха, конечно, она здесь. Вон как веселятся, все в сборе, что это они так разошлись?

— Всем салют, Катя, я тебя везде разыскиваю! Елеле нашел! — Женя сел за стол в баре, где устроилась теплая компания.

— Где тебя носит? Ехал бы сразу сюда, здесь такой кайф. — Катя потрясла несколькими фишками, взяв их из горки, что была рядом с ней: — Мне опять везет!

— Смотри, удача — девка ветреная. — Жене было неприятно, что Катя так быстро втянулась в эту гни-

* Парафраз слов из песни группы «Мумий Тролль».

люю тусу. — Здесь нужно вовремя остановиться, как в любом деле!

— Я давно так не веселилась, пойду еще поставлю! — Катя резко поднялась и направилась к игровому столу.

— Во отжигает девка! Что это вы с ней сделали?

— Да этот дурень Серж опять свое дерьмо приволок, дилер хренов, — Стрелка махнула рукой куда-то за спину, — вот и штырит нас помаленьку.

— Во-во, а Катьку твою, походу ненасытную, вообще колбасит не по-детски, — добавила Белка.

— Вы мне совсем девочку испортите. — Женя естественно громко засмеялся. — Пойду проверю, что она там делает.

Он подошел к рулетке, как раз в тот момент, когда Катя проиграла свою ставку. Женя даже обрадовался предложению увести ее отсюда:

— Пошли уже, видишь, удача твоя спрыгнула. И нам пора.

— Угу, сейчас отыграюсь, и пойдем. — Катя, не отрываясь, гипнотизировала шарик, как будто, если она хоть на секунду отвлечется, он сбежит с поля.

— Катя, пойдем, всех денег не выиграешь. «Уходим, уходим, уходим!»* — пропел Женя.

— Подожди! Ну хоть еще разочек. Я сейчас точно выиграю.

Шарик повертелся и остановился. Катя опять проиграла.

— Все, хватит, пойдем!

— Ты иди, я сейчас. — Катя и не думала отходить от стола, она не отводила глаз от шарика и не обращала на Женю никакого внимания.

— Ку-ку! Это я! — Он разозлился, взял Катю за плечи и легонько потряс. — Катька, вернись в реальность!

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— «Реальность — это состояние сознания, вызванное недостатком алкоголя!» — Она произнесла эту фразу без какого-либо выражения.

— Ты что, уже бредишь? — Это стало последней каплей. — Я без тебя не уйду!

Наступила очередь Кати выйти из себя. Видя, что ее не оставляют в покое и мешают сосредоточиться на игре, она жутко разозлилась и заорала на Женю:

— Что ты ко мне привязался, любовничек! Я же говорю, последняя ставка и приду!

— Тихо ты!

— Ой, извините, мы ж для всех друзья. Вот и иди, друг-гей, за стол к другим друзьям.

— Я тебя здесь подожду. — Он не собирался сдаваться так просто.

— Ты мне мешаешь, иди выпей!

Шарик, медленно завершая кружение, завис на какое-то мгновение между двумя ячейками. Катя затаила дыхание... и он упал не в ту ячейку.

— Ты опять проиграла, пойдем! — Женя дернул Катю за руку.

У стола, как всегда некстати, неожиданно материализовалась Лена, выглядевшая на все сто. Сегодня она явно косила под Одри Хепберн — кроме любимых очков, белая шляпка с черной полосой вдоль тульи, белое платье и белые туфли с черными бантиками на высоких каблуках. В правой руке у нее был бокал с минералкой, мизинец — игриво отогнут. Лена с удовлетворением заметила, что ее наряд произвел необходимое впечатление, и благосклонно обратилась к Кате:

— Как дела, Катюша, я вижу — тебе все больше нравится играть?

— Да уж. Что-то, Ленок, мне сегодня не везет!

— А как дела в клубе? — Ленивая интонация показывала, что этот вопрос Лена задала чисто из любезности.

— Меня с премьеры сняли.

— Не может быть, *qué pasa?** Ты же так здорово держалась на сцене! — На холенном лице Лены отразилось нешуточное сочувствие.

— Лена, тебе Михалыч врать не будет, — Катя заговорила умоляющим тоном, — может выяснишь, почему меня сняли? Я не очень поняла, да мне толком и не объяснили.

— Конечно, мы же подруги. Обязательно выясню, — Лена была сама любезность, — но, увы не знаю когда. Я завтра уезжаю, на сколько — по *sé*** . Ладно, ребятки, что-то мне сегодня тоже не везет. Я, пожалуй, пойду. Всем пока. — Она поправила темные очки в белой оправе, развернулась и поплыла прочь.

— Женя, у меня еще есть пара фишек, — взмолилась Катя, — ты иди, я сейчас отыграюсь и приду.

Женя взглянул на Катю и понял, что сделать с ней ничего не сможет, ну не бить же ее. Ладно! Пусть все уже проиграет, тогда посмотрим. Он вернулся за столик и заказал себе текилы. Через какое-то время пришла хмурая Катя.

— Как это ни странно — мне опять не повезло. Все из-за тебя, мумитрольщик!

Женя решительно встал из-за стола.

— Все, мы уходим, всем пока!

Он взял Катю за руку и, несмотря на ее вялое сопротивление, вывел из казино.

По дороге он не смог сдержаться и вылил на нее все скопившееся раздражение:

— Что на тебя нашло? Ты чего играть полезла? Пусть играют, у кого денег до хрена, тебе-то куда!?

Но Катя была не расположена слушать его наставления, она барахталась в своих расстроенных чувствах. Проигрыш ее сильно задел, и она шла, вычисляя, где

* Что случилось? (*исп.*)

** Не знаю (*исп.*).

допустила ошибку. На нотации Жени она вяло ответила словами Элочки Людоедки:

— Не учите меня жить — лучше помогите материально.

— Будешь играть — тебе никто не поможет. Сколько ты сегодня просадила?

— Жень, не будь занудой, все равно делать было нечего! Лучше поцелуй меня, ну пожалуйста!

— Ну и глазки! Да ты все еще под кайфом! Хороша подружка! Думал — из приличной семьи, а тут раз тебе — и игра, и наркота! Права твоя мать, нельзя тебя было из-под юбки выпускать. Теперь я буду тебя контролировать. Так что, Катя, давай-ка перебирайся ко мне.

Катя отстранилась от него и посмотрела с грустью:

— Женич, ты отстал от жизни, я уже пять дней у Папагена живу.

Новость просто ошарашила Женю:

— Как это? А почему я ничего не знаю? Ты чего мне не сказала-то?

— Как-то не получилось. Когда мамаша узнала, что я, мерзавка, ночи не на работе провожу, а у тебя дома, помнишь ты меня провожал с утра, а она нас на лестнице застукала, она мне такой разгром учинила. Мать с тем, что я в ночном клубе «пляшу», никак смириться не могла, а тут еще и ты. Она мне такого напорол: и про разврат, и упадок нравственности, и про то, что она не для того меня растила и всю душу в меня вкладывала, чтобы я так низко пала. Я тоже давай ей правду-матку пороть про то, что танцы и ты — это моя судьба, и мне от судьбы не уйти. Ну, мать сказала, что ни за что не сделает из своего дома притона. А я: и пожалуйста, тогда найду другое место, где меня примут и не будут считать шлюхой. Папаген меня сироту и приютит.

— Так надо было ко мне сразу! Ты чего?!

— Да я тебе звонила тогда, а тебя дома не было, искала тебя по всему городу, но ты как сквозь землю

провалился. Я сейчас к Папагену двину, а то ведь расстроится, бедолага, что меня долго нет.

— Катя, а как же я?

— Не сегодня, Женич.

— Я по тебе так соскучился, мы счас Папагену звякнем, что ты со мной, он волноваться и не будет. — Женья обнял и поцеловал Катю.

— Я даже не знаю... — В голосе Кати зазвучало сомнение.

— Вот и умница, пойдем! — Женья вновь поцеловал Катю, и, крепко сцепив руки, они пошли к нему домой.

* * *

Под утро Катя все же решила вернуться к Папагену. Объяснила это тем, что, наверное, бедняга переживает за нее. Вчера они старику так и не позвонили. Забыли, паразиты, обо всем, дорвавшись друг до друга. Папагену и так-то грустно, всю жизнь живет в одиночестве, а здесь напросилась к нему пожить и пропала куда-то, еще подумает, что сбежала от него. Катя без труда уговорила Женью ее не провожать и ушла.

Только он уснул, как раздался телефонный звонок — это была Катя, она сбивчиво затараторила:

— Женич, блин, я как чувствовала, ему совсем плохо. Жень, я уже «скорую» вызвала, вот-вот должна приехать. Что будет-то?

Женья со сна поморщился:

— Какая «скорая»? Зачем? Кому?

Но Катя быстро бросила трубку, сказав, что «вот они уже...».

Он сидел на кровати, тупо уставившись на телефонную трубку.

Через какое-то время телефон опять зазвонил, это была Катя, она быстро сказала, что Папагена забирают в больницу, у него инфаркт.

Женья стряхнул с себя последние останки сна, быстро собрался — натянул джинсы, первую попавшую

под руку футболку, сунул ноги в кроссовки — и в скором времени был в больнице. Катя, сидевшая у двери в реанимацию, бросилась ему навстречу:

— Женич! Представляешь, у Папагена инфаркт, это все из-за меня! Он сейчас там, меня вытолкали, разговаривать со мной не стали, говорят — приходите днем.

— Слушай, может, надо денег предложить, чтоб за ним лучше смотрели?

— Да я попыталась, а они мне — у нас есть все необходимое, мы не нуждаемся.

— Ну что делать, раз так, мы уже ничем помочь не сможем, пошли домой. Надо будет позвонить ему на работу, предупредить, а днем обязательно зайдем к нему. Что здесь высидывать, пойдем?

ГЛАВА 8

«У тебя забавы — утром все забыл, музыка сорвалась — ты меня убил»*, — обвинял Женю из плеера любимый артист, славно вписываясь в отвратительное настроение.

После бессонной ночи весь день чувствовался дискомфорт, не радовала даже долгожданная перемена погоды. После странной для осени жары температура воздуха резко упала, и небо заволокли низкие облака. Ветер гнал их с огромной скоростью, они пронеслись, как зловещие большие птицы, не предвещая ничего хорошего своим бешеным полетом. На горизонте показалась темнота, в любой момент мог пойти дождь. Дневной поход в больницу ничего не дал, Папаген был в реанимации, и туда не пускали. Врач ничего толком не сказал, только то, что больного вовремя привезли. Попасть в реанимацию не помогли ни предложение денег, ни усиленное заигрывание с медсестрой. К началу рабочего

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

дня силы были на исходе. Скорей бы отработать и побыстрее домой, хоть выспаться. Хотя какое там! Дома же Катя ждет его, они договорились обсудить ее переезд к нему. Давно пора! Неожиданно он поймал себя на мысли, что ни с одной из своих пассий не испытал желания жить вместе. Странно, что так обернулось, вроде он и не собирался жить с Катей, а само собой получилось. Из раздумий его вывела неожиданная встреча. Женя почти налетел на Сашу Павлова.

Павлов, в свои двадцать пять, был не только владельцем клуба и казино, у него также имелся и другой бизнес — магазины да ларьки, кроме того, он числился местным авторитетом. Это был крупный, не очень высокий, квадратный мужчина. Большая круглая голова, вся в «боевых» уличных шрамах, была острижена почти под ноль, густые брови нависали над темными глазами, слегка навывкате. Говорил он, никогда не понижая своего зычного голоса, и его было слышно в любом уголке клуба. Ходил он, как и подобает «большому» человеку в костюмах от кутюр, всегда при галстукке, у него их была целая коллекция, и он очень ею гордился. Несмотря на то что костюмы шились на заказ, все равно они как-то смешно сидели на его мощном теле. Все подчиненные знали, как скор бывает Павлов на расправу, и страшно боялись послушаться хоть какого-либо его распоряжения. Однако он был отходчив и с легкостью признавал свою неправоту. Сегодня он явно был навеселе и в благодушном настроении. Завидев Женю, он зарокотал:

— О Евген! Ты просто это — наша восходящая звезда нах, видел я ваш номер, тебя просто на ура принимают! Подумываю премию тебе нах отвалить!

— Спасибо, Александр Борисович, а я думал, вы уехали, ваша жена всем говорила, что вы уезжаете.

— Нет, у меня не получилось нах — дела здесь срочные уладить надо, дефолт нах подорвал шоу-бизнес. Замотать бы этого Кириенку нах. Так что, подружка твоя одна укатила. Я позже поеду.

Женя на секунду замялся, но потом решился — была не была:

— Александр Борисович, у меня к вам просьба.

— Нет проблем нах, пойдём ко мне в кабинет. Если приставать не будешь. Шучу.

Кабинет Павлова располагался напротив кабинета директора клуба. Павлов прошёл вперед и сразу же сел за свой бескрайний стол, сосредоточенно изобразив на лице деловое внимание. Женя, набравшись храбрости, озвучил просьбу:

— Здесь, может быть, вышла какая-то ошибка, но с выступления сняли Екатерину Петрову, она новенькая, но очень круто танцует. Может, можно ее как-нибудь вернуть в представление.

— Петрова? Твоя подружка, что ли? Ты чё, окраску сменил? Ха-ха, шучу нах! Сняли? Может, она танцевала похабно, чё ее тогда держать?

— Да что вы, она прекрасно танцует, кого угодно спросите, я очень прошу, дайте ей шанс, она справится.

— Ну, хорошо, сейчас. — Он включил громкую связь и, наклонившись к телефонному аппарату, про-рокотал: — Михалыч, зайди ко мне нах.

В кабинет почти влетел директор клуба.

— Чёе распоряжение нах было снять Петрову с выступления? — Павлов спросил это таким тоном, что у директора побелело лицо, он запаниковал и даже начал заикаться:

— М-м-мое.

— А на каком основании нах?

— Так говорят она п-плохо это... того... двигалась. — Казалось, что директор сейчас упадет в обморок.

— А кто говорит нах?

— Так как же... А разве вы... разве Елена Васильевна не...

— Что я нах? — Ярость в голосе Павлова достигла высшей точки. — Что Елена Васильевна не, нах?

— Здесь какое-то недоразумение, я сегодня же рас-
поряжусь, чтобы ее вернули в номер. — Михалыч, пя-
таясь, выскользнул из кабинета.

Павлов, мгновенно изменившись в лице, расплылся
в добрейшей улыбке. Показанное им представление,
как видно, доставило ему огромное удовольствие, он
достал сигару из коробки на столе, с наслаждением
понюхал и, обратившись к Жене, произнес: — Видишь,
как все просто нах. Еще просьбы есть?

— Нет, нет, спасибо большое, больше мне ничего
не нужно.

— Легко тебе угодить. Ну, тогда нах — свободен.

Женя вышел в приемную, прегадко себя чувствуя,
на душе остался неприятный осадок от услышанного.
«Чертова Лена — ее подстава». Его окликнула секре-
тарша Ирочка:

— Женя, ты не видел свою подружку Ритку, может,
она где-то здесь? Похоже, что на работу не пришла, во
блин! А я ее разыскивай! Делать больше нечего.

— Может, она заболела? Ты домой звонила?

— Да звонила уже, муж не знает, где она! Что де-
лать-то?

— Утекай*, — Женя с удовлетворением увидел, как
недоуменно округлились глаза Иры. — Не парься, най-
дется. Жметя с кем-нибудь по углам. Я пошел, пока.
Думаю, она где-то в клубе.

ГЛАВА 9

День начался с суеты — решили организовать пере-
езд, пришлось сбегать не только в квартиру к Папагену,
но и к Кате домой. Он, конечно же, в квартиру к ней
не пошел — боялся налететь на шизанутую мамашу.
Катя поднималась туда за вещами одна, он ждал ее

* Название песни группы «Мумий Троль».

возле подъезда. Похоже, Катя и сама-то не очень горела желанием встречаться с родичами. Ему показалось, что она ему не все рассказала про конфликт с ними, что-то недоговорила. Уж больно мамаша была не в себе, да и отец странно себя вел. Когда Катя по телефону предупредила их о приезде за вещами, то услышала что-то такое, что моментально бросила трубку, а когда он предложил переговорить с Ириной Александровной — Катя на него посмотрела, как отрезала.

После хлопот, связанных с переездом, они направились в больницу, где царил унылая казенная атмосфера, сильно пахло лекарствами и стояла напряженная тишина. Они долго проторчали возле реанимации и, когда вышла сестра, кинулись к ней с расспросами. Медсестра, окинув их неприязненным взглядом, заявила, что таких на отделении нет. Женя видел, как у Кати от этой новости в глазах заплясали искры испуга, лицо побледнело — похоже, она представила самое худшее. Но, увидев, что люди напугались до полусмерти, сестра сжалась и сказала, что Геннадия Андреевича перевели на другое отделение — ему уже лучше. Это была просто супермегагиперновость! Катя моментально расслабилась, ведь все последнее время она постоянно винила себя в случившемся. Она стала редко улыбаться, а ее улыбка так нравилась Жене, потому что придавала Катиному лицу нежное детское выражение. Женя почувствовал смену ее настроения и, не зная, что бы еще придумать, подхватил Катю и закружил ее в вальсе по широкому больничному коридору. Так они и кружились под аккомпанемент музыки, звучащей в них самих, пока проходивший мимо врач грубо не прервал их танец. Они заглянули в палату — Папаген был очень слаб, и им разрешили провести с ним только пять минут. Они попытались выяснить у старика, что ему нужно, но упрямец твердил, мол, у него есть все необходимое и что инфаркт не имеет отношения к Катиному отсутствию. Пообещав, что за-

втра зайдут опять, счастливые любовники покинули больницу.

А в городе все было как всегда — куда-то шли прохожие, мальчишки гоняли мяч, за ними следом бежала и заливалась мелкая шавка, на перекрестке дэпээсник отчитывал водителя, и никому не было дела до двоих самых счастливых людей в мире, «парочки простых и молодых ребят»*. Домой идти не было никакого желания, и они побрели, куда глаза глядят. Ничто на свете не могло им испортить настроения, они были вместе, и кроме этого ничего не имело значения. Они добрались до реки и вышли на Поцелуев мост, любимое место свиданий влюбленных парочек. Сегодня там не было ни души. Было так здорово стоять, целоваться, смотреть на убегающую вдаль реку и гадать, сколько еще влюбленных она увидит на своем долгом пути. По реке под ними проплыло небольшое суденышко и отсигналило им, они долго махали ему вслед и радовались как дети. По дороге к реке они купили горячий батон в булочной и теперь бросали кусочки хлеба парящим рядом с ними чайкам. Все было прекрасно. Весь мир им улыбался, и верилось, что ничему никогда не перечеркнуть волшебства этого дня, оно застынет в памяти, как янтарь, вместе с безумно счастливыми Женей и Катей, которые, возможно, завтра под грузом проблем и тревог изменятся, станут совсем другими, может быть, даже старыми, но это не коснется тех Жени и Кати, которые останутся на этом мосту навсегда.

На обратном пути Женя забежал в магазин игрушек и купил подруге смешного медвежонка, который чем-то неуловимо напоминал его самого, но имел очень грустную мордашу. Катя очень серьезно, с благодарностью, приняла игрушку и заявила, что вот у них в семье уже и пополнение. А после, когда вернулись домой, они вместе готовили обед. Было так здорово крутиться на

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

маленькой кухне, задевая друг друга локтями и сталкиваясь в самых неподходящих местах. По городскому радио шли заунывные беседы, но неожиданно заиграл авангардный джаз. Женя никогда не мог спокойно слушать какую-либо музыку, он очень важно, приняв подобающую позу, расправив фартук, обратился к Кате:

— Разрешите, мадам, пардон, мадемуазель, пригласить вас на танец?

Катя засмеялась:

— Музыка дурацкая, как под такую танцевать-то?

— В этом-то и весь кайф. — Женю ничто не могло сбить с настроения, танцевать так танцевать.

И они начали свой танец, пытаясь подстроиться под рваные ритмы звучащей какофонии. Это был не просто танец. Кому-то он мог бы показаться похожим на безудержную пляску святого Витта, но на самом деле это было языческое поклонение Терпсихоре. Ведь это ей они столько лет посвящали все свое свободное время, и их встреча была, конечно же, одобрена и освящена с ее легкой руки. И в этот момент в маленькой квартирке для них двоих это был самый прекрасный танец в мире. Постепенно кухня стала мала для причудливого действия, и они переместились в спальню, где и закончили обряд поклонения, к обоюдной радости, на их теперь общей постели. Обед в этот день, конечно же, жертвенно сторел.

* * *

Вечером было выступление, и они вместе пошли в клуб. Настроение было хорошее, все прекрасно — Папаген поправляется, Катя возвращается в шоу, они идут вместе. Казалось, весь мир должен быть счастлив, как они. Но в клубе царила совсем другая атмосфера, что-то было не так. Еще проходя через бар, Женя заметил, что бармен Илья весь какой-то дерганый и нервный. Работники клуба шептались по углам. Навстречу попалась Стрелка, шедшая с очень деловым видом. Она кивнула и хотела пройти мимо, но Женя поймал ее за руку.

— Стрелка, что за шухер на бану?
Стрелка быстро огляделась по сторонам:
— В приемной менты сидят, всем допрос учиняют.
— Какой еще допрос, кто что натворил? — Катя была напугана.
— Представляете, тело Жанки нашли в реке! — Стрелка говорила шепотом, словно боялась чего-то.
— Какой кошмар!
— Говорят, ее сначала задушили! Вот дерьмо! Вот менты всех и опрашивают: ищут — кто последний ее видел.
Подошла Белка и сразу вступила в разговор:
— А вы все мне не верили, я же говорила, что Жанка по-тихому не уехала бы! Обязательно бы всему городу натрепалась! Интересно, а куда ее вещи походу делись-то? В квартире, которую она снимала, ничего не было.
— Что здесь непонятного, — Стрелка от возмущения начала махать руками, — убийца забрал, чтобы все следы замести. Кто помнит, с кем она в последнее время встречалась?
Белка посмотрела на подругу как на умалишенную:
— Да кто такое вспомнит, у нее куча мужиков была, вот и догулялась.
Женю все это начало раздражать:
— Давно менты здесь?
— Я не знаю — сама только пришла. — Стрелка посмотрела на часы. — Директор рвет и мечет, у нас может представление сорваться. Они пока всех не опросят — не уйдут.
— Ну, Павлов этого не допустит! — Женя невесело усмехнулся. — Сейчас быстренько ментов выпроводит.
— Так Павлов улетел к своей благоверной, его теперь неделю не будет. — Стрелка вновь взглянула на часы. — Ладно, я побежала. Катька, я тебя поздравляю, ты опять в шоу.

ГЛАВА 10

На кардиологическом отделении, как и во всей больнице, была гнетущая атмосфера. По коридорам медленно прохаживались больные, которым были разрешены физические нагрузки. Вид у них был удручающий — пожилые грустные люди, с усталыми лицами, в жутких вылинявших халатах или в не менее жутких, растянутых на коленях тренировочных штанах. Жалкое зрелище. Женя вообще терпеть не мог все лечебные заведения, что поликлиники, что больницы, его реально начинало тошнить, когда он туда случайно попадал, по каким бы то ни было причинам. На этот раз он пришел в больницу только потому, что не мог отказать Кате. А уж она расстаралась, с утра начала сборы — и это возьмем, и то, и Папагену там одиноко, уже неделю лежит и такой он жалкий и несчастный. Женя уже всерьез подумывал, чем бы остановить Катин поток сострадания, который всерьез грозил затопить их квартиру, но, слава богу, сдержался — Катка бы его прибила.

В палате сильно пахло лекарствами. Когда они заглянули, Папаген лежал и грустно смотрел в окно. Вид у него, в блеклой полосатой фланелевой пижаме, и правда был ужасно жалкий. Глаза стали огромными на похудевшем, обтянутом кожей лице. Завидев вошедших, он не смог скрыть радости, заулыбался во весь рот и попытался встать с кровати. Катя сразу же кинулась к нему:

— Геннадий Андреич, что вы! Лежите, не вставайте, вам нужно лежать.

— Я просто очень рад вас видеть. Ребята, ну зачем вы пришли, вы же вчера были. Не надо так часто меня навещать, вы ведь работаете, нужно больше отдыхать, а не к старикам ходить.

— Геннадий Андреич, ну зачем же так? — Катя слегка надулась. — Нам с вами приятно. Как вы сегодня?

— Намного лучше, чувствую себя отлично, врачи здесь — просто класс, особенно Дроздецкий, скоро меня на ноги поставят.

— Вас здесь, наверно, жутко кормят. Мы вот вам гостинцев принесли, вот бульон домашний, здесь рыба, здесь кефир, куда это положить?

Было видно, что старикан совсем расчувствовался от такой заботы и внимания, казалось, он вот-вот заплачет:

— Да не надо было так беспокоиться, я бы сам уж как-нибудь. Здесь персонал очень хороший, мне все помогают.

— Вы не стесняйтесь, — Катя начала говорить покровительственным тоном, который не терпел возражений, — звоните, если что-нибудь понадобится, я вам номер телефона оставлю — свой и Жени, вот здесь, на тумбочке.

— Ну ладно, — Женя решил снять со старика тяжесть высказывания бесконечной благодарности, — вы нам наконец расскажите, что вас так расстроило и спровоцировало приступ!

— Не хочу говорить об этом, потом расскажу.

— Ну уж нет, мы должны знать. Выкладывайте.

— Даже не знаю, с чего начать... Катя, когда ты мне сказала, что тебя с премьеры сняли, я очень расстроился. А потом думаю, чего сидеть сопли жевать, ну и позвонил Михалычу.

— Неужели Михалыч? — нахмурился Женя.

— Он самый. Хам трамвайный! Я ему и говорю, что же это ты слово не удержишь, девочку мою обижаешь! А он сначала тихий такой был, а потом вдруг как разорется, что все его уже достали! Обвинил меня во всех смертных грехах. Намекал, Катюша, на нашу с тобой связь! Совсем люди совесть потеряли и всех по себе судят. Так вот повесил я трубку, прилег отдохнуть, а встать уже не смог — прихватило меня. Так ты меня, Катя, и нашла. Спасибо тебе, что старика не бросила.

— Да что вы, Геннадий Андреич, заладили, старика да старик! — Катя порывисто обняла Папагена. — Ка-

кой вы старик, да мы еще танцевать с вами будем. Нечего себя в запас списывать. А Михалыч...

— Только не смейте с ним связываться, я вас умоляю! Его Бог накажет.

— Милый Геннадий Андреич, все будет хорошо, вы только не волнуйтесь и поправляйтесь скорей, — сказала Катя и поцеловала учителя в лоб.

На выходе из больницы их ждал сюрприз — на встречу, загорелая и сияющая, шла Лена Павлова. Она была в платье, подчеркивающим ее беременность, и с удовольствием ловила каждый взгляд, брошенный на свой явно наметившийся живот. Она мило улыбалась:

— Какая неожиданная встреча! Какими судьбами?

— Привет, Лена! — Катя совершенно искренне обрадовалась. — Мы были у Папагена. А ты уже вернулась? Замечательно выглядишь, такая загорелая, посвежевшая!

— Да уж, там мне нервы никто не мотал! А что произошло с нашим робге* стариканом?

— У него — инфаркт и микроинсульт, но сейчас он идет на поправку, ему намного лучше!

Лена задумчиво обвела взглядом холл больницы, а после в упор посмотрела на Женю, будто следующие ее слова предназначались ему:

— Dios mio!** Уехала вроде ненадолго, а тут столько уже всего произошло.

* * *

Не успели они прийти домой после похода по магазинам и положить продукты в холодильник, как зазвонил телефон. Катя взяла трубку, и по ее лицу Женя сразу понял, что новости не принесут радости и веселья. Катя медленно положила трубку:

— Это из больницы. Папагену стало хуже. Они нам уже не первый раз звонят.

* Бедным (*исп.*).

** Боже мой (*исп.*).

Около реанимации их уже ждали — там сидела Катина мама. У Ирины Александровны был подавленный вид, она даже как будто состарилась на несколько лет, несмотря на как всегда аккуратные волосы и макияж. Она поднялась навстречу дочери, нервно теребя в руках сумку. Катя же сразу стала вызывающе спокойна.

— Здравствуй, мама, давно не виделись. Какими судьбами? Кстати, познакомьтесь — это Женя, Женя — это моя мама Ирина Александровна.

— Здравствуйте, я вас как-то не разглядела тогда на лестнице — быстро бегаете. И совсем другим по голосу представляла, более взрослым, — произнося это, Ирина Александровна жестко глядела в упор на Женю, но потом как будто потеряла всякий интерес к нему. — Катя, давай зайдём в часовню, свечку поставим. У меня к тебе серьёзный разговор.

Женя украдкой рассматривал Катину мать, ведь он впервые её видел. Гром-баба, довольно высокая, ростом почти что с дочь. Выглядит неплохо, только вот челюсть тяжеловата, придает суровый вид. Ей бы decisamente похудеть и постричься, казалась бы помоложе, а то причёска дурацкая. Женя вспомнил, что Ирине всего тридцать пять, и внутренне содрогнулся, в его личной коллекции мелькали экземпляры и постарше. Перед глазами сама собой начала раскручиваться картина возможного секса с директором универсама.

Катя взглянула на Женю, словно ища его поддержки и защиты, он отвлекся от своих скабрёзных мыслей, но решил, что не будет вмешиваться в семейные отношения:

— Катюха, ты давай, иди, иди. Я тебя здесь подожду.

— Хорошо. Мама, пожалуйста, если хочешь мне что-то сказать, не тяни резину.

— В часовне и поговорим.

Женя посмотрел им вслед, Катя один раз оглянулась и, как обречённая, последовала за матерью.

Часовня располагалась на первом этаже больницы, туда можно было пройти через холл, надо было только

спуститься на первый этаж и пройти через левое крыло. Всю дорогу они прошли молча, не проронив ни слова. Войдя в часовню, они так же молча поставили свечи, и только после этого Ирина Александровна предложила присесть на скамейку для разговора. Она начала не очень уверенно, иногда прерываясь и замолкая:

— Катя, я тебе должна сказать что-то очень важное, прошу, не перебивай меня, мне и так очень трудно. Я в молодости тоже увлекалась танцами. В то время учиться у Геннадия Андреевича считалось очень модно и престижно, я тебе когда-то говорила, он руководил своей школой танцев. Гена уже был очень известный педагог и первый красавец в городе, а мне только стукнуло семнадцать. Так получилось, что мы...

— Я что-то подобное подозревала. Так вы были любовниками?

— Мы очень любили друг друга. Я залетела. Угу.

— Ты сделала аборт, да? — Кате все меньше хотелось выслушивать откровения матери. Хотелось крикнуть «замолчи», но она сидела, стиснув руки.

— Катя, не перебивай меня, мне тяжело говорить. Я забеременела тобой, и тут разразился жуткий скандал. Гену обвинили в соvrщении малолетнего. Скандал раздул Анатолий Михайлович, директор вашего клуба, он был тогда директором школы. Ему якобы написали анонимку. Ты не представляешь, как это было страшно в те годы. Официально все замалчивалось, но слухи просочились. Весь город шептался, криво ухмыляясь и закатывая глазки. Нас всех, кто у него учился, унижительно допрашивали, и девочек и мальчиков, но никто слова плохого про любимого учителя не сказал. Школу в городе за глаза обзывали рассадником разврата. Гену посадили в тюрьму, пока велось следствие.

— Господи, какая гадость, кому все это надо было делать?

— Не знаю, ему все завидовали: талантливый преподаватель, сердцеяд, а танцевал как бог! Школа бла-

годаря ему была знаменита далеко за пределами области. И тут такое. Я очень испугалась! Дура молодая. Не знала, что делать. Ревела ночи напролет. Боялась за тебя, за себя, Гену подставить и что мать меня убьет. Про аборт у меня даже мысли не было, как и про то, что Гена хоть в чем-то виноват. А с ним мне было даже не переговорить. Я открылась самому близкому другу, однокласснику Феде, а он сказал, что любит меня еще с третьего класса и готов на мне жениться, с тобой в животе, хоть завтра. В общем, наврали мы матерям, побили они нас, а через неделю поженили. Так я вышла замуж за своего спасителя и дала тебе его фамилию.

— Ты хочешь сказать, что мой отец — Папаген? — На Катю накатила тяжелая волна усталости. — Боже, ну конечно! Это все объясняет! По-другому и быть не могло, а я-то, дура, все думала, в кого я так танцы люблю. Не в тебя же и не в этого...

— Не смей говорить ничего такого про отца!

— Он мне не отец!

— А кто тебя, дуру, на руках носил, по врачам таскался да с ложечки кормил, пока я на работе гробилась? Кто тебя к книжкам твоим дурацким пристрастил, кто от меня, дуры злобной, защищал?

— Да, все так. Мы были друзьями. А еще папочка мыл меня в ванной до десяти лет и укладывал в постельку, пока ты работала сверхурочно. Все было так мило и невинно. Я помню, как ты застучала нас в ванной и устроила ему скандал. Ты думала, что я уже сплю. А я не спала и всю ночь переживала за бедного папу, ведь ему ни за что досталось от злобной мегеры-безотцовщины, у которой просто никогда не было такого классного отца.

— Что за бред? Как тебе не стыдно.

— Мне теперь стыдно. А тогда, я еще до двенадцати лет позволяла доброму папе помыть себя в твое отсутствие. Наша с ним тайна. Это так сближало. Пока

у меня не начали расти сиськи и я не стала заператься в ванной.

— Дрянь! Какая же ты дрянь! Маленькая испорченная дрянь!

— Конечно, я дрянь. Ведь это не ты, а я предала Папагена и всю жизнь живу с нелюбимым слизняком, которому я даже ребенка не родила, и даю ему по большим праздникам из благодарности. А сама небось по ночам к Папагену бегаешь? Федю не жалко?

— Ты не можешь меня судить! Я на тебя свою молодость угробила, с работы не вылезала, в уродину превратилась. Я в тебя всю душу вкладывала, а ты?! Я знала, что этот разговор добром не кончится. Ты посмотри на себя, на кого ты только похожа!

— Надеюсь, что на Папагена. Если ты еще с кем-нибудь тогда не трахалась...

Звонкая пощечина на миг ослепила и оглушила Катю.

— Вот и поговорили. Все обсудили. Прощай! — Она бросилась из часовни на улицу.

Катя остановилась отдышаться. Это была та же улица, что и два дня назад, когда они с Женей вышли из больницы такие счастливые. Ничего вокруг не изменилось. Но сейчас она всем своим существом ощутила конец детских иллюзий. Что-то навсегда сломалось у нее внутри. Женя там такой одинокий и родной, сидит у дверей реанимации и ждет ее, ждет свою Катю. Но он не знает, что придет к нему уже совсем другой человек и возврата к прошлой, легкой и наивной Кате больше нет.

А в реанимацию к Папагену их в этот раз так и не пустили.

ГЛАВА 11

Женя не любил больниц, но не навестить Папагена было бы подлостью. Всю жизнь окруженный одними женщинами, никогда не видевший отца, он сильно

привязался к старику. Геннадий Андреевич был очень плох, и врачи не могли понять, что так подействовало на пациента. Когда Катя, почти в истерике, передала в двух словах беседу с матерью, Женя поразился тому, как не замечал их сходство раньше. Действительно, у Кати были глаза отца, и чем больше Женя всматривался в них, тем больше Катя напоминала ему Папагена. Геннадий Андреевич все еще лежал в реанимации, но врачи разрешили зайти к нему. Слабенький Папаген сразу же попросил Женю оставить его с дочкой наедине. Жене показалось, что он ждал Катю целую вечность. Она вышла тихая и задумчивая, всю дорогу до дома отмалчивалась, не слушала Женю, была полностью погружена в себя. Дома она достала дневник и что-то долго писала, не обращая на Женю никакого внимания. Все его уговоры ни к чему не привели — Катя была тверда как скала и наотрез отказалась показать или хотя бы рассказать, о чем она там пишет.

* * *

Женя шел в клуб один, Катя ушла раньше, ее вызвали на репетицию нового номера, который вдруг приспичило ставить хореографу. Женя решил пройти через зал и посмотреть, как идет репетиция, как там танцует его Катенок. К его большому удивлению, в зале никого не оказалось. Пожав плечами, Женя зашел за кулисы — там была странная суэта, ведь вечернее представление было еще нескоро. Навстречу ему быстро шла Белка, к ней-то он и обратился с вопросом:

- Что-то сегодня все не по расписанию — в зале нет репетиции...
- Да Катька твоя репетицию сорвала!
- Да ладно!
- Ага!
- И как же это у нее получилось?

— Да очень просто, она нас всех до чертиков напугала. Взяла и отключилась посреди номера. — Белка закатила глаза и изобразила, что падает. — Мы такие стоим, руками и ногами машем, а тут она давай весь ритм нарушать, а потом так ме-е-едленно съехала на пол, и все походу.

— Как это — отключилась? Где она?

— Да ее унесли к вам в гримерку, там воздуха побольше, можно хоть окно открыть. Теперь зато кого-то походу можно поздравить — он скоро станет отцом!

— И что, теперь весь клуб знает?

— Нет, про тебя не знают, голубчик! Знают — что Катька походу беременная.

— И что Михалыч решил? Оставляют ее или как?

— Да он сам не знает, как быть, но, пока не видно, можно и выступать. Походу не определились. Слушай, я пойду, а ты к ней иди, она, наверно, уже в себя пришла. Поздравляю, гей-папаша, ха! Ловко вы всех разводили. Друзья-друзья...

Женя какое-то время был в ступоре, не зная, что же предпринять, и так и стоял, пока не подошла Лена Павлова и не тронула его руку своей холодной ладонью.

— Вот и встретились — отец-героиня! — Ее тон был холоднее ладони. — Одной мамы тебе мало?

— И ты уже знаешь?

— Чего здесь не знать, tonto. Я не слепая. Где только тебя не видела с ней — в казино, в больнице. Стал бы ты таскаться с бабой, с которой у тебя ничего нет! Это же просто смешно. Но, я надеюсь, это не серьезно? Мер мне не нужно никаких предпринимать? У тебя деньги на аборт есть? И когда он, кстати?

— Мы с Катей еще не говорили об этом.

— Ты что тоже только сегодня узнал?

— Какая тебе разница, и вообще, что ты ко мне пристала?! — сорвался Женя.

— А то, Женечка, что я не потерплю здесь твою беременную сучку. Я тебе скажу сейчас что-то твое,

miо sergio *. Советую по-хорошему — определяйтесь скорее с абортom, а не то я за себя не отвечаю. Первое, что я сделаю, — вас обоих из клуба вышвырну, а потом что-нибудь повеселее придумаю.

— За что ты ее так ненавидишь? Вы же в разных весовых категориях! Ты — королева местной тусы, чего тебе еще надо?

— Я твой бред слушать не намерена и не собираюсь тебе ничего объяснять. За меня есть кому это сделать. А ты запомни — последнее предупреждение уже было! Como lo oyes**.

Женя с Катей шли домой вместе, молча пиная желтые листья. Жене не давала покоя встреча с Леной. Нет, какова стерва! Нарисовалась и сразу с наездами полезла! Прямо «в подворотне нас ждет манияк»***. Хватит слушать «Мумика», а то реально песни лезут в жизнь и крыша отъезжает. А вдруг злобной дуре и вправду взбредет в голову все рассказать Павлову? Этот чикаться не станет. Женя украдкой взглянул на Катю — она молча шла рядом, размышляя о чем-то своем, вид у нее был уставший и подавленный. Слава богу, Катька ничего не знает о них с Леной, и очень бы не хотелось, чтобы узнала. А вот что с ребенком делать? До сих пор такая мысль не приходила ему в голову. Ну ребенок — и ладно, но ведь он станет причиной очень серьезных траблов для них. Лена слов на ветер не бросает. Надо поговорить с Катей, аборт сейчас — конечно же, лучший выход. Нарожает она еще детей. Успеется. Сама еще ребенок. А пока пусть все остается на своих местах — Катька будет выступать в клубе, он тоже, Ленка родит своего и на какое-то время отвянет, забудет об их существовании, а они свалят в Москву из этого болота. Все будет тип-топ. Как бы начать разговор с Катей?

* Очень, очень важное (*исп.*).

** Как ты сам слышал (*исп.*).

*** Слова из песни группы «Мумий Троль».

— Катя, как ты себя чувствуешь? Не устала?

— Спасибо. Все нормально, а что это ты так интересуешься, у тебя есть планы на вечер?

— Нет, я не о том. — Женя мялся, подбирая слова. — Мы ведь с тобой просто... ну, еще не говорили о ребенке.

— А что здесь говорить, рано еще.

— Как это рано, скоро станет поздно!

— Я не понимаю, к чему ты клонишь. — В голосе Кати проступили нервные нотки. — На что ты намекаешь?

— Катя, я много думал, ну куда нам сейчас ребенок? — Женя заискивающе посмотрел на Катю. — Мы сами еще дети, надо пожить для себя: ты только представь все — памперсы, ночи без сна, да и бабла у нас ни фига нет. Ты работать не сможешь, я один много не заработаю. Нужно карьеру делать, на виду быть — скоро в Москву рванем. Маман нас продвинет. Она в тусовке реально рулит. У нее в декабре тур закончится, елки пройдут, и я вас познакомлю...

— Женя, ты что, хочешь, чтобы я аборт сделала? — с еле сдерживаемой злостью перебила его Катя. — Ты с ума сошел! Я даже слышать ничего не хочу!

— Но ведь это не только твой ребенок, — запротестовал Женя, — я тоже имею право голоса!

— Такого — нет, не имеешь, — она произнесла это очень тихо и спокойно.

— Катя, я не...

— Ничего не хочу слышать! Это исключено — от ребенка избавляться не буду! Мне от тебя ничего не надо. Ни от тебя, ни от мамы твоей! Это мой ребенок, я сама его выращу. Давай забудем этот разговор, как будто его и не было!

— Ну хорошо, хорошо. Но я за тебя беспокоюсь, — Женя подошел к Кате и нежно обнял ее.

— Да как-нибудь разберемся, — Катя в момент обмякла, разомлела и прижалась к нему всем хрупким телом, — не волнуйся, я же не волнуюсь.

«И очень зря», — эта мысль пролетела в голове Евгения. Почему он не может все-все ей рассказать? Тогда она бы все поняла, пожалела и простила его. Но как он ей скажет... На нее и так столько проблем навалилось. Она стреманется, записхует, а может быть, вообще его бросит.

После непродолжительного молчания, все, что он сказал вслух, было:

— Катька, если б ты только знала, как я тебя люблю!

ГЛАВА 12

Прошла неделя. Женя шагал до клуба в одиночестве — Кате дали выходной, и она осталась дома, собираясь в больницу, навестить своего отца. Настроение было ни к черту, не давали покоя всякие дурацкие мысли: «Вот засада! Надо ж было так подставиться! Две бабы от меня реально беременны. Одну люблю, другую ненавижу и боюсь. Сука Павлова! Вообще не клуб, бля, а собачий питомник при Институте физиологии имени Павлова: космические дворняжки Белка и Стрелка, Сашка со своими бультерьерами, ну и сука Павлова, конечно. Блядь!» Только он вспомнил про Лену, она уже тут как тут — подкарауливала у крыльца клуба.

— Привет! Как у молодых родителей дела? Какие планы по избавлению от потомства?

— Лена, какая же ты...

— Стерва? Ну, раньше ты от этого балдел, это тебе и нравилось! Ну, поделись, когда наша Катя идет к врачу.

— Не знаю, — он процедил это сквозь зубы.

— Я же тебе все объяснила, tonto, ты разве не слышал? — Лена взяла его под руку. — Поедем к тебе, я еще раз объясню.

— Нет, спасибо, я не поеду — у меня сейчас выступление.

— Ничего страшного, я все улажу. — Она достала из сумочки мобильный и быстро набрала какой-то номер. Заговорила она совсем другим тоном, нежели с Женей. — Здравствуй, Михалыч! Представляешь, я сейчас Женьку встретила, он совсем плох — температура, хрипит, еле на ногах держится, я его домой отправила. Так что на сегодняшний день ищи замену. Ну, пока! — Закончив разговор, она мило улыбнулась Жене. — Видишь — ты на сегодня абсолютно свободен. Едем к тебе.

— Нет, я не хочу никуда ехать. Ко мне нельзя.

Откуда ни возьмись, появился водитель Лены, он же ее личный телохранитель — глухонемой верзил, похожий на Кинг Конга. Такого человека нельзя было не заметить даже в большой толпе. Он был намного выше среднего роста, широк в плечах, череп его имел характерную форму — резко сужался к макушке. Лоб скошен, а маленькие глазки выглядывали из-под нависших бровей. Был он всегда угрюм, и никто не видел, чтобы он хоть раз улыбнулся. К Лене его приставил муж — для охраны и сопровождения, все команды своей хозяйки громко выполнял мгновенно, не утруждая себя обдумыванием.

Не обращая никакого внимания на Женины гримасы, Лена быстро заговорила:

— Проводи, rog favor*, Женю до машины, если будет сопротивляться — можешь делать все, что угодно. Но по лицу не бить!

Кинг Конг одной рукой сгреб Женю и повел к машине. Женя сделал неуклюжую попытку вырваться, за что тут же получил удар могучей рукой точно в печень. У Жени потемнело в глазах, подкосились ноги, и он бы упал, если бы водила не держал его под руку. Кинг Конг заботливо поставил свою жертву на ноги, дал слегка отдышаться, а потом быстро поволок

* Пожалуйста (*исп.*).

к машине. Лена шла следом, внимательно разглядывая свой маникюр.

Ехали они молча, ни один не проронил ни слова. Машина остановилась возле Жениного подъезда. Лена вышла первая и подождала, пока водитель вытащит из машины ее непутевого любовника.

— Да отпустите меня, никуда я не денусь.

— Не будешь пытаться убежать — иди сам.

— А этот зачем с нами идет? — Женя кивком указал на гориллу.

— На всякий случай! Он будет проводить наглядную агитацию.

— Лен, может, не надо?

— Надо, Женя, надо!

Женя отпер дверь, быстро заметил, что Кати, к счастью, дома нет, и впустил «гостей». Лена по-хозяйски осмотрела квартиру, обратив внимание на Катины вещи.

— О! Значит, она уже и живет у тебя! Первый раз такое с тобой, обычно ты практиковал быстрый трах, не обременяя себя обязательствами и совместной жизнью.

— Да что ты обо мне знаешь?

— Ya lo sé*. Все что надо, знаю, и рассказ будет очень короткий, Женечка. Что про тебя рассказывать? Кобель, одним словом. Вот и весь сказ. Я же за тобой давно наблюдаю: ты и с Жанкой кувыркался, и с Риткой, и с другими бабами на стороне. Я терпела. Но чтобы вот так жить с кем-то — ты меня удивил! Но ты же вышвырнешь ее на улицу, как только надоест?! Правда?

Все это время она не смотрела на Женю, а ходила по комнате. Неожиданно она остановилась возле шкафа, где лежали мягкие игрушки. Она взяла в руки как раз того медвежонка, которого Женя подарил Кате, когда они шли из больницы. Какое-то время она его разглядывала.

— Отцом готовишься стать? Игрушки закупаешь?

* Знаю (*исп.*).

- Это Катины.
- Она еще в куклы не наигралась, что ли?
- Это я ей подарил.

— Миленький. Ну вот что, голубок, я тебе покажу, что сделаю с твоей Катенькой. — Лена, не торопись, порылась в сумочке и достала свой любимый брелок с опасной бритвой. — Сестричка мне уже порядком надоела, нам слишком тесно в этом городе. Если ты не уговоришь ее сделать аборт, то я... — она открыла брелок и хрипло рассмеялась, — сама его ей сделаю. Бесплатно, по-родственному.

Лена взяла мишку поудобней и ловким движением вспорола ему живот, из игрушки посыпался поролон. Женя опешил от такого сюрреализма, а после кинулся с кулаками на Лену:

- Ты дура! Что ты делаешь?!

Лена, несмотря на свой живот, ловко увернулась от Жени и крикнула шоферу:

- Куда смотришь? Придержи его!

Кинг Конг оттащил Женю и силой вдавил в диван, встав рядом и удерживая его там.

— Я же для тебя стараюсь, tonto. Хочу, чтобы всем нам было хорошо! Ну зачем хорошей девочке такой кобель, ты все равно никогда не изменишься — одни страдания ей достанутся. А тебе, я знаю, так хорошо, как со мной, в постели ни с кем никогда не будет! Так что можешь меня поблагодарить заранее, я все твои проблемы скоро решу. Ну а если ты не поймешь меня, то за все придется отвечать твоей подружке. — Лена вернулась к шкафу с игрушками и взяла другую. — Если же мер никаких не примешь, тогда я твоей *querida** Катеньке все личико попорчу.

Она, улыбаясь, старательно разрезала морду зверюшке, после чего потрясла ее как следует, пока из нее не высыпался весь поролон.

* Любимой (*исп.*).

— А потом может быть и так: «хрусть левая нога и пополам, хрусть правая нога и пополам!» — Лена, явно получая наслаждение от своей работы, отрезала игрушке лапки и бросала ими в Женю. — Знаешь, я ведь и тебе могу кое-что отрезать!

Она оглядела комнату:

— Ой, ой какая грязь, извини, что я напачкала у тебя. Ладно, я поеду, а ты подумай над моими словами. И даже и не думай смотаться с сучкой в Москву — я вас везде достану, мама не поможет.

Когда за незваными гостями закрылась дверь, Женя испытал нестерпимое чувство облегчения. Всплыло любимое лагутенковское: «Он порежет меня на меха...»* И с этой секунды он навсегда разлюбил «Мумий Тролля». Он долго сидел на диване, тупо оглядывая беспорядок в комнате. В себя он пришел от звонка в дверь. Женя заметался по комнате, не зная, что лучше делать — бежать к двери или убирать останки игрушек. Звонили все настойчивей, и Женя обреченно пошел открывать. На пороге стояла Катя.

— Привет! В клубе сказали, что ты заболел — температура и все такое, вот — лекарств принесла, но ты, я вижу, неплохо выглядишь. Столбом не стой — дай зайти.

Катя прошла мимо Жени и застыла на месте, не зная, как и реагировать на беспорядок.

— Оба-на! — с обидой в голосе протянула Катя. — Вот у тебя какая болезнь, ты, оказывается, плюшевый маньяк-расчленитель. Сначала даришь игрушки, а потом на куски режешь. — Она подобрала мишку со вспоротым животом. — Это была моя любимая. Что скажешь-то, чего молчишь?

— Ну... понимаешь...

— Ничего я не понимаю. Это из-за того, что я не хочу аборт делать?

— Ну не совсем....

* Слова из песни группы «Мумий Тролля».

Катя села на пол посреди всего этого безобразия и стала собирать куски игрушек.

— А я у врача была, хотела тебе рассказать.

— Катя, ты все неправильно поняла, это не я...

— Ага, а еще у тебя раздвоение личности.

— Давай поговорим серьезно. Мне надо тебе многое объяснить. Прежде всего, этот ребенок...

— Про ребенка не надо, я все уже поняла, ничего нового ты сказать не сможешь.

— Не перебивай меня! — Женя сорвался на крик.

— Не кричи, пожалуйста. Аборт я делать не буду!

— Ты не понимаешь, я волнуюсь за тебя. Тебе грозит опасность!

— Ага, ты не властен над собой и в следующее полнолуние покрошишь меня на фарш. Все — я тебя начинаю бояться.

— Не шути, я хочу поговорить серьезно! Под вопросом наша совместная жизнь.

— Вот ты какой, прямо сказать не мог. — Катя говорила тихим спокойным голосом, вертя в руках игрушку. — Хочешь, чтобы я ушла, и для этого такой тарарам устроил?

— Нет, что ты, я не хочу этого, но, понимаешь... так лучше будет!

Катя медленно поднялась и начала собирать вещи.

— Я все поняла — ты меня выгоняешь вон. Меня Белка предупреждала, что так и будет, у тебя, наверное, уже кто-то есть, да?

— Да кого ты слушаешь?! Сама-то она хороша! Сука рыжая!

— Не шуми, я уже ухожу. — Катя положила сверху в сумку порезанную игрушку. — Ладно, пока. Танцуй без меня.

Только когда она была в дверях, Женя опомнился:

— Подожди, а куда ты пойдешь-то? Тебя же мать выставила.

— Не волнуйся, кто-нибудь пустит.

ГЛАВА 13

Вот уже почти месяц Женя пытался заговорить с Катей в клубе, но она всячески избегала встреч с ним. Обычно она была не одна, а с кем-нибудь из девчонок — с Белкой или Стрелкой, или с обеими. Эти швабры смотрели на него так, будто он по меньшей мере убил кого-то. Разговаривать они не давали — сразу посылали куда подальше, от Кати же он, кроме равнодушных «привет» и «пока», вообще ничего не слышал. Лена следила за каждым его шагом, он неоднократно ловил на себе ее настороженный взгляд. В городе он часто замечал ее «мерс» неподалеку. От работников клуба он знал, что Катя опять живет с родными, почти каждый вечер торчит в казино, часто бывает в больнице и что Папагену все хуже. Женя как-то раз попытался навестить его, но встретил в палате Катю, которая вежливо, но стальным голосом попросила его уйти.

Поговорить с Катей удалось только на похоронах Геннадия Андреевича.

Шел холодный ноябрьский дождь, на кладбище было, как и положено, весьма мрачно. Собралось много народу. Женя заметил стоящих ближе всех к гробу Катю и ее маму, также увидел, к своему удивлению, и Лену. Ее вечный платок и темные очки были как нельзя кстати. Панихиду по усопшему проводил отец Пантелеймон. После похорон Женя тихонько подошел к Кате.

— Катя, я хотел бы с тобой переговорить, как ты?

— У меня все прекрасно. Что ты хочешь от меня?

— Да, так вообще, пообщаться.

— Ну что ж, заходи как-нибудь. Мои через пару дней поедут в санаторий. Мать как-то не очень себя чувствует — они путевку купили.

* * *

Катя молча открыла дверь и стояла, ожидая реакции Жени. Он думал, что увидит ее в халате, домаш-

ною, родную, но Катя выглядела так, словно готовилась к выходу на сцену, — волосы были уложены в модную прическу, на лице — яркий макияж. Катя была так красива, что у него перехватило дыхание. Жене показалось, что она почему-то сильно нервничает. Даже сильнее, чем он.

— Катя, я хочу объясниться, пусти меня, пожалуйста.

— Ну, проходи, раз пришел. Сама приглашала, дура, что же мне теперь поганой метлой тебя гнать?

Он протянул ей нового медвежонка, как две капли воды похожего на порезанного Леной:

— Это тебе подарок.

— Ты сначала даришь игрушки, потом их на клочки рвешь, ну давай — можешь начинать, мне ножницы принести или ты руками?

— Катя, ну чего ты, я с миром пришел.

Они так и стояли в прихожей, Катя всем своим видом показывала, что не собирается пускать гостя в комнату.

— Давай, рассказывай по-быстрому про свои запары, а то я из-за тебя опоздаю, за мной сейчас заедут.

— А куда ты собралась?

— Я — в казино с друзьями.

— Видел я тебя там с «друзьями». — Женя фыркнул. — Ты опять на порошке? Гробишься помаленьку?

— А тебе что за дело? Как хочу, так и живу. Ты мне никто.

— Я отец твоего будущего ребенка.

— Оба-на, вспомнил. Надо же, как мы заговорили. С чего вдруг?

— Катя, я много думал... Ведь это я, я во всем виноват! Как я мог позволить тебе играть, нюхать эту дрянь?! Катька, пойми меня: ты была такая чистая, молодая. Как говорится, ничего не предвещало. Кто знал, что в тебе сидит черт?! Есть люди, которым все это противопоказано. Их подхватывает и несет. Прости меня... — Женя пытался довести до конца покаянный

монолог, который он разучивал уже который день, в надежде вернуть Катю, но до истории с Леной так и не дошел — его прервал телефонный звонок. Катя сразу же взяла трубку.

— Здравствуйте, да, я поняла, не волнуйтесь. Я обязательно отдам. Да, на той неделе. Я все погашу. — Катя с большой осторожностью положила трубку на место, как будто та была стеклянная и могла разбиться от неловкого движения. Уйдя в себя, она застыла на какое-то время у телефона.

— Катя, — очень тихо, чтобы не спугнуть ее, произнес Женя, — что за странный разговор?

Она еще какое-то время помолчала, раздумывая, стоит ли говорить об этом с ним, и приняв решение, произнесла:

— Женя, я запуталась. Мне страшно. — Глаза Кати наполнились слезами, она молчала, подбирая слова и наконец всхлипнула. — Мне угрожают, меня преследуют, я боюсь.

— Успокойся, — Женя обнял Катю, — расскажи все по порядку.

— Я много проиграла, взяла в долг у Павлова, и теперь его люди меня трясут. Я постоянно чувствую, что за мной следят, может, у меня паранойя? Я не знаю, что делать... — И она разрыдалась.

— Да не убивайся ты так, я поговорю с Павловым — он чел реальный, договоримся — отработаешь. — Женя взял ее за руку, как маленького ребенка, повел в комнату, усадил на диван, сел рядом, глядя ее плечи. — Ты, главное, не волнуйся, ложись. Тебе просто отдохнуть надо. — Женя засмотрелся на ее заплаканное лицо. — Катюшка, какая же ты красивая. Я по глазам вижу — ты еще любишь меня. — Женя наклонился и нежно поцеловал ее в дрожащие губы.

Катя мгновенно отстранилась от него.

— Я любила тебя, а ты меня предал. Не надо,пусти меня. Я буду кричать!

Она попыталась вырваться из жестких Жениных объятий, но он решительно не хотел ее отпускать. От близости ее тела, от любимого запаха, щекотавшего ноздри, закружилась голова. Женя еще крепче обнял ее и яростно стал целовать сжатые губы. Катя сначала сопротивлялась, но, поддавшись нахлынувшим чувствам, обреченно сдалась. Еще никогда они не занимались любовью с такой неистовой силой. Может быть, ими двигало не желание, а отчаяние? Попытка наверстать упущенное, животный страх перед тем, что это их последний раз, и необходимо вдоволь насладиться друг другом перед неизбежным концом? И когда победный Женин рев слился со сладостным Катиным всхлипом, любовники провалились в такую бездну вселенского счастья, что на какое-то время потеряли ощущения времени и пространства и просто лежали, как мертвые с открытыми глазами, ничего не видя и не слыша.

Катя очнулась первой, села на диване и стала старательно приводить себя в порядок.

— Ладно, Женич, уходи. Мне некогда, я сейчас поеду в казино, вдруг отыграюсь.

Фраза завела Женю сполоборота:

— Катя, ты что, совсем рехнулась? Кто в казино хоть раз отыгрался?! Забудь об этом. Это все сказки, не зли меня — никуда ты не поедешь!

— Извини, Жень, я тебя слушать больше не собираюсь. И вообще я не играть уже не могу. Может, я играю и гашусь, чтоб тебя скорей забыть! А может, тебе назло!

— Эге, да тебе лечиться пора! — взвился Женя. — Может, ты еще и колешься? Покажи руки.

Катя быстро спрятала руки за спину:

— Наркотики — ерунда, захочу — брошу. Так, мне звонят. Ну что, ты все сказал, что хотел?

— Нет еще.

— Ну, тогда в другой раз приходи. Поговорим. А лучше не надо. Я не хочу тебя больше видеть. Ты

нам больше не нужен. Дурак ты, Женич. Ладно, пошли, я дверь закрою.

ГЛАВА 14

В гримерке была обычная суета перед выступлением. Запыхавшись, вбегали опаздывающие и бросались судорожно одеваться и наносить макияж. Белка, как ни странно, сегодня пришла вовремя и тщательно подводила глаза перед зеркалом. Место рядом с ней пустовало. Она, не отрываясь от дела, громко обратилась к присутствующим:

— Слушайте, кто Катьку видел? Куда она походу могла деться?

Одна из девушек ответила ей в тон, ленивым голосом:

— Я ее в коридоре с каким-то цыганом видела, они шептались о чем-то в углу. Сказала, что сейчас придет.

Белка, нанося последние штрихи, уточнила:

— Это походу когда было?

— Да минут пятнадцать назад. Похоже, «черное» у него брала.

— Вот дура!

Дверь открылась — на пороге стояла Катя. На какое-то время она попозировала в дверях, победно оглядывая присутствующих. По лицу блуждала улыбка, весь ее вид говорил, что она находится на вершине блаженства.

— Катька, ты с ума сошла! — Белка почувствовала, как у нее внутри все похолодело. — Ты ж опять походу нахерачилась! А у нас выступление!

— Бел, не волнуйся, у меня все под контролем! — Выражение Катиного лица несколько не изменилось, она прошла на свое место и села, разглядывая свое отражение в зеркале. — Я счас видела Михалыча — и ничего!

— Да у него нюх на такие дела, что ты наделала?! — Белка перешла почти на крик, ей безудержно захотелось вlepить этой дуре затрещину, чтобы убрать с ее лица идиотскую улыбку, но похоже, что и это не помогло бы. — Блин! Нам пора уже, пошли, одевайся быстреей! — Ее крик не возымел никакого действия, Катя, все так же улыбаясь, спокойно рассматривала себя в зеркале.

Белке ничего не оставалось, как позвать девчонок, и они быстро одели и накрасили ее для выступления. Время уже поджимало. Белка подхватила Катю под руку и потащила за собой, та не сопротивлялась — шла спокойно, но несколько отрешенно. К Белкиному облегчению, на сцене Катя немного пришла в себя, двигалась почти нормально, сразу и не поймешь, что обдолбана. Движения были правильными, но слегка замедленными, она чуть отставала от других участниц, чувствовалось, что танцует на автопилоте. Через какое-то время, к своему ужасу, Белка заметила — из-за кулис за Катей пристально наблюдает директор клуба и с кем-то шепчется.

Михалыч еще в коридоре заметил: Петрова явно не в себе. Подумал — может, не выпалась, с кем не бывает, но, поздоровавшись, Катя прошла рядом, и он просто не мог не увидеть ее зрачков, а уж он-то за свою карьеру насмотрелся на наркотов. У Михалыча с Петровой были свои счеты, и теперь он не мог думать ни о чем, кроме как выцарапать со сцены «эту суку». Он стоял у кулис, тяжело дышал и потел от злости, потом достал платок и вытер мокрую лысину. К его большой радости, подошел Павлов.

— Ну, толстяк, как дела, нах? По-моему, все в ажуре.

— Ага, в абажуре! Вы только взгляните на Петрову! — Директор чуть не подпрыгивал от негодования. — Как вам нравится?! Это вы меня просили вернуть ее в премьеру, не слушали меня. Я как жопой чувял!

— Ничего не вижу! — Павлов плечом отодвинул Михалыча и внимательно посмотрел на сцену. — Ты про что, нах?

— Да невооруженным глазом видно, что сучка под кайфом!

— Ништяк! Мало мне проблем по жизни. — Павлов резко развернулся к Михалычу и зарычал: — Ты при приеме на работу разве не предупредил, что на сцене — никакой наркоты нах?

— Да говорил, конечно!

— Гони ее нах, нах, расчет сегодня же! Увижу Женьку-голубка — прибью нах, надо было ее тогда еще послать нах! — И, оставив директора дальше наблюдать за выступлением, Павлов стремительно удалился.

Директор радостно предвкушал расправу с Петровой и с трудом дождался конца выступления. Как только девушки вернулись в гримерку, Михалыч ворвался следом, не обращая внимания на визги протеста. Он был счастлив, уже давно у него не было повода так повеселиться. От возбуждения директора мелко трясло.

— Ну что, Петрова, натанцевалась? — начал он елеиным голосом и сорвался на крик. — Собирай маматки!

— Анатолий Михалыч! Мы возьмем ее на поруки, не выгоняйте! — взмолились полуголые Белка со Стрелкой, сразу поняв, в чем дело.

Катя же никак не отреагировала на появление директора, как будто все это ее не касалось. Она сидела на своем месте, повесив голову и тупо глядя в одну точку.

Белка и Стрелка, видя, что от провинившейся поддержки не будет, кинулись к директору клуба:

— Ну, пожалуйста! Ну последний раз, Михалыч, ты ж нам как отец родной!

— Нет! Я сказал: нет! Раз уж сам Павлов ее видел... — Михалыч явно упивался моментом. — Так что

разговоров больше не будет. Все по горло сыты этой херней, ты, Петрова, слышишь, что я говорю?

— Слышу, слышу. — Катя произнесла это тихим безразличным голосом.

Михалыч весело усмехнулся:

— Круто. Это все, что ты можешь сказать?

— Я все поняла. Нет — значит нет. — Катя, не глядя ни на кого, встала и спокойно начала собирать свои вещи.

Белка и Стрелка, поняв, что решение уже принято, бросили попытки договориться о чем-либо с директором и, чуть не плача, наблюдали за Катиными сборами. Толстяк, довольный собой, вышел из гримерки, окинув напоследок всех строгим взглядом. Когда собирать было больше нечего, Катя, не глядя никому в глаза, глухо произнесла «всем пока» и вышла вслед за директором. В коридоре она обогнала Михалыча, резко развернулась и со всей силы своей танцевальной ноги заехала ему в надежно спрятанный под животом пах. Толстяк, как подкошенный, рухнул и скрючился на полу, закрыв глаза и тихо постанывая.

— Это тебе за Папагена, — сказала «коварная мстительница» и плюнула в искаженное гримасой боли, ненавистное рыльце. — А это за меня!

Когда Михалыч наконец открыл глаза, «подлой наркоманки» и след простыл.

* * *

Федор Андреевич попытался открыть дверь, но она оказалась запертой на задвижку. Он удивленно переглянулся с женой. Ирина Александровна, утомленная долгой дорогой из санатория, стянула с шеи платок и раздраженно произнесла:

— Ну что ты возишься? Звони — видишь, Катя дома.

Когда дверь открылась, мать подозрительно посмотрела на Катю:

— Хорошо, что ты дома. У тебя что, сегодня выходной?

— У меня вечный выходной. — Сделав паузу, Катя добавила: — Я ушла из клуба.

Ирина Александровна внимательно посмотрела на дочь, произнесла:

— И это правильно, дочка, давно пора, — и замолчала.

Разговаривать им давно уже было не о чем. Только после ужина мать дала понять, что судьба дочери продолжает ее волновать. Когда Федор встал из-за стола, поблагодарив жену за ужин, и удалился в комнату, Ирина вернулась к теме:

— Катя, скажи мне правду, может быть, что-то произошло? Я же вижу, ты вся на нервах, сама на себя не похожа. Не скрывай ничего от меня, ты знаешь, я докопаюсь до истины.

— Мама, отстань! Ничего не произошло, я сама ушла.

— Ты что-то плохо выглядишь. Дай-ка мне лучше тебя рассмотреть.

— Нечего меня рассматривать, нормально выгляжу, я же в санатории не отдыхала. Я пойду к себе.

Но от Ирины Александровны не так просто было отделаться, она пошла следом за Катей.

— Катя, подожди, я же вижу что-то не так, ну-ка посмотри на меня. — Ирина Александровна взяла Катю за подбородок и внимательно посмотрела на дочь. — Ты что, беременна?

— А хоть бы и беременна! Тебе-то что.

Катя вырвалась из маминых рук и заперлась на свежеставленный замок на дверях своей комнаты.

Федор сидел с газетой на диване и прислушивался к разговору за стеной. Услышав последний вопрос жены, он выронил газету из рук и застыл. Ничего не ответив на обращение Ирины, которая вошла в комнату со словами «нет, ты слышал, что она себе позво-

ляет», он вытер холодный пот со лба и побрел на кухню принимать успокоительное пиво.

ГЛАВА 15

Очередная попытка отыграться потерпела фиаско, стало только хуже, долг не уменьшился, а срок расплаты был на носу. Катя попрощалась со своими друзьями у дверей казино, они предлагали проводить ее всей толпой, но Кате хотелось побыть в одиночестве. Она брела по ночному городу и ревела как маленькая девочка. Выхода из сложившейся ситуации нет, только если Женич не врал и действительно поговорит с Павловым. Нет! Жене веры нет! Он их с малышом предал. Тогда что? Она сама с Павловым говорить не решится, тем более после этой истории с Михалычем. Ее просто прибьют. Надо, наверное, попросить Лену, ведь это через нее она взяла денег в долг, может, она замолвит за нее словечко. Ну да — Ленка настоящий друг, да и вообще кровная сестра! Пипец! Кто бы мог подумать! Никак не привыкнуть, да и в голове все путается. Пора кончать с герычем, она же собирается рожать. Жаль, что на УЗИ пока не видно девочка там или мальчик. Опять какая-то рулетка получается. Но Ленке-то любому первой рожать. Вот поможет ей Ленок с долгами, и кончится эта дурацкая полоса неудач: завяжет она, в казино наконец повезет, ребенка родит, Женя к ней на коленях приползет, простит она его засранца, потому что любит. Будут они с Женей к Ленке с Павловым в гости ходить, домами дружить. Обхохочешься!

Дома была тишина, темно — странно, Федор так рано никогда не ложится, может, устал да завалился пораньше? Она тихо прошла на кухню, надо было перекусить. На столе белела какая-то бумажка, написанная острым маминым почерком. Катя взя-

ла ее в руки и с изумлением прочла: «Я в больнице. С отцом несчастье».

В больницу ее пускать не хотели, говорили, чтобы приходила утром. Катя уговорила сторожа пустить ее хотя бы в часовню, на отделение она обещала не ходить и никого не тревожить.

Бредя по коридору в сторону часовни, она встретила знакомую медсестру, из приемного покоя, которая и сказала ей, что сегодня был всего один сложный случай — мужик пытался покончить с собой, наглотавшись колес. Сейчас он в реанимации.

В часовне было тихо, на скамье сидела женщина, устало держась за голову. Это была ее мать. Катя сразу бросилась к ней.

Ирина Александровна подняла голову, услышав, приближающиеся шаги. Усталость на лице в первый момент сменилась на радость, а потом — на угрюмую злобу.

— Зачем ты сюда пришла? Ты же ненавидишь его!
— Ты что несешь, как ты можешь? — Катя опешила от такого приема.

— Это все из-за тебя! Ты его погубила!

— Но почему?

— Это все ты виновата. Он тебя любил, а ты...

— Не надо, не продолжай... Я тоже его любила! Как отца. Что врачи говорят, его откачают?

— Не все ли тебе равно? — В голосе матери послышались истерические интонации. — Он не смог жить с таким позором! Влюбиться в дочь!

— Это абсурд! Я здесь ни при чем, моя совесть чиста, я ни в чем не виновата.

— Что? Что ты хочешь сказать этим, он же... он же просто святой человек. Мухи в жизни не обидел! Ты специально перед ним крутила тощим задом, сиськами трясла, мандой... назло мне... ты, ты... дурная кровь, да как ты только могла... — Ирина была больше не в состоянии сдерживать свои чувства, она громко разрыдалась.

Ошарашенная этой дикой сценой, Катя попыталась ее обнять, но мать зло отпихнула:

— Уйди от меня, видеть тебя не хочу.

— Ты, правда, считаешь, что я во всем этом виновата? Моя мать! Может, мне тоже отравиться, чтоб вам всем легче стало. — Катя почувствовала, как к горлу подкатил комок, она пулей выбежала из часовни и уже на бегу, сквозь слезы и сопли, поняла, что осталась совсем одна.

Если не считать предателя Женю.

* * *

День только начинался и не обещал ничего плохого. Мысли лениво прокручивались, сменяя друг друга в хаотичном беспорядке. Главное, не думать ни о чем плохом, и тогда его (этого плохого) не будет. Надо все-таки поговорить с Павловым, он наверняка даст отсрочку, Катька уж как-нибудь отработает. Стоп. Как же она будет работать? Она же беременная! Вот черт! Ладно, подумаем об этом в другой раз. Все-таки как здорово просто расслабиться, никто не мешает, вечером представление, надо как следует отдохнуть. Телефонный звонок вывел его из полудремы. Звонят, кто это может быть, так рано? Женя поднял трубку.

— Привет, Катя, как ты? Хорошо, что позвонила. В больнице? Отравился? Да ты что. Конечно, приезжай, давай. Я жду. Вот и поговорим.

Новость казалась нелепой. С чего бы вдруг молодой здоровый мужик стал травиться? Он же вроде был нормальным. У Катьки в семье все с приветом, что ли?

Только Женя пришел в себя, в дверь позвонили. Странно, Катька, вряд ли сумела добраться так быстро. Что за день? Никакого покоя! На пороге стояла Лена.

— Сюрприз! Ты меня, конечно, не ждал!

— Привет, Лена! Извини, но ты, как всегда, не вовремя. Я сейчас занят.

Не обращая внимания на хамство Жени, Лена спокойно прошла в квартиру.

— И чем же ты занят? — Она осмотрелась по сторонам. — *Al contrario* *, по-моему, очень даже свободен.

— Лен, давай в другой раз, — Женю не оставляла надежда избавиться от «испанки», — я серьезно сейчас не могу.

— Ты какой-то весь напряженный — сейчас я тебя расслаблю. — Лена, сбросив легкий пиджак, по-хозяйски расположилась на диване. — А пока кофе сварил, что ли, только не очень крепкий.

— Я же говорю — в другой раз.

В дверь снова позвонили. Прежде чем Женя успел дернуться, Лена, несмотря на живот, кошкой вскочила с дивана и бросилась открывать дверь. Это пришла Катя. Совершенно растерянная, в потеках косметики на распухшем от слез лице — она смотрела на открывшую ей дверь Лену, как на привидение.

— А мы тут плошками балуемся. Проходи, пожалуйста, сестренка, не стой на пороге, займемся сексом — третьей будешь, — радушно пригласила Лена. И уже обращаясь к хозяину квартиры. — Так вот, Женя, чем ты тут занят.

Не спуская с Лены удивленных глаз, Катя сделала шаг назад.

— Нет, нет, я лучше пойду.

Женя наконец пришел в себя:

— Подожди, не уходи. Я тебе все объясню.

Но Катя уже ничего не видела и не слышала, она бросилась вниз по лестнице, лишь через плечо на ходу крикнув:

— Я все наконец поняла.

Дробь ее шагов гулко разнеслась по подъезду, и от этого звука у Жени все внутри сжалось. Он понял, что другого шанса не будет, и рванул к двери: догнать и

* Наоборот (*исп.*).

остановить убегающую любовь. Но Лена, сделав шаг навстречу, преградила ему дорогу и захлопнула у него перед носом дверь, а сама привалилась к ней спиной и встала, выпятив живот-щит, глядя на Женю в упор.

— Пусть себе идет, не мешай ей.

— Лена,пусти меня!

— И не подумаю.

— Ты просто...

— Сука. Да. Но так будет лучше для всех.

Женя, поняв, что опять проиграл, прошел в комнату и лег на диван, закрыв лицо руками. Лена молча села рядом, ожидая, когда он придет в себя. Через какое-то время могильную тишину в квартире пронзил телефонный звонок. Лена первой схватила трубку. Послушав, она передала ее Жене:

— Это тебя.

Он резко вырвал телефон из ее рук:

— Алло, алло, Катя! Я все объясню...

Он замолчал, напряженно вслушиваясь в голос на том конце провода, потом так же молча положил трубку на место.

— Что, что она сказала? — нетерпеливо спросила Лена.

Голосом мертвого робота Женя тихо и медленно сказал:

— Чтобы я забыл о ребенке, — его больше нет, и не волновался за нее, она уезжает. Навсегда.

— Вот и вся любовь. Видишь, Женечка, как замечательно все сложилось.

Часть IV
Аморальные истории

ГЛАВА 1

10.09.2006 05:00

За окнами занималась заря, освещая гостиничные стены неверным светом. Номер потерял свою тихую безликость. В нем жили, ругались, любили, теперь такие узнаваемые, призраки Катиного прошлого. Вот они все здесь: эта маленькая девочка — Катя в детстве, мечтающая о сцене; вот неразлучные подружки — Белка и Стрелка; вот — пожилой учитель танцев Папаген с гордой, не подвластной времени осанкой; и стильная уверенная в себе стерва Лена. Они пришли показаться, напомнить о себе в последний раз, сегодня Катя их отпустит. Она больше не зависит от них, они получили свою свободу и вырвались навсегда из ее подсознания. Им больше нечего рассказать о себе, почти все встало на свои места. Призраки становятся все прозрачнее, пора их отпустить, пусть идут с миром. Прощайте.

Бывшие любовники лежали на кровати. Женя заканчивал свою невеселую повесть:

— Да, Катя, вот именно так ты исчезла из моей жизни. И, честно говоря, тогда я даже обрадовался.

— Вот как? — Катя, после всего услышанного, не очень-то этому удивилась.

— Да. Камень с души упал. Очень уж я за тебя боялся. Ленка реально меня запугала. Да и устал я от твоих проблем, наркотиков, скандалов и папашей не готов был стать. Балбес, одним словом.

— Самокритично.

— Ну, Лена опять же успокоилась — руки с горла убрала. Я и рад стараться — опять пустился во все тяжкие. Только радости никакой от баб — все вроде как обычно, но думал я на них только о тебе: где ты, что ты. Сначала решил, что совесть помучает — и пройдет. Два месяца не отпускало — понял, что люблю, не могу без тебя, а где ты — след простыл. В общем, ушел в реальную депру. Месяц — никаких баб!

— Просто герой какой-то.

— Тогда мне тоже так казалось. У меня такие отходняки только после Вики были. Ах да, я ж тебе еще нашей семейной тайны не открывал.

— Ну-ка, ну-ка. — Катя вдруг поняла, что про свою сестру Женя в рассказе вообще не упомянул. Странно о близких людях умалчивают только в двух случаях: или когда очень сильно любят, или когда не хотят помнить о их существовании.

— Еще одна грязная история?

— Это как посмотреть. Хотя, наверное, ты права. Мне четырнадцать было, Вике — восемнадцать, на втором курсе меда была, а я — гопник — восьмиклассник из элитной школы. Жили мы в Москве, отдельно от маман, в своей квартире. Ближе Вики у меня человека не было, с детства она со мной возилась, играла, я читал ее книжки, смотрел фильмы, которые она приносила, знал всех ее подружек и бойфрендов. Мы друг от друга ничего не скрывали.

— А мама?

— Она же тогда на пике популярности была — гастролы, чёсы постоянные. Я ее по телику больше видел, чем в реале. Жила она в свое удовольствие с любовником, чуть старше Вики, и мы ей явно мешали. Нет, конечно, мы ни в чем не нуждались. У маман не было времени, зато была куча бабок — лучшие игрушки, одежда, школы, репетиторы, квартиру нашу горничная убирала — она нас, кстати, и сдала.

— В смысле?

— С ума мы сошли, наваждение какое-то. Мне до сих пор рассказывать тяжело. Соблазнила меня Вика.

— Ну конечно, ты опять ни в чем не виноват. Замечательная мужская позиция. Соблазнила, развратила... Сам небось к ней в постель залез.

— Откуда ты все знаешь? Я мальчишка был — четырнадцать лет, даже не дробил еще — дурачок.

— Опять врешь.

— Ну, вру — дробил я, ну и что? Короче, слушай. Были зимние каникулы, у Вики — сессия. Она пришла домой поздно — вся в слезах. Завалила экзамен, поссорилась с парнем, нажралась с горя с подружкой. Ревет под одеялом, а я ее слез не переносил. Ну я залез к ней, стал успокаивать, как она меня в детстве, целовать там в щеку, обнимать. И сам не знаю, как все получилось, помню только поцелуй, как бомба — мне реально крышу снесло, — такой пьяный, такой сладкий, я даже не понял, что в нее вошел, все было как во сне. Но Вика-то должна была меня остановить.

— Да уж. Тебя остановишь. Бедная девочка.

— Как два сумасшедших, мы сделали это, наверное, раза три без остановки, пока не поняли, что произошло. Я страшно испугался. А Вика — наоборот. Она была в каком-то неопишемом восторге. Она просто страх потеряла, сейчас-то я понимаю, что она тогда реально с ума сошла, причем, по-моему, навсегда. В общем, она убедила меня в том, что все супер — мы теперь любовники на всю жизнь, самые близкие и счастливые люди,

и мы должны поклясться друг другу в вечной любви, причем — кровью. Притащила нож, резала ладони — видишь шрам?

— Так ты еще и клятвopеступник?

— Похоже на то. Я очень боялся мамы. Но Вика буквально заразила меня своей эйфорией... Ну и конечно, безумный трах.

— Трах победил страх?

— Типа того. Мы делали это шесть суток подряд, чуть ли не каждый час.

— Ого! Переборчик. Даже для тебя.

— Она была просто ненасытная. Меня не покидало чувство неминуемого наказания, полная обреченность и полный кайф. Мы просто подсели друг на друга. Мы сползли с кровати только в туалет и к холодильнику, который опустел через трое суток. Мы отключили телефон и не впустили горничную — два ребенка против всего мира, нам казалось, что нас вот-вот кто-нибудь обязательно разлучит, и мы снова и снова набрасывались друг на друга. В последние три дня нашей любви мы настолько обессилили без еды, что уже не выходили из комнаты. Вырубались — засыпали, просыпались и опять любили друг друга. До туалета нам было уже не добраться — мы выползали на балкон и ссали там, а на другой стороне балкона мы жрали снег. Холода мы уже не чувствовали. Вечером шестого дня прикатали маман с рабочими, и они взломали дверь. Хорошо, что она их внутрь не пустила. Я думаю, наши трупы ее устроили бы больше, чем картина, которую она увидела. Не прибила она нас только потому, что мы и так были похожи на изможденных скелетов.

Ну и началось — психиатры, вопли, угрозы. Нас сразу развезли по разным квартирам, а через месяц меня отправили в Коламск, а Вику — в Сорбонну. Не очень равноценное наказание. Шесть лет без права переписки. Вика клятву выдержала. Ни одного мужика после меня у нее не было, а я — сама знаешь.

— Я думаю, такая история не придет в голову даже самому «желтому» изданию в мире.

— Я, надеюсь, ты — никому?..

— Никому. Хотя кто мне поверил бы — с дырой в башке. — Катя невесело усмехнулась и, задумавшись на секунду, добавила: — Сестру твою мне жалко.

— А чего ее жалеть-то? Она свои пути сама выбирает. И необычную для бабы специализацию — пластический хирург, и новую ориентацию. По-моему, она счастлива со своими бабами, и я не чувствую никакой вины перед ней. Мое наваждение прошло четырнадцать лет назад.

— А я уверена, что она до сих пор тебя любит и на что-то надеется.

— Я все ей объяснил, когда мать разрешила ей приезжать в Коламск. Я очень боялся этой встречи, но все прошло на редкость мило, без скандалов. Вика ни в чем меня не винила, только попросила разрешения приезжать в гости по выходным. В то время мы даже делились друг с другом постельными победами... А потом она меня спасла.

— Потому что любит!

— Я тоже люблю ее. Как сестру, а остальное — ее проблемы. Кстати, живет она сейчас, как сыр в масле. Золотые руки — какое хочешь тебе лицо забавляет — мать родная не узнает. Мамаша наша у нее всю себя сделала, и теперь к Вике очередь на три года вперед. Вот только какая-то она циничная и ироничная стала чересчур в последнее время. И лексикон у нее, как будто она на зоне пять лет оттрубила, а не в Сорбонне.

— Но не всем же быть таким душевными и сердечными, как ты.

— Бабушка наша Вику очень боялась. Все говорила, что она еще всем покажет, мол, от нее всего можно ждать. И крестилась, крестилась.

— Ладно, — прервала его сентенции Катя, — давай-ка лучше про нас с тобой еще расскажи.

— А чего еще рассказывать. Я же до тебя полным муозвоном был. Ни одной девки в Коламске не пропустил. Сначала после Москвы чуть от скуки здесь не подох, еще слепнуть стал: прогрессирующая миопия на почве стресса, до «минус шести» почти дошел, пока бабка меня к Папагену не отвела. Стал я танцевать, и стало все проходить: и тоска по сестре, и страх перед матерью, и даже близорукость эта дурацкая остановилась. Я, как маньяк, каждый день к Папагену ходил, он меня чуть не на руках носил: ты талант, ты красавец. Тут девки стали вокруг вертеться, глазки строить — я очки на линзы поменял и загулял на всю катушку. Сначала каждую с Викой сравнивал, потом все как отрубил, только злоба на сестру осталась. Вика меня, мальчишку, совратила, запутала, чуть не ослеп из-за нее, матери на глаза показываться стыдно. Еще хотела, чтобы я, кроме нее, ни с кем не спал. Ну не сука ли? В глушь к бабке загремел из-за ее похоти безумной.

— Я в этой глуши всю жизнь прожила.

— Ну сейчас-то ты в Москве. После школы мне одна дорога была — танцевать. Папаген меня в Москву отправлял, но мать сказала — нет, еще пять лет в Коламске. Тут бабка померла, царство ей небесное. Пошел работать в варьете — жизнь райская, баб вокруг завались, какая захочу моя. В армию из-за близорукости не берут — все бы зашибись, да тут появляются Павлов с женой. Клуб, оказывается, его, казино его, все вокруг его, только вот Лена его на меня запала. Все Павлова боятся как огня, а жена у него под носом ему рога со мной наставляет. Ситуация стремная и знакомая до дури, все как с Викторией — адреналин прет, солдат показывает чудеса доблести, Ленка совсем голову потеряла. А у меня полнейшее дежа вю. Ленка и темненькая, как Вика, и на три года меня старше, и темперамент бешеный. У меня таких огненных баб всего три-то и было: ты, Вика и Ленка проклятая.

— Спасибо за потрясающие подробности. Но только вроде я просила тебя про нашу любовь рассказать, а не про блядство твое беспробудное.

— Пойми, Катя, — это был мой образ жизни, — попытался оправдаться Женя, — я стал секс-спортсменом, а Лена — моей самой высокой планкой, но никакой любви, только адреналин, чистый экстрим. Каждая моя встреча с ней, как прыжок с тарзанки в пустоту, животный страх, безумный кайф. Я торчал на этих острых ощущениях. Ленка распустила слух в городе, что я голубой, и все лохи поверили, а главное — поверил Павлов. Эх, Ленка, Ленка!

— Да, да, я, похоже, ее помню — платок и очки всплывают в памяти. Стильная тетенька была.

— Стильная, сильная, а оказалась злобной сукой. На меня еще никто так прав не предъявлял. Я всегда был сам по себе. Лена стала страшно напрягать, я уже подумывал смыться. Зашел к Папагену, а там ты: такая жизнерадостная, наивная, красивая. А когда первый раз увидел, как ты танцуешь, понял, что люблю. Первый раз: не «хочу трахнуть», а «люблю». Папаген всегда меня учил: как девушка танцует — такая она и в постели. Таких жарких танцев, как с тобой, у меня еще ни с кем не было. Помнишь нашу первую ночь? Мне казалось, что я с Леной и с Викторией одновременно, и при этом мне не было страшно. Это был ураган, но не разрушающий, а созидающий.

— Да ты, Женечка, — поэт.

— Катька, это ты была поэзией: легкая, воздушная, влюбленная в жизнь. В то же время столько знала всего, книги читала, в отличие от меня, мудака. Прости меня, я все испортил, запутался, испугался. Но виновата во всем Лена, она поставила жесткий ультиматум: либо аборт, либо она тебя уничтожит. Выбор у меня был невелик.

— Все это я уже слышала от тебя. Значит, ты испугался Лены и отказался от меня и ребенка, Ромео.

— Да, я испугался за тебя.

— Ты выгнал меня и заставил сделать аборт, когда мир вокруг меня рухнул как карточный домик. Мать, отец, Папаген, здоровье, друзья, работа — я лишилась всего. А после твоего предательства я лишилась любви, ребенка и веры в людей, так? — В воздухе повисла пауза.

— Боюсь, что так, — пробормотал Женя.

— И ты, наглец, пришел ко мне через восемь лет рассказать про все это и попросить прощения?

Женя не нашелся что сказать, все выглядело именно так. Виновато сопя, он молчал и ожидал Катиного вердикта.

— Я прощаю тебя. Тебя и твоего пришитого солдата. Я даже прощаю того гада, который сбил меня той страшной зимней ночью. Женя, все прошло, я люблю мужа, я люблю дочь. Мое пересаженное гениальным мужем сердце бьет рекорды трудоспособности, и весь этот кошмар столетней давности для меня теперь не страшнее фильма ужасов. Из наших отношений с тобой я помню только постель, но говорить об этом я не хочу. Я только хотела бы узнать, что было потом, после того как мы расстались. Откуда меня привезли в больницу? С ноября по февраль белое пятно, Гриша всегда обходит эту тему... — Ее монолог нарушили странные звуки. — Женя, ты что, плачешь? Дурачок. Все прошло. Перестань.

Еще какое-то время Женя повсхлипывал и затих, и они лежали рядом молча, не глядя друг на друга. Тишину нарушила Катя, у нее в голове созрел план действий.

— Я с утра, как встану, пойду на кладбище к родителям, а потом к отцу Пантелеймону. Может, составишь компанию?

— На кладбище — да, в церковь — нет. Боюсь я его. Катя, а можно я твой шрам над грудью поцелую?

— Ну вот опять... А потом я что, буду должна твои в ответ? Иди-ка ты на диван, прощенный кобель.

— Спокойной ночи.

Ночь выдалась тяжелая, столько всего навалилось, сон брал свое. Уже зевая, Катя попросила:

— Расскажешь завтра, как тебе солдата отчиляли да пришили. Уж больно любопытно.

— Хорошо. На Ленкиной могиле. — Женья на секунду замолчал, а потом с надеждой в голосе спросил. — А может, я к тебе перелягу?

— Спи, стратег.

ГЛАВА 2

Старогородское Коламское кладбище

10.09.2006 12:00

На кладбище по случаю выходного дня было довольнолюдно, то здесь, то там — посетители убрали могилы перед зимой. Кое-где на столиках была разложена закуска — поминали усопших. Катя попыталась припомнить, где лежат родители, должна же она хоть что-то вспомнить, но в голову ничего не приходило. Солнце неожиданно скрылось за облаками, стало прохладно, потянуло, как подумалось Кате, могильным холодом, она взглянула на своего спутника, но ему все было нипочем. Женья уверенно шел впереди, обращая ее внимание на интересные, по его мнению, памятники, казалось, вот-вот — и он начнет насвистывать. Еще издали он указал на высокую скульптуру, стоящую на могиле Папагена. При ближайшем рассмотрении фигура оказалась танцующим юношей. Сам памятник, вся могильная композиция поражали своей гармоничностью, было заметно, что это творение талантливого художника. Катя не ожидала ничего подобного, ведь по рассказу Жени выходило, что учитель жил чуть ли не в нищете.

— Надо же, как красиво.

— У него учеников — куча, — пояснил Женья, — многие в люди выбились.

— Как ты? — скептически спросила Катя, но Женя не заметил подвоха.

— Что — я? Я бы мог в сто раз круче быть.

— Солдат подвел генерала...

— Если бы ты слышала, какую маман истерику бабушке закатила, когда узнала, что я у Папагена танцую.

Женина история уже изрядно надоела, и Катя не захотела продолжать эту тему, она промолчала и положила на могилу цветы. Катя усилием воли по каплям выжимала из своей памяти обрывки воспоминаний о Геннадии Андреевиче, но много вспомнить не смогла. Воспоминания были какие-то невеселые. Задумчиво глядя на могилу, она произнесла:

— Я помню только его строгое лицо и еще немножко жалкого такого, в больнице.

— По-моему, он тебе улыбался всегда. — Женя подошел к Кате и немного неуверенно, боясь, что его оттолкнут, ободряюще ее обнял.

— Не помню. — Кате очень захотелось вспомнить улыбку старика, но ничего не получилось.

— Ленка всегда жаловалась на Папагена. Ее мамаша все пыталась добиться от него признания отцовства, а он — ни в какую. У Ленки прямо пунтик был по этому поводу. Перед смертью, правда, признал. Так что вы сестры.

— Не хочу даже думать об этом.

— Я тоже. Ладно, пошли дальше.

Взяв Катю под руку, Женя уверенно повел ее по дорожке к следующему пункту их маршрута. Под ногами шуршала палая листва. Катя спросила:

— А он правда настоящим испанцем был?

— Наполовину. Отец у него от Франко сбежал, а Сталин его — раз и в лагерь, там и сгинул вроде бы.

— Слушай, а я вот теперь испанские слова вспоминаю, это что — генная память, что ли?

— Не знаю. Ленка-сволочь по-испански лучше, чем по-русски, говорила, бывало, в постели как начнет тараторить — меня очень заводило.

— Кто про что, а вшивый про баню. Мы ж на кладбище. — Катя болезненно усмехнулась, и тут они дошли до большой, огороженной ажурной решеткой могилы. — Вон, кстати, могила твоей испанки. Смотри, какая богатая. — Она остановилась, показывая на большой могильный камень с портретом Лены в полный рост. Немного удивленная увиденным, Катя заметила: — Слушай, она и правда красавица и действительно на меня похожа.

— Нет, ты добрая. У тебя и голос добрый, а у Лены злой был всегда.

— Ну на лицо-то. Все-таки сестра.

— Пойдем лучше дальше, — Женя потянул Катю за руку прочь от могилы, — эта сука Павлова нам с тобой жизни переломала, ну ее.

— Странно, но я не чувствую к ней никакой ненависти. Все сгорело.

— Я ж говорю — ты добрая. А я после последней встречи с ней три месяца с катетером провел и два года без баб! Пусть уж лучше тут лежит.

Пройдя вперед вслед за Женей и свернув на другую аллею, Катя заметила могилу своего отца.

— Вот Федор Андреич лежит — узнаю могилу. А где же мама?

— Ищи. Я пойду бабушку проведаю, давно не был, мы с маман год назад приезжали.

Женя ушел, оставив Катю в одиночестве. Она немного постояла рядом с могилой, положила цветы. Потом обошла все вокруг в поисках маминой могилы, но, к своему большому удивлению, не смогла ее отыскать. В полной растерянности, не зная, что еще предпринять, она пошла за Женей. Он сидел в задумчивости на скамеечке рядом с бабушкиной могилой.

— Чертовщина какая-то, — Катя развела руками, — я все облазала, но ничего не нашла. И что же, у ме-

ня на кладбище два отца и ни одной мамы. Что за дичь?

— Знаешь, я не удивлен, мамаша у тебя всегда была с выкрутасами.

— Что ты несешь, побойся Бога!

— Ну, если Бога, то здесь без попа не разобраться — ты ж все равно к нему собиралась, он тебе все и расскажет... Наверное.

ГЛАВА 3

Вика, Григорий, Аня и Катя маленькая

гуляют во дворе дома

10.09.2006 12:30

Погода не подвела, и можно было прогуляться с детьми на свежем воздухе. После дождя листва была еще влажная, но девочки все равно, не слушая своих родителей, копались в опавших листьях, выбирая самые красивые. Григорий с Викторией сидели на скамейке, курили и издали наблюдали за дочерьми. Вика первая прервала молчание:

— Женька звонил, весь такой счастливый. Спасибо говорил — Катя его простила, и он счастлив. Я в полном недоумении.

— Она тоже звонила. Тоже спасибками завалила, что берег ее от всего этого кошмара. Любит меня, соскучилась страшно. Неожиданный поворот, да?

— Ну, почему? Кого же ей еще любить-то?

— Я тоже ее люблю. Я вчера это окончательно понял. Я все-все ей прощаю, так что не надо мне ничего говорить.

— Да, любовь — страшная сила. Смотри, как Анька бежит, прямо порхает, у нее явно — Катины способности.

— Никаких танцев. Это не обсуждается.

— У Кати-то был редкий талант.

— Где ж ты видела-то ее танцы?

— Да они с Женькой, когда вместе жили, все время танцевали, и на кухне, и в ванной, в комнатах, ну, когда не факались. Мне очень нравилось смотреть, как она двигается, как мотылек. Ну и трагичность какая-то чувствовалась в ней. Красивый глупый мотылек — добром это кончиться не могло.

Вика замолчала, затронутая тема неожиданно вытаскивала из вороха воспоминаний первую встречу с Катей восьмилетней давности, она думала, что уже и забыла подробности, но с удивлением поняла, что помнит все до мелочей. Она поддавалась искушению и с головой погрузилась в воспоминания. Ей вспомнилась вечеринка на бабушкиной квартире в Коламске с Женей и его подругой, такой юной, красивой и неискушенной. Они устроили семейный обед в честь знакомства, а она, Вика, тогда представлялась всем Виктором, чем ужасно забавлялась. Катя пыталась вести светскую беседу, а может, ее действительно заинтересовал «Виктор», вся сцена, словно ожившая, предстала перед глазами.

Они втроем сидели за столом. Беседовали в основном «девушки», а Женя уплетал «оливье». Катя интересовалась:

— У вас такая интересная работа. Женя говорит, вы людям новые лица лепите. Можете нового человека сделать, почти как Бог. Не страшно?

— Смешная ты, Катя, восторженная вся. Я, может, даже больше, чем Бог, — я его ошибки исправляю, знаешь, сколько он понаделал?

— Ой! Разве так можно про Бога? Отцу Пантелеймону это бы не понравилось! Надо вас познакомить, он такой прикольный!

— Прикольный поп! Отлично! — Виктор весело рассмеялся. — Катя, я не то, что в Бога, я даже в математику с некоторых пор не верю, как узнал, что один плюс один бывает ноль.

— Это как?
Тут в разговор наконец вмешался Женя:
— Да хватит вам. Бабушка наша этого попа очень любила.
— Точно, таскалась к нему перед смертью, как на работу. На нас, наверное, жаловалась.
— Или отмаливала.
— Два года назад, он совсем мальчишкой был, — сказала Катя, — а ему прихожан доверили. Симпатяга! Народ к нему потянулся.
— Ему и сейчас-то всего двадцать три, на три года меня старше, — в Жениной интонации чувствовалась легкая зависть, — а уже отец Пантелеймон.
— А еще у него двое маленьких детишек, — добавив в портрет священника свой штрих, Катя хитро улыбнулась и пихнула ногой под столом ногу Жени.
— А еще он, Павлов и Лена — одноклассники, — подбросил информации в общий котел Женя.
— А ты откуда это знаешь? — Катя была очень удивлена — От Павлова?
— От бабушки. — Виктор закурил и вышел на кухню, на ходу пробормотав: — Связался черт с младенцем.
Следом за ним на кухню вбежал Женя с незажженной сигаретой в руках, он явно был раздосадован.
— Ты чего затеяла, а?! — накинулся он на Виктора. — Один плюс один, черт с младенцем? Завидно? Отбить хочешь?
— Жалко мне ее. Любит она тебя, кобеля. Я нутром чую. Чистая она, добрая.
— Тебе-то что? Ты со своими разберись.
— Погубишь ты ее.
— Чушь! Я ее тоже, между прочим, люблю, и танцует она круче всех.
— Погубишь, как кардиолога жену. Где она, кстати? Говорят, свалила две недели назад. Муж безутешный ждет свою казашку, все расстроены, а тебе, похоже, до фени.

— Не твое дело. И не казашка она, а корейнка. Я Ким любил трахать, а Катю я просто люблю, мне с ней хорошо.

— А не погубишь, так тебя прибьют. Павлов — ты у него под носом жену обрюхатил, — думаешь, он слепой?

— Сам удивляюсь. Я с Ленкой сколько раз пытался завязать. Запала на меня, как удавка на шею. Следит за мной, сцены устраивает. Дура беременная! Чего с ней делать, не знаю.

— А что с Катей делать — похоже, знаешь. Ты хоть видишь, что она тоже беременная?!

— Что?

— А глаза на что? Меня не обманешь, я нутром чую то, что мне ваш Бог не дал.

В этот момент разговор пришлось прекратить, так как на кухне появилась Катя. Брат с сестрой замолкли на полуслове.

— Мальчики, ну где вы? Мне уже скучно...

Воспоминания Вики были грубо прерваны вторжением подруг, им надоело играть вдвоем, и они подбежали к скамейке, где мирно сидели их родители. Аня с Катей насобирали уже целую охапку листьев и, не зная, что бы такого с ними сделать, вывалили на хирургов. Взрослые почему-то остались недовольны, но зато были вынуждены завязать с дурацкой, на взгляд девочек, беседой и подняться со скамейки. Теперь они стояли и, ругаясь, отряхивались от высыпанного на них мусора.

ГЛАВА 4

Колоколамск. Катя у отца Пантелеймона

10.09.2006 12:50

Катя, боясь обжечься, подула на чай и с осторожностью попробовала отхлебнуть. Напротив нее, так же с кружкой в руках, сидел отец Пантелеймон. Он очень радушно, чего она никак не ожидала, встретил Катю в

церкви и пригласил отпить чаю с баранками. От него веяло спокойствием, и нервное напряжение от утреннего посещения кладбища постепенно развеялось. Говорил он неторопливо и зычно:

— Надо было тебе, Катерина, сперва ко мне прийти, а потом уже на кладбище. Не пришлось бы лишний раз попусту нервничать да могилу, которой нет, искать.

— Да я ж и предположить такого не могла, мне Гриша всегда говорил, что мои все давно на кладбище.

— Просто Григорий — золотой души человек. Не хотел, чтобы ты переживала. И так вон сколько на твои плечи навалилось. А матери ты все равно помочь ничем не сможешь. Сколько врачи ни бились, а все бесполезно. После мужниных похорон болезнь-то ее и свалила. Никого не узнает, совсем в себя ушла. Что ж делать — на все воля Божья. Хорошо хоть, наша лечебница — лучшая в районе, да и Гриша ей исправно лечение оплачивает.

— Все равно я к ней заеду. Только вот чай с вами допью. Отец Пантелеймон, а как я в аварию попала? Может, расскажете, куда меня занесло?

— Ну, раз ты не торопишься... Тебя ко мне тогда привез Григорий, он на мосту тебя встретил.

Часть V
Житие Кати

ГЛАВА 1

Поцелуев мост

Уже стемнело, погода стремительно портилась, и на дороге почти не было машин, час пик для этих мест уже давно миновал. Впереди горбатился мост. Деревья, окружающие дорогу, расступились и открыли вид на реку. Вся водная поверхность была как жеваная бумага, кое-где на волнах белели пенные шапки. На горизонте еще оставалась узкая светлая полоска, но большая часть неба почернела. По небу быстро пронеслись облака, иногда сквозь них проглядывала луна, которая своим светом придавала пейзажу зловещий вид. В такой час и такую мерзкую погоду мост был абсолютно пуст, не было видно ни души. Григорий осторожно въехал на мост, обогнув глубокую рытвину у его основания, благо, отсутствие другого транспорта позволяло это сделать. Он постепенно стал набирать скорость, но его внимание привлекла одинокая фигура. У парапета, почти посередине моста кто-то стоял, перегнувшись через перила. Григорий машинально дал

по тормозам — сработал инстинкт врача, вдруг человеку плохо. Немного помедлив, он вышел из машины. Подойдя чуть ближе, в свете луны он разглядел, что перед ним девушка, почти ребенок. Ему особенно не понравилось выражение ее лица. Когда она посмотрела на него, в ее глазах мелькнул чисто детский непосредственный интерес, но он мгновенно угас, ему на смену пришло угрюмое и сосредоточенное выражение. Девушка отвернулась от Григория, внимательно рассматривая воду, как будто видела там что-то очень интересное.

— Девушка, вам плохо?

Она снова обернулась на звук голоса:

— Нет-нет, все в порядке.

Григорий вдруг понял, где уже видел эту красавицу, и, улыбнувшись неожиданной встрече, сказал:

— А я вас знаю. Вы — Катя, я, когда в клуб приходил, видел вас. Помните Риту? Такая красивая девушка с восточной внешностью — моя жена.

— Да, я вас тоже помню, — на лице девушки не отразилось никаких чувств, — вы врачом в нашей больнице работаете. Вам Рита так и не звонила?

— Нет, ни звонков, ни каких-либо известий. Вас подвезти?

— Нет, вы езжайте, я погуляю.

— Время для прогулок неподходящее, — он запрокинул голову и посмотрел на небо, — да и вот-вот дождь пойдет. Давайте я все-таки вас подвезу.

— Нет, не надо. — Катя немного помолчала и задумчиво добавила: — Мне все равно некуда ехать.

— А что вы делаете на мосту?

Катя ответила очень грубо:

— Не ваше дело.

Катин вид, ее решимость отделаться от него — очень не понравились Григорию, он навидался таких отчаявшихся подростков и знал, что будет дальше, если бросить ее здесь. Он скомандовал:

— Давайте-ка садитесь в машину, я знаю, куда вам надо.

— Я никуда не поеду. — Девушка тоже была настроена решительно. — Езжайте своей дорогой, не лезьте в чужую жизнь.

— Ну а если я вас отвезу в одно очень надежное место?

— Зачем мне туда? Мне здесь закончить одно дело надо.

— Поехали! Найдем вместе какой-нибудь выход.

Доктор вытащил из кармана мобильный телефон и набрал нужный номер. Быстро заговорил, не называя никаких имен, боясь спугнуть девушку:

— Доброй ночи, я вас не разбудил? — Разговаривая, он продолжал следить за Катей. — У меня дело срочное, давайте в церкви встретимся. — И, уже обращаясь к Кате, произнес: — Садитесь в машину, навес- тим отца Пантелеймона.

Говоря эту фразу, он машинально повернулся к своей машине. Увидев, что наблюдение за ней ослабло, девушка мигом попыталась перемахнуть через перила. Григорий чудом успел ухватить Катю за руку, но она и не думала сдаваться — стала брыкаться, крутиться и вырываться.

— Пустите меня, вы не смеете! Никто не может мне помешать!

Григорий молча, не споря с прыгуньей-неудачницей, втянул ее обратно на мост. Ни на миг не разжимая кисть, боясь, что в любой момент Катя попытается прыгнуть снова, он потащил ее к машине. По дороге Катя все пыталась вырваться, попутно лягаясь и тормозя изо всех сил ногами, но, видя, что освободиться не получится, она горько разрыдалась от своего бессилия. Григорий, не обращая внимания на ее припадок, держал ее мертвой хваткой. Около машины Катя ослабла, безвольно дала себя усадить и пристегнуть ремнем.

На центральной площади Коламска не было ни души. Даже напротив ночного клуба — никого, как будто приближающаяся гроза до смерти перепугала всех любителей повеселиться. Григорий остановил машину у главного входа в собор, вышел и помог выбраться Кате. Он подергал двери, но те были закрыты. Тогда он взял Катю за руку и повел ее к боковому входу. Она шла с понурой головой, не обращая никакого внимания на то, куда ее ведут. Сбоку из приоткрытой двери падала узкая полоска света.

— Смотри, нас уже ждут.

Они открыли дверь, навстречу им вышел отец Пантелеймон.

— Я вас жду, Григорий. — Увидев его спутницу, священник очень удивился: — Катерина? Где вы встретились? Я слышал о твоём отце. Прими мои соболезнования.

Катя наконец вышла из ступора, подняла свое бледное заплаканное лицо и взглянула на священника:

— Он что?.. — После чего она снова опустила голову, ушла полностью в себя, не реагируя на присутствующих.

Пришлось все объяснять Григорию:

— Я ее на мосту подобрал. Похоже, девушка на грани срыва, нырять собиралась.

Но Катя, похоже, все же краем уха прислушивалась к происходящему. Уставшим тихим голосом она сказала:

— Я не на грани, я за ней и прекрасно себя чувствую.

— Не очень-то похоже. — Григорий все так же продолжал держать ее за руку, но Катя этого совсем не замечала.

На отца Пантелеймона сказанное Григорием произвело сильное впечатление, он сперва как-то по-женски всплеснул руками, потом схватился за голову:

— Господи! Как ты могла только додуматься до этого, как такое только в голову тебе пришло?! Какое

ты имела право покуситься на святое — на жизнь! Решиться на самоубийство! Да ведь это все равно, что убийство совершить!

Подтверждая его слова, с грохотом захлопнулась дверь.

Отец Пантелеймон, прервав свое выступление, пожегил:

— Холодно здесь. У меня чайник сейчас закипит, пойдете, там и поговорим.

Он провел их внутрь, в уютное помещение, приспособленное для принятия пищи. В комнате был стол, на нем электрический чайник, вдоль стен пучки травы и веники для бани, в углу небольшая печка. Отец Пантелеймон достал из шкафа чашки, вазочку с баранками и глубокую тарелку с темным медом. Когда все расселись, он потребовал рассказать, что произошло.

Катя молчала, сидела, ссутулившись за столом, в состоянии полной прострации и автоматически пила налитый ей чай. Слова отца Пантелеймона будто и не коснулись ее слуха, во всяком случае, она не подала никакого виду, что расслышала хоть слово из сказанного им. Увидев, что от девушки они не дождутся никакого рассказа, говорить пришлось Григорию. Катя же была абсолютно погружена в себя, и в то время, что он говорил, не проявила никаких чувств и эмоций. Григорий нервно потирал руки, покачивался на шаткой табуретке. Отец Пантелеймон, выслушав его, сказал:

— Правильно сделали, что ко мне привезли. Федор, отчим Катин, на днях с собой покончил. Теперь Катя туда же. Что за напасть? Мать у нее тоже в уныние впала, вдвоем им лучше не находиться. Катя, может, расскажешь по порядку про свои приключения, что за беда подвела тебя к такому богомерзкому поступку. Неужто из-за Федора Андреевича?

Катя отвлеклась от своих мыслей и, подняв глаза на отца, совершенно безразличным голосом произнесла:

— А что здесь рассказывать. Все очень просто. Я беременна. Папашка от ребенка отказывается, просит, чтобы я аборт сделала. Вон меня выгнал. Я играть начала, в долги влезла — как отдать, не знаю, мне уже угрожать начали. С работы меня выперли. Мать меня в смерти мужа обвинила. Близкие мне люди либо умерли, либо предали меня. Вот такой рассказ.

— Хорошо хоть на аборт не пошла! Катя, и ты в такой ситуации даже о ребенке не подумала! Душу невинную погубить хотела! Много лет назад Бердяев писал, что самоубийство противно православному человеку! — Поп неожиданно вскочил и зашагал взад-вперед по маленькому помещению. — Это все я виноват! Мать твоя просила поговорить с тобой, чтобы ты за ум взялась, из клуба ушла, а я ей говорил — ты девушка умная — сама во всем разберешься. О! Сколько раз я предупреждал всех: держаться надо подальше от этого рассадника порока — вашего ночного клуба! Ведь ходил я по всем кабинетам городской администрации, пороги обивал, просил закрыть его. Знал ведь, что прежде всего детей сбивают с пути истинного! Ведь сколько зла в мир несут подобные богомерзкие заведения. Катя, как начались проблемы — надо было ко мне сразу прийти, вместе как-нибудь решили бы их. Ведь никому я не отказываю, пытаюсь всеми силами помочь! Григорий, неужели я так далек от молодых, что им легче руки на себя наложить, чем прийти ко мне за советом, за помощью? Катя, ты не расстраивайся, мы что-нибудь обязательно придумаем. Я поговорю по поводу твоих долгов, постараюсь договориться. Ты у кого в долг брала?

— У Павлова.

— Ну, с ним-то я легко управлюсь. Но тебе просто нельзя здесь оставаться, дурная компания везде к тебе

дорогу найдет. Я знаю, тебе, Катя, надо на время из города уехать. Григорий, нужно Катю в монастырь увезти. Поживет там, придет в себя немного, глядишь, посмотрит на все другими глазами. Пообщается с людьми, там они добрые и обстановка располагающая. Это самое то место, где душу больную излечить можно. Катя, ты меня слышишь? Ты не против поехать пожить в монастыре? Подумаешь над своими поступками, грехи отмолишь.

— Да хоть на край света, мне все равно.

— Григорий, отвезете?

— Прямо сейчас? Да, конечно, у меня впереди два выходных, все равно хотел их в монастыре провести, думал только с утра ехать. А раз надо — поеду сейчас.

— А что время тянуть, нельзя ее отпускать, не нравится мне ее настроение. Я сейчас же позвоню. Катя, ты не бойся, там настоятелем — мой родственник, я тебя в надежные руки передам. Монастырь мужской, но женщины в общине тоже есть. Монастырь пока еще только восстанавливается — строительство полным ходом, так что порядки там не очень строгие: утренний молебен да всенощная обязательно, а все остальное — по желанию. Ну работать, конечно, придется, тебе найдут подходящее занятие. У них там и скотина имеется и огород есть. Община небольшая. Григорий у них часто бывает, будете общаться, помогать друг другу. Григорий, ты готов?

— Конечно. Катя, поехали.

Катя послушно отодвинула чашку и встала из-за стола вслед за Григорием. Отец Пантелеймон пошел проводить их до машины, на ходу он давал последние наставления Григорию:

— Как приедете, сразу к игумену, он вас будет ждать, я ему сейчас позвоню, он все подготовит к вашему приезду. Ну, ты как, Григорий, не очень устал, доедешь?

— Спасибо, отец Пантелеймон, я в порядке. Вы когда будете?

— Вот освобожусь маленько — и сразу к вам, посмотрю, чего настроили в мое отсутствие. Ну, с Богом!

Как только машина тронулась, на лобовое стекло упали первые крупные капли, и вскоре по крыше весело и громко забарабанил дождь. Капли падали все быстрее, по стеклу бежали уже целые потоки. Размеренная работа «дворников» наводила сон. Катя сидела, как-то сторбившись, руками обхватив себя за плечи, иногда она морщилась, как от боли, и тогда резко встряхивала головой.

— Катя, вы себя плохо чувствуете? — спросил Григорий.

— Да, как-то хреново мне. Знобит.

— Приедем, сразу посмотрю вас.

— А что здесь смотреть, ломки у меня.

— Господи, как же вы? — Григорий искренне удивился, он никак не ожидал такого оборота. — И ребенок не остановил?

— Да дура была, а теперь поздно раскаиваться, — Катя говорила медленно, подбирая слова, каким-то не своим хриплым голосом, — дело уже сделано!

— Не говорите так. Покаяться никогда не поздно! — Григорий очень волновался, эта тема была для него больным местом, и то, что Катя заговорила о раскаянии, навело его на мысль о том, что рядом с ним, возможно, сидит близкий по духу человек. Григорий решил, что он просто обязан поделиться с девушкой.

— В покаянии высший смысл христианства заключен. Ведь как в Писании: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Не падайте духом, люди чего только не переживают, любые не-

приятности. Главное, выйти из них и человеком остаться.

Но откровение не произвело должного впечатления на Катю, она была слишком сосредоточена на своих ощущениях. Все, что ей удалось выдать из себя в ответ, было:

— Какой вы умный.

— Никакой я не умный. — Григорий несколько обиделся на такое отношение, но решил, что надо продолжить. — Просто я много об этом думал и читал. В подлинном покаянии, Катя, заключается внутренний поворот сознания, отказ от ранее совершенных грехов. Ты как бы отказываешься от себя прежнего, от своей прошлой позиции в принципе. Необходимо смириться и уступить голосу совести, и тогда состояние пассивной удрученности уступит место активному болезненному переживанию по поводу своих грехов. Понимаешь, эта боль будет разрывать тебе сердце, но в это же время сердце будет просветлено тоской по добру. Но в тот момент ты почувствуешь полную свою беспомощность, то, что ты не в состоянии изменить совершенную провинность, и все твои переживания не могут загладить вину. И если твое покаяние не проникнуто надеждой на Божье милосердие, то неизбежно придешь к отчаянию, что похоже, Катя, с тобой и произошло. Раскаиваясь, мы должны быть готовы искупить свои грехи, принять из Его рук справедливое наказание, в чем бы оно ни заключалось. Но, несмотря на это, мы просим Бога о прощении в надежде на Его милосердие. Только Он может простить нам наши грехи. В истинном покаянии есть возвращение к Богу.

— Ну, тогда расскажите мне о том, в чем вы раскаиваетесь.

— О! Я о таком только с Богом пока готов говорить. Может быть, как-нибудь потом расскажу.

— Ну, тогда заткните свой благочестивый фонтан, может, я хоть посплю, пока мы едем.

Катя попыталась устроиться спать на кресле, но принять удобную позу мешал ремень безопасности. Она немного поерзала, после утихла, и было непонятно, то ли она спит, то ли просто сидит, закрыв глаза.

* * *

К тому моменту, как они доехали до монастыря, дождь прекратился, ветер разогнал все облака и затих. Живописная местность была озарена полной луной, которая ярко освещала блестящие от недавнего дождя монастырские постройки. Не очень далеко от монастыря, за пологим холмом с негустой рощей виднелась деревушка, в нескольких домиках горел свет. Весь открывшийся пейзаж дышал свежестью и очень походил на идиллию сельской жизни. Ворота монастыря были открыты — гостей ждали. Григорий остановился у дома, где проживал игумен, и в тот же момент дверь дома открылась и на крыльцо вышел он сам — отец Амвросий, в сопровождении невысокой тихой женщины. Настоятель радушно, как старого друга, обнял вышедшего из машины Григория и вопросительно посмотрел на продолжавшую сидеть в машине Катю. Она, немного помедлив, с трудом вылезла из машины. Отец Амвросий тепло ее поприветствовал и представил свою спутницу:

— Это Татьяна. Она покажет тебе твоё жилище.

Миниатюрная Татьяна объяснила Кате, что жить та будет не в монастыре, а в соседней деревне с другими женщинами из общины. До места было рукой подать, и Григорий предложил Кате прогуляться пешком.

Неудавшаяся самоубийца шла сначала довольно бодро, свежий ночной воздух приятно охлаждал, но постепенно силы стали ее оставлять, ее лихорадило, и она начала отставать от идущих впереди Григория и Тани. Сначала Катя из принципа не хотела звать на помощь доставучего доктора, она еще злилась на него

за сцену на мосту, да и в машине он ее порядком утомил, но потом поняла, что желания умереть от холода на сельской дороге у нее совсем нет, это тебе не с Поцелуева моста вниз головой... Катя попыталась сделать над собой усилие и догнать провожатых, но ничего не получалось, она все больше и больше отставала. В итоге ей стало совсем холодно, зуб на зуб не попадал, она ссутулилась, обхватила себя руками для того, чтобы согреться, но ничего не помогало. Она хотела крикнуть, чтобы ее подождали, но голос совсем пропал, из горла вырывались только какие-то хрипы. К ее радости, Григорий наконец отвлекся от беседы и оглянулся. Ругая себя, он торопливо подбежал, накинул на нее свою куртку и взял под руку. До деревни они дошли вместе, Катя цеплялась за Григория и еле волочила ноги.

В доме, куда они зашли, сразу началась суета. Женщины, находившееся там, обрадовались вновь прибывшей, но, увидев в каком та состоянии, стали причитать и готовить ей место для сна. Сама Катя плохо видела окружающих, она чувствовала невозможную тяжесть, ноги подкашивались, она готова была рухнуть на пол и хотела только, чтобы ее оставили в покое. Через какое-то время, посоветовавшись, женщины решили выделить для Кати отдельное помещение, и ее уложили в небольшом чулане в сенях, где стояла единственная в доме кровать. Все остальные спали, положив на пол комнаты тюфяки с соломой, которые сами же для себя и готовили. Григорий вызвался посидеть с Катей, проследить за ее состоянием.

А Кате было очень плохо. Она потом, когда поправилась, не один раз спрашивала Гришу, что же с ней было, но он ей толком ничего не рассказал. Отвечал только, что немного побуянила, да и всего-то делов. Катя отрывочно, словно сквозь плотный туман, вспоминала, что просила отпустить ее, рвалась убежать, ругалась, даже вроде дралась, но все было как во сне, а

может, и вообще все это ей привиделось в бреду. Только женщины, что вместе с ней жили, сказали ей про эту ночь, что «у Гриши твоего терпение просто ангельское».

ГЛАВА 2

На следующее утро Григорий рано разбудил Катю.

— Катя, вставай! Пойдем в церковь — утренний молебен скоро начнется.

— Не трогайте меня, пожалуйста, дайте спокойно умереть, — пробормотала она сквозь сон.

— Что за глупости! Никто тебе умирать здесь не даст. Пошли — увидишь, легче станет!

— Не хочу, оставьте меня в покое.

— Я ведь силой заставлю. — Григорий повысил тон: — Тебя зачем в монастырь отвезли? Молитесь! Вот и пойдем.

— Оставь меня в покое, старый козел! — Катя натянула на голову одеяло, пытаясь отделаться от надоедавшего Григория, но он с силой откинул с нее одеяло.

Девушка устало попыталась объяснить:

— Сами мне твердили: такой тяжкий грех совершила! Я, может быть, раскаиваюсь, но, извините, не верю, что могу вдруг измениться. Я такая какая есть, и если Богу надо, пусть меня такую прощает, а нет — и не надо, буду дальше крест свой нести!

— Ты не крест, а бред несешь! — Григорий рассвирепел. — Без страстного желания стать другим не может произойти внутреннее преображение! Ты должна захотеть стать другим человеком, и, пока ты не обратишься к Богу с мольбой о прощении и очищении, ничего не изменится! Ты не просто должна положиться на Божье милосердие, ты обязана желать преображения!

Катя села на кровати и, не поднимая на собеседника глаз, тихо произнесла:

— Ну а если не могу молиться, нет у меня веры в ваше чудесное исцеление?

— Ты, главное, молись — Он тебя услышит! Он всех слышит. Только предавшись в руки Господа, ты почувствуешь в себе новые силы.

Катя, все так же тупо уставившись в пол, сидела на кровати, Григорий с силой потянул ее за руку и заставил подняться.

— Мне тебя одеть или ты сама справишься?

Она злобно зыркнула на Григория и вытолкала его за дверь, пообещав быстро одеться. Григорий закурил, ожидая ее выхода, и, дождавшись, проводил ее до монастыря в церковь, где уже начался молебен.

* * *

Звуки жили по своим собственным законам, и сладить с ними не было никакой возможности. Они то накатывались тяжелой волной, то замирали где-то вдали, и тогда их было почти не разобрать, до слуха долетали лишь отдельные обрывки фраз, и общий смысл понять было невозможно. Свет тоже начал свою хитрую игру, то ярко освещая убранство церкви так, что хотелось зажмуриться, то почти исчезая, и все вокруг терялось в густой темноте, и не было видно окружающих ее людей, сосредоточенно слушавших утренний молебен. Только горели сквозь темную пелену огоньки свечей, зажженных возле икон. Иногда огоньки начинали кружиться в медленном вальсе, и тогда все вокруг исчезало, оставляя им простор для кружения. Даже стоящий рядом и поддерживающий ее Григорий как будто растворялся в темноте, терял четкие контуры и становился зыбкой тенью. Ног она почти не чувствовала, иногда приходило ощущение неимоверной легкости, казалось, что она парит, не касаясь земли, — это было самое приятное из того, что она ощущала в

последнее время. А иногда ее будто прижимало к земле чьей-то могучей рукой, и она судорожно хваталась за Григория, чтобы хоть как-то устоять на ногах.

Неожиданно она поняла, что они уже вышли из церкви, служба закончилась и народ расходится по своим делам — наверное, ее из храма вывел Гриша. К ним подошел отец Амвросий, но у Кати почему-то не получалось на нем сфокусироваться, и на его приветствие она только вяло кивнула. Она опять сосредоточилась на своих неприятных внутренних ощущениях, и реагировать на внешние раздражители сил уже не хватало. Видя ее состояние, игумен обратился к Григорию:

— Доктор, я вижу, что вы взяли еще и наркоманам помогать. Что ж, похвально, но не много ли вы на себя взвалили? А вдруг не сдюжите?

— Это подружка моей жены, они вместе работали. — Григорий почувствовал необходимость объясниться. — Как христианин, я обязан ей помочь.

— Это так. Но не забудьте, что читаете псалтырь сегодня, как договаривались.

— Да, конечно, я Катю на кого-нибудь оставлю на это время.

Отец Амвросий на мгновение задумался.

— Попросите Татьяну присмотреть, у нее медицинское образование есть, а я ее от работы на это время освобожу, найду, кем заменить.

Григорий посмотрел на Катю — она была полностью погружена в себя. Он осторожно взял ее под руку, чтобы пойти в сторону общей кухни, но она не захотела тронуться с места. Григорий тихонько потянул ее за руку:

— Катя, пошли. Завтрак скоро начнется.

— Я есть не хочу, я лучше пойду посплю.

— Тебе, в твоём положении, нельзя голодать. Пошли, я на кухне что-нибудь прихвачу и отведу тебя в избу.

Они медленным шагом добрались до трапезной, Григорий усадил Катю на скамейку рядом, а сам сбегал внутрь и взял еды. Дорога до деревни заняла очень много времени, сил идти у Кати почти не было, они то и дело останавливались, чтобы передохнуть. Зайдя в избу, Катя, как подкошенная, без сил рухнула на кровать.

Григорий не оставлял попыток ее накормить.

— Тебе надо перекусить.

— Спасибо, но я не хочу, — пробормотала Катя, не открывая глаз.

— Ничего, аппетит приходит во время еды, сейчас чайник вскипит.

Он ненадолго оставил ее одну и вернулся с дымящейся чашкой и тарелкой с бутербродами. Катя никак не отреагировала на его возвращение. Но Григорий был намерен, во что бы то ни стало, не дать бедняжке умереть голодной смертью, он силой усадил ее на постели и заставил съесть все, что принес. От еды неприятные ощущения только обострились, ко всему прибавилась и тошнота. Катя села на кровати, жутко кружилась голова, и мутило в животе.

— Как-то мне нехорошо. — Она попыталась встать.

Григорий усадил ее обратно:

— Посиди немного спокойно, не вставай.

Катя еще какое-то время посидела, прислушиваясь к своим ощущениям, они становились все более невыносимыми, она еще раз попыталась подняться, но Григорий был рядом и не дал ей этого сделать. Катя не успела ничего сказать, как ее вывернуло прямо на Гришу. На хирурга было страшно смотреть, он прямо побелел и запричитал:

— Вот я — балда, заставлял тебя есть, встать не дал, прости меня, пожалуйста. Давай я постель перестелю. — Он усадил Катю на стул рядом с кроватью, сам сбегал за чистым бельем и перестелил ей по-

стель. — Теперь ложись обратно — отдыхай до вечера, я приду перед всенощной, помогу тебе до церкви дойти. Не сердись на меня, ладно?

ГЛАВА 3

Он вышел за ограду монастыря и направился в сторону деревни. Началось его самое любимое время суток — сумерки. Не всегда получалось поймать этот момент — только зазеваешься, а уже темнота. Он шел, упиваясь окружающим видом. Гриша Дроздецкий был сугубо городским жителем, родился и вырос в Москве, родственников в деревне не было, каникулы с родителями проводил на море в пансионатах. К природе он относился с опаской и большим уважением. И сейчас он с восторгом наблюдал, как небо слегка окрасилось в светло-сиреневый с розоватым отливом цвет, свет стал рассеянным, и все вокруг утратило свои четкие линии и цвета и получило загадочный, даже какой-то сказочный вид. Голые деревья и кусты обрели фантастические очертания, было очень тихо, ветер стих, и шуршание его шагов было единственным звуком на всю округу. Он пустил свои мысли на самотек и не мешал бежать им в том направлении, куда пожелают. На память пришел роман-притча Урсулы Ле Гуин «Порог», где действие происходило в волшебной стране, в которой всегда были сумерки и в которую можно было попасть только пройдя через определенный порог в лесу. Он шел по тропе через рощу, свет поблек, и стало казаться, что из-за каждого дерева ему навстречу может выйти хозяин этих мест — лесовик. Но, несмотря на окружающую его красоту, на душе у него было беспокойно. Не хотелось уезжать и оставлять здесь Катю одну, без дружеской поддержки. Но его выходные подходили к концу, его ждала работа в больнице, нуждались в помощи его пациенты. Одна

надежда была на общину, ему показалось, что к Кате здесь отнеслись с большим сочувствием — ее молодость, ее незащищенность вызывали у людей жалость, многие хотели помочь. Почти все пришли сюда не от хорошей жизни, в основном всех их привели в монастырь какие-нибудь несчастья. Люди здесь умели сопереживать чужому горю. Он надеялся, что Татьяна сможет побольше времени уделять Кате. Она симпатизировала бедной девушке, и он очень надеялся на ее помощь. Да и Катя потихоньку перестала буйнить, стала спокойнее переживать физические страдания.

Григорий постучал, немного подождал из вежливости и зашел в дом, где жили женщины. Навстречу ему из Катиного чулана вышла Татьяна. Увидев его, она заулыбалась, вокруг глаз, как лучики, разошлись мелкие морщинки. Она вся будто светила изнутри, всегда приветлива, и от нее веяло спокойствием. Возраст ее было трудно определить — ей могло быть от сорока и до шестидесяти. Жила она при монастыре уже давно, и за это время все ее очень любили и уважали за постоянную готовность помочь ближнему, за трудолюбие. Таня с легкостью соглашалась взяться за любую самую грязную и тяжелую работу.

Григорий сразу поинтересовался состоянием своей подопечной:

— Как она?

— Кажется, кризис уже миновал, спит спокойно.

— Мне надо в город возвращаться, оставляю Катю под вашим чутким присмотром.

— Да вы не беспокойтесь, — сказала Татьяна, — к нам не в первый раз такие попадают. Кате повезло, она вовремя пришла, привычка еще не стала губительной. Скоро ей полегчает. Мы здесь за ней присмотрим, все помогут. Не волнуйтесь, езжайте в город, она здесь в надежных руках.

ГЛАВА 4

Все встало на свои места — размеренная жизнь в монастыре с ее четким укладом сделала свое дело. Она почти не вспоминала свою недавнюю жизнь в городе, прошлое казалось нереальным. Бывало, что по вечерам перед сном ее посещали видения: выступления на сцене, манящий азарт рулетки, любовные игры с Женей. Но с каждым новым днем эти воспоминания теряли какую-то частицу своей притягательности. Яркие образы прошлого становились бледнее, их вытесняла сознательная ежедневная работа. Она привыкла ходить в церковь, и ей, действительно, как и обещал Григорий, после молитвы становилось намного легче. Появилась надежда на новую жизнь, ее желание умереть теперь казалось чем-то невыносимым. Свое возрождение к новой жизни она, конечно, в первую очередь связывала с ребенком, который рос внутри нее. Она часто разговаривала с ним, делилась своими переживаниями. Больше всего она переживала из-за того, что не была на похоронах Федора, не смогла объясниться с матерью. Они расстались, не поговорив, так и не поняв друг друга. Как она сейчас там? Муж умер, дочь ушла, сумела ли она приспособиться к жизни в одиночестве? Наверное, вся в работе. Григорий обещал зайти к ней в универмаг, узнать, как там поживает Ирина Александровна, но ему все некогда. Он в любой свободный момент пытается вырваться из больницы в монастырь, и она каждый день с удивлением ловила себя на мысли, что с волнением ждет его приезда. «Занудный старый доктор» становился ей все ближе и ближе. Часто бывало так, что он заезжал сразу после рабочего дня, ночевал в монастыре, а потом с утра снова уезжал на работу в больницу. Григорий говорил, что он ездит так часто, потому что переживает: восстановление монастыря идет чуть медленнее, чем планировалось. Но иногда ей все же ка-

залось, что не это было основной причиной его частых посещений. Ей очень хотелось верить в то, что он приезжает пусть хоть немножко, но из-за нее. Они много разговаривали после ее исцеления — он был намного старше ее, много повидал в жизни и наконец был просто интересным собеседником, добрым и остроумным. Иногда они выполняли вместе какую-нибудь работу, и тогда она часто ловила на себе его внимательный взгляд. От него веяло надежностью, чего совсем не было у Жени — она не в первый раз сравнивала этих мужчин, и все чаще сравнение было в пользу Григория. Хотя она бы никогда не призналась, что испытывает к Григорию кроме чувства дружбы еще что-либо. Отец Пантелеймон тоже не раз бывал в монастыре, часто он привозил с собой деньги на строительство. С большим удивлением для себя Катя узнала, что одним из главных спонсоров восстановления монастыря является Павлов. Она даже один раз видела, как он приезжал в монастырь. Заметив его, она кинулась в деревню и не возвращалась оттуда до самого вечера. Про свой долг она несколько раз пыталась заговорить с отцом Пантелеймоном, но всякий раз он говорил, что это уже давно решенный вопрос, и уходил от его обсуждения. Он часто передавал советы от Григория, когда тот не мог приехать по каким-либо причинам. Отец Пантелеймон всегда находил время на беседу с Катей, и она была безмерно благодарна ему за оказываемую ей поддержку. Она настолько привыкла к беседам с ним, что часто не замечала, что делится с ним самым сокровенным. Время за разговорами с отцом Пантелеймоном пролетало так быстро, что расставание всегда было неожиданным и очень огорчало Катю, казалось, что еще так много надо ему рассказать, так много проблем обсудить.

Она так привыкла к жизни в общине, что представить себе возвращение в город у нее не получалось.

Один день здесь был похож на другой, все было заранее распланировано, все шло своим чередом. Была в этой размеренной жизни несказанная радость, приносящая спокойствие, она своей кажущейся простотой лечила не только больное тело, но и восстанавливала душевное равновесие. Катя много и охотно разговаривала с немногочисленной братией, набиралась от монахов мудрости. Пыталась вести с ними религиозные диспуты, но быстро поняла, что для этого ей катастрофически не хватает знаний. Она неоднократно запрашивалась поработать, провести уборку в библиотеке, но это была запретная территория, ее туда пускать не хотели, но по просьбе давали почитать книги, которые отец Амвросий посчитал безопасными для ее душевного спокойствия. Она очень подружилась с Татьяной, которая много сил отдала для успешного исцеления Кати, и та в общении с Катей даже как-то неожиданно раскрепостилась, с нее спала некоторая замкнутость. И однажды, разоткровенничавшись, она даже рассказала, как судьба привела ее в стены монастыря. Они вместе готовили обед для всей общины. Татьяна ловко нарезала овощи, пока Катя пробовала кипящий бульон.

— Катя, смотри-ка завтра уже суббота, — обратилась к ней Татьяна, — неделя уже прошла, только воскресенье было. Как быстро время летит! Казалось, только вчера ты к нам пришла, а уже прошло столько времени. — Она взглянула на заметно округлившийся Катин живот. Все в монастыре знали о Катинем положении, понимали ее состояние и пытались найти ей работу полегче. Татьяна заметила, что девушка пытается поднять с плиты и переставить тяжелую кастрюлю: — Подожди, не поднимай одна, дай я тебе помогу, родишь еще!

— Спасибо. Я сама с удивлением недавно заметила, что я здесь уже почти несколько месяцев. Теперь прошлая жизнь от меня так далека, мне и не верится,

что это все со мной было. Как будто со мной все это во сне происходило. Я превратилась в другого человека, нет не превратилась, а переродилась. Точно, а роды были, когда ломка у меня была. Но об этом вспоминать не хочется. Таня, а ты так и не рассказала, как здесь оказалась.

— Да как-то не до этого было. Рассказ-то невеселый выйдет. Жила я раньше с мужем в Москве. Мы очень ребеночка хотели, но все никак не получалось. Но все же Бог милостив и наконец послал нам дитя. Как рады мы были! Мальчик такой славный рос! Ему три годика было, когда несчастье произошло. Жара в Москве страшная стояла! Ничто не спасало, все окна, двери — нараспашку. Вот в один такой день, когда я с подругой по телефону разговаривала, сынок мой, прямо у нас с мужем на глазах, с балкона и соскользнул. Сразу насмерть. Муж мой совсем голову с горя потерял, пить начал по-черному. А на следующий год поехал с друзьями на рыбалку и пропал. Пили они там много, никто и не заметил его потери, а когда искать начали — никаких следов. Тело так и не нашли.

— Боже ты мой.

— Ты не переживай так. Видно, не заслужила я счастья, вот теперь грехи свои и отмаливаю. Сегодня попросилась у настоятеля всю ночь псалтырь читать.

— Да какие у тебя грехи, ты такая добрая. Вот я думаю, за что ж это Он людей так наказывает?

— Катенька, ну что ты такое говоришь! Никого Он не наказывает, мы сами себя лишаем Его милости. Ведь нам даны наказания с рождения: не убий, не укради, старших почитай, ну и так далее. А нарушая их, мы сами себя и наказываем. А Он нас всех любит одинаково. Так что во всем мы сами и виноваты.

— Я тоже хочу псалтырь читать, но всю ночь мне не выдержать.

— Куда тебе, с твоим-то пузом. Тебе отдыхать больше надо.

— Не надо, я хочу как все здесь. Не надо мне по-блажек никаких.

ГЛАВА 5

Григорий с опаской шел в автосервис, ему обещали к сегодняшнему дню починить машину, но всякое бывает — вдруг поломка оказалась более серьезной, и машину не отдадут. Если так и будет, то в очередной раз сорвется поездка в монастырь. Он не был там больше двух недель. В больнице запарка — давно не было столько больных, он всю последнюю неделю провел, дежуря на работе. Еще и его сменщик подкинул проблему всему отделению, уйдя в тяжелый запой. Стал работать сверхурочно, и о поездках в монастырь пришлось забыть. Как назло, ему начали звонить из Москвы, еще полгода назад он бы летал в эмпиреях от такого предложения, а теперь он локти был готов кусать от бессилия — он и хочет этого долгожданного места и не может сейчас все бросить и сорваться в столицу, не может оставить Катю. Он поймал себя на мысли, что, думая о монастыре, прежде всего вспоминает Катю. Как, интересно, она там? В последнее время ей как будто нездоровилось, но она держалась молодцом. Как она ни отказывается, но надо ее в город отвезти — врачу показать, все-таки у нее уже такой срок большой, а она совсем не наблюдалась. Его немного беспокоила привязанность к этой девушке, к ее будущему ребенку — это ненормально, он должен это преодолеть. Он только похоронил своими собственными руками убитую любимую жену и уже неровно дышит к другой. Катя ничем не заслужила такого «подарка» судьбы. Он навеки проклят, и ему неизвестно, сколько еще придется отмаливать

грехи. Рита ведь ни в чем не виновна, мало ли что болтали злые языки. Он не должен был так с ней обходиться, надо было поговорить по душам, а он за бутылку и опять... это наваждение. Он не хотел лишать ее жизни, а вдруг *это* опять на него найдет и он не сможет держать себя в руках? Вдруг Катя станет его следующей жертвой? Нет, ничего между ними быть не может. Он не позволит себе причинить ей хоть какую-нибудь боль. Он нашел новый смысл жизни благодаря этой девушке и теперь обязан приложить все усилия для того, чтобы хоть у нее жизнь наладилась. Он будет рядом и будет ей помогать — это его основная цель в жизни. А теперь это приглашение в Москву! Хоть плачь. Он так и не дал окончательного ответа, на раздумье есть несколько месяцев. Он делился своими страхами и переживаниями с отцом Амвросием, но тот ничего ему толком не посоветовал, единственный ответ — все в руках Божьих. Но, сколько Григорий ни думал о предложении из Москвы, он все больше склонялся к тому, что скорее всего никуда не поедет, ведь здесь находятся все по-настоящему близкие ему люди. Вот если бы он мог взять туда с собой...

Машина оказалась в полной готовности, слава богу, все обошлось без осложнений, и теперь перед ним расстилалась знакомая проселочная дорога. Вот последний поворот, ворота монастыря открыты, как будто его ждут. Он сразу же прошел в церковь, встал на колени и замер в низжайшем поклоне. Когда он вышел из церкви — чувствовал уже какое-то облегчение. Напряжение последних дней сразу спало, стало даже легче дышать. Оглядевшись, он заметил, как много сделали за последнее время, несмотря на снежную зиму. Корпус для братии, который только-только начинали строить, когда он был в монастыре в последний раз, сегодня имел почти законченный вид. Не успел он подойти поближе к стройке, как его тут же оклик-

нули, и не успел он и глазом моргнуть, как был вовлечен в общую работу. До всенощной перерыва в работе никто не делал, хотели успеть сделать как можно больше. По окончании работ Григорий вместе со всеми направился в церковь. Во время службы он заметил среди народа Катю, она весело ему помахала и жестами дала понять, чтобы ждал возле церкви. Что он с удовольствием и сделал. Она просто светилась радостью, и от такого неприкрытого выражения восторга у него все сжалось внутри. Опять промелькнула мысль, что он недостойн такого отношения. Они тепло обнялись, но оба немного смутились такому проявлению чувств и, пока шли до трапезной на ужин, почти ни о чем не разговаривали. После ужина Григорий сказал:

— Я провожу тебя до деревни.

Работы сегодня были окончены, начиналось свободное время, когда все занимались, кто чем хотел. Они медленно тронулись в путь — торопиться им было некуда, обоим хотелось слишком о многом поговорить, но ни один не решался заговорить о самом важном.

— Как дела в больнице? Тебя давно не было видно. Много тяжелых пациентов?

— Да, меньше не становится, зима есть зима. А тут немцы прислали суперсовременное оборудование, с таким любую операцию можно делать, хоть пересадку сердца. Пока его принимаем да щупаем, что к чему.

— А ты мог бы?

— Что — мог бы? — не понял Григорий.

— Ну, пересадку сердца сделать?

— Скажешь тоже! Сложно это очень: донора надо найти, чтобы подходил по показаниям, да и сама операция очень сложная, без специальной подготовки не стоит браться. Я когда-то ассистировал на такой, но сам бы не рискнул.

Они немного прошли молча. Видя, что Катя ничего не хочет сказать, Григорий решил прервать затянувшуюся паузу:

— Я здесь недавно интересные западные исследования читал, что после пересадки сердца многие пациенты испытывают странные ощущения, словно их личность изменилась. Многие реципиенты сердца полагают, что чувствуют связь с погибшим донором. Представляешь, каково это? Они чувствуют в себе присутствие посторонней личности. Недаром же народ считает, что душа в сердце находится. А что у вас тут интересного произошло, пока меня не было?

— Да у нас день ото дня мало чем отличается, вот вчера новенький появился. Я пока с ним не успела пообщаться, народ говорит — из Питера приехал. Интересно, как у них там жизнь? Он, говорят, паломничество по окрестным монастырям совершает, где он только не был. А еще Коля дрова рубил, так щепка ему в руку впиалась — кровячки было! Татьяна — молодец! — не растерялась, я б ни за что так не смогла, — выложила Катя все местные новости. — Как там отец Пантелеймон?

— Так он собирался сам приехать на днях, вот и поговоришь. У него все хорошо. Я стараюсь почаще бывать у него на службах, но не всегда получается. Народ, как всегда, его боготворит, слушают все, открыв рот.

— Это хорошо. Хоть кто-то в наше время авторитетом пользуется. — Катя немного замялась и быстро-быстро, словно боялась, что ее прервут, заговорила: — Гриша, я тебе одну вещь скажу, но ты не смейся. Представляешь, я на днях Божественное присутствие ощутила. Точно, точно. Не смотри на меня так, я в своем уме. Со мной такого никогда не было. Понимаешь, здесь все по-другому, и у меня как будто все время новые ощущения. Вроде как я вчера только ро-

дилась и все в первый раз вижу: и ветер, и реку, и эти деревья. Но в то же время я все это сравниваю с той моей старой жизнью, а здесь все по-новому. Например, у меня такое чувство, что ветер здесь никогда сильно не дует, он как будто затихает в этом месте. А воздух, видишь? Он какой-то совсем прозрачный, и в то же время, кажется, что его можно пощупать, бывает, он просто дрожит между деревьями. А когда встанешь на берегу, смотришь, а вокруг на много-много километров никого. И так хорошо станет, сердце вдруг замирает, как будто его кто в руке сжал. Словно кто-то большой, добрый и очень сильный рядом стоит и вместе со мной улыбается, а сердце мое, а с ним и душа, в его могучей и доброй ладони. Ведь раньше, ни когда я в церковь заходила, ни когда крестилась, я не чувствовала ничего подобного. Что это? Может, знак мне какой?

Григорий, подбирая слова, боясь чем-либо напугать или обидеть собеседницу, заговорил:

— Может, и знак. Мне вот кажется, что такой знак в моей жизни — это ты. Я ведь совсем смысл жизни потерял, опора ушла из-под ног. Ничто не помогало, ни работа, ни церковь. Прости, Господи... — Он перекрестился. — Но тут тебя встретил. Это как Божественное озарение. Если бы я не сразу домой поехал, а чуть задержался на работе, что бы тогда было? Как бы я прожил без тебя? Ты самое светлое, что сегодня есть в моей жизни.

— Нет, Гриша, — перебила его Катя, — это мне тебя Бог послал. Где бы я сейчас была? Кто бы смог меня к новой жизни возродить, кто бы моего ребеночка спас?

Они остановились посреди небольшой рощи и наконец осмелились посмотреть друг другу в глаза. Их руки сплелись. Не зная, что еще добавить к сказанному, они просто стояли и, не отрываясь, вглядывались в лица друг друга.

ГЛАВА 6

Ничто не предвещало беды в этот февральский день. С утра погода наладилась, накануне прошел сильный снег, но когда они проснулись, небо было синее-синее, не видно ни облачка. Мороз был не очень сильным, и было приятно разгрести снег возле избы, прокладывая дорожки. Они здорово веселились, валяясь в снегу, и чуть было не растеряли весь инвентарь, потом долго пришлось лазать по сугробам, разыскивая лопаты. Сперва Катя не обратила внимания на неприятные ощущения внизу живота, но после того как они начали усиливаться, она не смогла больше терпеть и обратилась за помощью к Татьяне. Татьяна была не тем человеком, что пускает все на самотек, она осмотрела Катю, сказала «лежи, не вставая, — я за помощью», бросилась к игумену — только у него был телефон — связь с большим миром. Татьяна вбежала к отцу Амвросию, запыхавшись, и торопливо объяснила, в чем дело. Она первым делом набрала телефон «скорой помощи». Оказалось, все не так просто: «скорая» была одна на всю область, и как раз сегодня она была на срочном вызове в далеком от монастыря районе. Следующий звонок Татьяна сделала Григорию, на ее радость, он взял трубку и обещал приехать, как только сможет.

Григорий дико разволновался — Катя так ни разу и не была у врача, наотрез отказывалась возвращаться в город, и он не смог ее убедить в необходимости такого посещения. Она упрямо твердила, что все в руках Божьих. Григорий роздал всем на отделении указания, а сам рванул в монастырь. К большому сожалению, дорога была не расчищена, снег сделал ее небезопасной, и, хотя он вел машину на предельно возможной для таких условий скорости, ему казалось, что едет слишком медленно. Всю дорогу он молил Бога, чтобы все обошлось, чтобы это была ложная тревога, и с Ка-

тей все было в порядке. Когда он приехал в деревню, его не хотели пускать в дом, и он силой прорвался внутрь. Сперва он увидел в доме непонятную пустоту — ни Кати, ни звонившей ему Татьяны нигде не было видно. В чулан к Кате женщины проводили какую-то местную бабку. Григорий прорвался туда через перекрывавших ему дорогу женщин — Катю готовили к родам. Первой его мыслью было — не может быть, еще не срок, но, видя всю серьезность приготовлений, он включился в общий процесс и, как мог, помогал бабке-повитухе и Татьяне. Сам он запомнил все как в тумане. Слава богу, Катя родила вполне здоровую семимесячную девочку. Это событие отмечали всем монастырем, все ходили и поздравляли друг друга, как будто это был их общий ребенок. Григорий уговаривал Катю поехать с дочкой в больницу, но она отказалась. Пришлось обустроить молодую маму с младенцем в деревне. Григорий сразу же сообщил добрую весть отцу Пантелеймону и обратился к нему с просьбой окрестить девочку, о чем они тут же и договорились.

* * *

Катя слушала рассказ, не прерывая отца Пантелеймона вопросами, только сейчас задумчиво произнесла:

- Значит, не было никакого аборта.
- Слава Богу, нет на тебе, Катенька, такого греха.
- Так получается, что Гриша Анечке не родной отец. Господи, а ведь никогда ни полслова! Он так привязан к ней. Иногда мне кажется, что он ее любит сильнее, чем я.
- Да, Катя, повезло тебе с мужем. Но я не рассказывал про аварию. Я собирался на крестины к вам выезжать, а тут Лена Павлова приехала ко мне, сказала, что исповедаться срочно хочет. Ей уже со дня на день срок рожать был. Говорила, что боится она очень. У нее здоровье-то было не очень хорошее, порок серд-

ца, врачи не давали гарантии успешных родов. Все могло случиться. Вот и решила она покаяться. Говорила, что у всех, кого обидела, прощения просит, хочет, если что случится, чистая к Богу прийти. Раскаивалась она во всем содеянном. Так что задержался я малость, а тут и ты звонишь: Григория срочно вызвали к тяжелому больному, но меня ты все равно ждешь. Вот я и поехал. Но, увы, если бы чуть пораньше выехал, может, беды бы и не случилось. Нашел я тебя всю разбитую на дороге возле деревни, где ты жила. Тебя в машину положил, ребеночка забрал да и помчался в больницу, хорошо, Григорий уже там был. Но в тот вечер не одна ты пострадала, чуть позже и Лену привезли — ее Павлов прибил, за что и сидит сейчас. Но ей не повезло, ребеночка ее спасли, а ее не смогли.

— Какой же у меня муж золотой: чужую дочку растит, со мной, дурой-инвалидом, мучается. Спасибо вам, святой отец. Пора мне домой возвращаться. Сыта я по горло правдой и прошлым своим боевым. — Катя отодвинула остывшую чашку и поднялась из-за стола. — Поеду мужа расцелую.

— И за меня расцелуй! И дочку расцелуй. А Женьке-дураку, что в машине у церкви сидит, скажи, пусть смелости наберется да заходит. Бог его давно простил, детишек спас. Скажи ему, если мы с ним по душам поговорим — легче ему станет.

— Скажу. Только вы не думайте, что у меня с ним опять чего — я его близко не подпущу. Пусть домой меня отвезет и идет с Богом в прошлое, в мертвую зону.

— Молодец, Катя. Что приехала — молодец, выдержала все. Любящее сердце все перенесет.

— Все, побежала. — Катя сделала пару шагов, но неожиданно остановилась и повернулась обратно. — Ой, последний вопрос: бывшая Гришина жена, Ким, вы ее знали — куда она пропала?

Отец Пантелеймон на секунду задумался, как будто припоминая:

— Столичная штучка она была. Скучно ей было в нашем болоте — со скуки и с Женей схлестнулась, обидела Гришу. Ну а как вскрылась измена — испугалась да сбежала в Москву. Я так думаю. Взбалмошная была, экзальтированная, прямо птица тропическая.

— Она красивее меня? — не очень уверенно спросила Катя.

— Нет, деточка. Рядом не стояла. Езжай с Богом. Маме кланяйся, хотя нелегкое ты испытание для сердечка своего устраиваешь...

— Нет, я решила — маму навещу. Восемь лет не виделись. Какая она ни сумасшедшая, а я ее видеть хочу. И не отговаривайте, отец Пантелеймон, — я решила.

— Ну, если ты чего решила — это все. Это я точно знаю. Ты хоть Женю с собой возьми. И Гришу не суди за мать — ради тебя он на обман пошел, лечение ее оплачивает.

— Я все понимаю. Теперь — все понимаю, слава богу. Спасибо вам, святой отец, побежала я.

ГЛАВА 7

Петелино. Дурка

10.09.2006 16:00

Больницу нашли легко — кто в их краях не знает знаменитую на всю округу психушку. Дети про нее друг другу страшные истории рассказывали, про маньяков, что живут в ее стенах, а учителя любили сравнить своих «любимых» учеников с ее пациентами. Располагалась психиатрическая лечебница, как и многие подобные заведения в России, в старом особняке, принадлежавшем когда-то местным землевладельцам. Дом был большой, в три этажа, от основно-

го здания, украшенного многочисленными колоннами, отходило два крыла. Вокруг особняка был большой, когда-то ухоженный, а ныне пребывающий в запустении сад. В хорошую погоду там выгуливали тихих пациентов. Имелась рядом и церковь с колокольней, звон которой разносился в хорошую погоду на многие километры.

Вот и сейчас, когда Катя с Женей прибыли на место, первое, что их встретило, был колокольный перезвон, который сопровождал их всю дорогу до палаты. Катю с Женей с недоверием и любопытством проводили в палату мамы Кати — за восемь лет в больнице они были ее первыми посетителями. В палате сухонькая седая женщина в синем больничном халате сидела на кровати в полной индифферентности к происходящему и смотрела в окно. Ирина Александровна никак не отреагировала на открывающуюся дверь и даже не обернулась к входящим. Катя всю дорогу морально готовилась к встрече, но, войдя в палату, поймала себя на мысли, что все равно, как ни старается, не может узнать свою собственную мать. Не выдержав увиденного, а может быть, от полного бессилия соотнести в своей памяти образ матери с этой жалкой страдальницей Катя расплакалась. На звук ее плача Ирина Александровна равнодушно оглянулась — Женя обнимал Катю, пытался ее успокоить, уговаривал, что все нормально. Внезапно лицо больной перекосила гримаса, в глазах появилось выражение, она поднялась со своего места и, указывая пальцем на Женю, начала медленно к нему приближаться.

— Ты?! Ты — за мной пришел, подлец! Дочь мою загубил, за мной пришел! А-а-а-а! — Она сорвалась на жуткий крик и сделала попытку вцепиться ему в лицо, но на шум из-за двери тут же примчался санитар, который ловко ухватил безумицу и попытался ее урезонить.

Но не тут-то было, Ирина пришла в дикое возбуждение — она вырывалась, выла, плевалась, что-то бесвязно кричала, — санитару пришлось звать помощь. Прибежала подмога, и санитары уже вдвоем пытались успокоить больную женщину, которая в этот момент напоминала разбушевавшуюся ведьму. Катю и Женю попросили на выход. Катя, не в силах выдержать этой сцены, кинулась к матери, попыталась ей объяснить сквозь слезы:

— Мама, мамочка, успокойся, я жива, я здесь, с тобой.

Но ее попытка только ухудшила ситуацию, больная перевела безумный взгляд выцветших глаз на Катю и с еще большей яростью стала вырываться из рук санитаров, ее крик перешел в шипение:

— А-а-а-а! Ведьма! И ты здесь! Лицо Катину укра- ла, гадина! А-а-а! Убью!

Она с силой дернулась в Катину сторону и, поняв, что ничего не выйдет, в сердцах плюнула в дочь. Женя, видя, что ситуация совсем вышла из-под контроля, силой вывел застывшую Катю из палаты. До машины они дошли молча. Катя совсем не могла говорить и, казалось, не заметила, как они вышли из лечебницы. Женя же, прочувствовавший свою вину, всю дорогу до машины вел Катю за руку, заглядывал ей в глаза и нудил:

— Прости меня, Кать. А? Прости...

Катя попросилась сесть на заднее сиденье и заявила Жене, что хочет поспать. Ей не давала покоя встреча с матерью, она никак не могла забыть безумных глаз бедной женщины. Абсолютно чужой женщины. Разговаривать не хотелось, и Катя сделала вид, что спит. И не заметила, как и вправду забылась тревожным сном. На небольшой выбоине машину тряхнуло, и Катя проснулась. Посмотрев в окно, она с удивлением заметила, что скоро будет дома.

— О! Уже подъезжаем...

— Через час приедем! — Женя обрадовался, что можно поговорить.

— Господи, как я соскучилась по Грише, по Аньке... — Она почувствовала легкий озноб, ее даже как-то передернуло.

— Как ты? — спросил Женя, глядя на нее в зеркало заднего вида.

— Чудненько. Отлично провела выходные с друзьями и родными. Было очень познавательно. Узнала много нового о себе. Мамуля особенно порадовала.

— У тебя железные нервы!

— У меня хорошие таблетки. И муж — кардиохирург. А ты ведь тоже в дурке лежал, с «солдатом»?

— Не в дурке, — Женя немного обиделся, — а в клинике.

— Ну да, и жена твоя оттуда.

— Жена моя в институте сейчас учится на третьем курсе.

— Небось на психиатра.

— Какая ты догадливая.

— Небось мама устроила.

— И прозорливая.

— Ладно, я еще посплю. Хочу сегодня всю ночь мужа радовать, соскучилась страшно.

— И похотливая.

— Молчи, солдатский прихвостень.

— Спи, я тебя у дома разбужу.

Катя снова погрузилась в сон. Было темно, она увидела себя за рулем автомашины. Она гнала на большой скорости по проселочной дороге, занесенной снегом. Вдоль обочин лежали высокие сугробы в человеческий рост, они мешали обзору, и ничего вокруг, кроме этих сугробов, видно не было. Дорога не освещалась, только фары выхватывали из темноты какую-то ее часть. Шел снег, его огромные хлопья ухудшали и без того плохую видимость — «дворники» с трудом справлялись с расчисткой лобового стекла. Неожиданно за поворотом

дороги появился слабый огонек, он быстро приближался. Катя с трудом разглядела, что кто-то стоит на дороге с фонарем в руке. Она сделала попытку затормозить, но было уже поздно. Несмотря на все усилия, машина все равно приближалась к человеку на огромной скорости. Она что было сил крутанула руль, но машина пошла как-то боком, и все равно человек с фонарем был сбит. Она видела, как в замедленной съемке, вот он падает на лобовое стекло, его лицо оказывается как раз напротив Кати. Она не верит своим глазам — это просто невозможно, перед ней ее собственное лицо, она видит гримасу боли той Кати за стеклом. Она не хочет этого видеть, но не может не смотреть, как Катя, которую она сбила, стонет и скатывается с капота автомобиля в снег. Она кричит и просыпается.

— Катя, дом, вставай. — Женя тихонько потряс ее за плечо.

— Да, уже? — Катя почувствовала на лбу капельки пота, она с трудом перевела дух. — Я же только глаза закрыла.

— Два часа назад.

— Ну ладно, ты к парадной не подъезжай, вдруг там Гриша меня ждет.

— Телефон дашь? — с надеждой в голосе спросил Женя.

— Глупости. Если что — я тебя сама найду.

— Если что?

— Прощай, Женька! Прощай, молодость! «Солдата» сильно не гоняй, он у тебя ветеран.

Катя выскочила из машины и побежала без оглядки к дому.

Женя с грустью посмотрел ей вслед:

— Какая баба! Эх, если бы не сука Ленка...

Он еще минуту помедлил, не спеша выкурил сигарету, выбросил ее в окно и только после этого дал газу, развернулся и уехал.

ГЛАВА 8

Квартира Дроздецких

10.09.2006 23:00

Катя не могла наговориться. Она сама не помнила, когда еще была в таком возбуждении. Она пыталась дать понять Григорию всю силу переполняющих ее чувств. Вся усталость, накопившаяся за последний день, куда-то пропала. Долгая дорога, встреча с матерью, рассказ отца Пантелеймона, все как будто было не сегодня. Казалось, что все события сегодняшнего дня, так же как и истории Белки и Жени, происходили восемь лет назад и стали так же далеки и нереальны. Все, она покончила со своим прошлым, больше ей нечего узнавать — все встало на свои места. Если бы она только могла предположить, чем обернется ее поездка в родной город. Как знать, может быть, она бы и не поехала туда. Но тогда бы она никогда и не узнала, с каким человеком ее связала судьба. Ведь он столько лет нежно оберегал ее хрупкое душевное спокойствие, боясь хоть малейшим намеком помешать ее скорейшему выздоровлению. Она испытывала несказанную признательность к Григорию и не знала, чем может его отблагодарить. Она говорила, говорила, не давая вставить мужу ни слова. Опять и опять объясняясь ему в бесконечной любви. Она поражена, нет, она просто боготворит его. Она наконец поняла, от какого ужаса и грязи он ее берег. Она больше никогда не поедет в Коламск. Ей пришла в голову новая идея: она придумала — она хочет родить ему ребенка. И это теперь — главная цель ее жизни.

Григорий казался немного настороженным, на все ее тирады отвечал односложно и довольно холодно, но Катя настолько горела, что не замечала этого. Да и ничто не могло ее сегодня остановить. Она была самым счастливым человеком на свете и хотела, чтобы и Григорию передалась хоть крупница этого счастья.

Все их объяснение закончилось, как безумно хотелось Кате, в постели. Когда жена заснула, Гриша еще немного полежал и пошел на кухню. Он долго молился, а потом сел пить водку. Он сидел, пил в одиночестве и плакал до утра. Когда пить было уже нечего, он встал и вернулся в спальню, где мирно спала Катя. Он присел на кровать и долго смотрел на ее безмятежное лицо. Григорий поднял перед собой руки и посмотрел на них. Пальцы слегка подрагивали. Тень от рук тихо легла на Катину шею. Гриша испуганно убрал руки и быстро лег под одеяло.

Часть VI
Крутые повороты

ГЛАВА 1

*Квартира Дроздецких
13.01.2007 23:50*

По телевизору смотреть было нечего — по всем каналам шли повторения новогодних программ. Но спать не хотелось, было приятно посидеть перед телевизором, обсуждая давно примелькавшихся артистов. Вся семья Дроздецких была в сборе, и по просьбе Ани они смотрели праздничный концерт, в котором звездная грядка, угодная Первому каналу, разбилась на дуэты. Звук в телевизоре перекрывался грохотом петард, из окна их гостиной открывался прекрасный вид на салют. В квартире царил праздник — кругом висели гирлянды, в гостиной стояла нарядная елка, всюду стояли разноцветные толстые свечи, которые жгли во время Нового года. Внезапно погас свет.

— Ну вот, на моей любимой песне Сереги и Жирика. — Девочка ужасно расстроилась.

— Сейчас включат, не бойся, — подбодрил Аню отец.

От нечего делать, Катя встала с дивана — не сидеть же в темноте — и пошла по квартире зажигать свечи. Стало довольно светло. В квартире воцарлась тишина, только зловещий треск петард и ракет долетал с улицы. Зазвонил городской телефон, Гриша взял трубку.

— Да, спасибо, у нас все нормально. — Он положил трубку на место. — Это с пульта охраны, у них там сработало, но они знают, что у нас авария. Как неудачно. Ладно, доча, иди спать. Похоже, это надолго.

Катя, почувствовав в голосе мужа небольшое волнение, подошла к нему поближе:

— Не расстраивайся милый, я люблю свечи.

Аня, придумав себе занятие, поднялась с дивана.

— Пойду, хоть в калейдоскоп поиграю, с фонариком. — Она медленно побрела в свою комнату, с сожалением взглянув на выключенный телевизор.

На лестнице послышался какой-то шум.

— Похоже, кто-то в лифте застрял, — усмехнулся Григорий.

— Бедняга. — Кате стало жалко узника.

Они переместились в спальню. Катя разделась и при свечах села у трюмо — медитировать на ежедневном психотренинге.

— Я Катя, Катя Дроздецкая...

Григорий подошел к балкону, чтобы рассмотреть прекращающийся салют. В этот момент дверь балкона с грохотом распахнулась, и в спальню, вместе с холодом и снежинками, ввалился раскрасневшийся Павлов, весь в снегу, с перекошенным лицом и пистолетом в руке. Быстро оценив ситуацию, он ударил стоящего рядом Григория рукояткой пистолета по голове. Тот схватился за голову и со стоном осел на пол у балконной двери, где и замер надолго, почти потеряв сознание. Когда он попытался подняться, Павлов вновь замахнулся на него пистолетом.

— Тихо, доктор нах, а то порешу ее раньше времени.

Катя, замерев от страха, замолчала, сидя на своем месте, вжалась всем телом в кресло, боясь даже повернуться к налетчику. Почти все свечи в комнате погасли от ворвавшегося ветра. Полумрак озарялся яркими вспышками салюта.

Павлов обратился к Кате, оставив Григория в покое:

— Ну привет, Лена. Я пришел.

Она, так и не обернувшись на голос, сидя перед зеркалом, поежилась от жуткого холода.

— Я Катя, Катя... Гриша, скажи ему!

— Хороша сучка, — Павлов подошел поближе к Кате и заглянул ей в лицо, — если б не знал, поверил бы, что Петрова. Пластика, мать ее нах. Так, хирург?

Ответа Григория не последовало, он так и сидел, обхватив голову. Только Катя опять начала свою молитву:

— Я Катя, Катя...

— Что, заело? — Павлов зло оборвал ее на полуслове. — Чертова кукла! Кончай косить под дуру нах. Один раз развели, как лоха, второй раз не получится нах.

— Прекрати орать, придурок, — от крика Павлова Григорий пришел в себя, — она больна, ничего не помнит благодаря тебе.

— Да? Ничего не помнит нах? А кто меня со шконки сорвал? Мне еще восемь лет было чалиться. А кто с ее счета деньги два месяца назад снял — номер счета только она знала.

— Бред какой-то. — Григорий поморщился.

— Молчи, гад! — снова заорал Павлов, размахивая оружием и тыча пистолетом в шею Кате. — И ты молчи, сука-Ленка, заладила нах!

За окном рассыпался гроздьями очередной залп салюта, который окрасил комнату яркими красными всполохами.

— Катя-Катя, — Павлов мило улыбнулся Кате в зеркале, — ты ж сама ее и завалила нах.

— Что, что ты сказал? — Григорий попытался приподняться.

— Я Катя, Катя, Катя! — Женщина еще сильнее сжалась, не мигая глядя в зеркало, обхватила голову руками, от резкого движения с ее головы упал парик.

— Да, крепко я тебя приложил нах! Только шрамами меня не разжалобишь. — Павлов поднял с пола ее парик и надел его на место, затем быстрым движением сорвал с нее бюстгальтер.

Катя резко прикрыла груди руками.

— Не тронь ее, гад! — Гриша рванулся к Павлову. Но тот опять пригрозил ему пистолетом.

— Очень надо! Ну что, Лена? Лицо сделали, как у Катьки, — не подкопаешься нах. Ты на сиськи свои посмотри! На левой — втянутый сосок так и остался нах. Ты ребенка-то не кормила? Ну и правильно, она ж не твоя дочь — Катина нах.

— Что ты несешь, гад?! — Григорий потерял терпение и вскочил на ноги.

Павлов моментально опрокинул его обратно:

— Да подожди ты, док, думаешь — все знаешь, умный очень нах? Лежи и вникай нах. Ленка, ты на вторую сиську посмотри — там у тебя замечательное родимое пятно, черт шельму-то пометил. Я ж его чаще, чем икону, целовал нах.

— Я Катя, мой муж — Гриша, моя дочь — Аня... — Катя пребывала в полном ступоре.

— Ладно. Я, короче, как в себя пришел тогда, проклял все. Что мне тюрьма — я жить не хотел. Любил я тебя — суку нах. Гад какой-то письмо подсунул, что весь город, кроме меня, знает, кто отец твоего ребенка. Вот планка-то и упала, а на зоне так тоскливо было, так по тебе скучал — как вспомню, что убил, — волком вою нах. Вены перегрыз — докторишки откачали. Тогда думал — зачем? Сейчас знаю, чтоб вернуться и добить тебя гадину. Ты ж вот она — живая, с докторишкой. Любишь докторишку, Ленка?

Павлов потряс пистолетом перед Катиным носом.

— Я Катя, — тихо, но упрямо произнесла Катя.

— Я ее люблю, — тихо, в унисон Кате подал голос Григорий.

— Это хорошо. Вот и расскажи, какая она Катя нах, а то ее, похоже, и правда перекосило от страха, контуженую. Мне она в сознании нужна, чтоб понимала за что.

— Пошел ты, ты хоть знаешь, что она тебе ребенка рожала, хотя ей врачи сказали, что она от этого почти наверняка умрет.

— Не знал нах. И знать не хочу. Брехня это все нах. Один раз развели... Опять на жалость пробиваете. Ты ж тоже, похоже, не поверил, когда я сказал, что она Катьку твою грохнула, а зря нах. Ладно, Айболит, делаем так — я рассказываю свою историю, что из по-па вытряс, а ты — как сердце пересаживал, лицо пере-краивал да в Москву увез нах нашу любимую, может, у нее мозги на место встанут. Ты, кстати, ведь тоже свою благоверную на тот свет отправил. За это свой крест несешь. Я и это знаю нах.

— Господи, да что это?.. — Катя снова схватилась за голову. — Я Катя, Катя Петрова...

— Ни хрена ты не знаешь, киллер хренов. — В го-лосе Григория звучали горечь и тоска. — Никого я не душил, Лена мою Ким задушила, я это точно знаю и простил ее, потому что люблю, а тебе этого не по-нять.

— О как все плохо! Тогда по-простому нах.

Павлов приставил пистолет к голове дрожащей крупной дрожью Кати.

— Нет! — Гриша закричал и кинулся к Павлову.

— Рано, — бандит толкнул Григория на пол, — я выговориться хочу нах. Мне как Белка про встречу со странной Катей, которая не своим голосом говорит и мизинец на фото, как Ленуська, отгибает, рассказала, меня, как молнией шибануло нах. Я с Белки спрыг-

нул — и бегом в два ночи к Пантелеймону домой. Вломился, с постели попа поднял, ты что ж, гад святой, натворил, говорю. Ну-ка правду и только правду нах! Ну а он... восемь лет готовился, похоже, к этой встрече — запел свою аллилуйю — Гриша и Катя — понятное дело — святые нах, Лена, Божьим чудом спасенная, — тоже теперь святая, меня, видать, тоже нах святым духом выпустили...

Ты, говорю, часом со святой Леной нах за моей спиной не поролся ли? — А он мне — по морде, рука тяжелая нах — думай, что говоришь. В школе-то я его всегда побивал нах. Ну, мне терять нечего — я пистолет достал и на него, попадая — в крик, дочки проснулись — скис мой поп. Адрес жены, говорю, давай — навестить хочу, давно нах не виделись! Стреляй, говорит, не дам. Я, говорит, тебе расскажу, все как было — какая Лена была, какая стала — и ты иди подобру-поздорову. Ну что делать — не стрелять же в него — рассказывай, говорю нах. Ну, он и рассказал...

ГЛАВА 2

Коламск. Дом Пантелеймона

13.01.1999 16:00

Перед тем как войти, она какое-то время помедлила у дверей, еще можно все исправить и пойти по другому пути. Надо просто развернуться, сесть в машину и дать газу. И гори все огнем. Но почему-то ноги ее не слушались. Она еще постояла и решительно сделала шаг вперед.

В комнате было очень слабое освещение, горели только лампадки у образов. Свет еле проникал в небольшую щель между штор. Когда она вошла, вообще не могла ничего разобрать, пришлось подождать, пока глаза привыкнут к темноте. Отец Пантелеймон жестом пригласил присесть.

— Вот, значит, собралась с духом и пришла. Страшно мне, Паня.

— Молодец, что пришла. Ничего не бойся, говори, что наболело.

— Рожать мне скоро, а с сердцем все хуже и хуже. Дроздецкий говорит — шансы, пятьдесят на пятьдесят, но я все равно буду, решила.

— На все воля Божья, верю я, что спасены будете — и ты, и дитя. И ты, Лена, верь.

— Ой, хочу верить, только грехов на мне, как на собаке бездомной блох. Боюсь я.

— А ты покайся, облегчи душу, все, что гнетет тебя, что мучает, — все расскажи.

Все расскажи! Как будто она знает, с чего начинать. Ладно, все так все.

— Тогда с Москвы начну. Провалилась я в универ — с кем не бывает, решила — в Коламск не вернусь. Снова через год буду поступать, а пока в школу моделей пойду. Название у нее хорошее было — «Фламенко». А я — красавица, жгучая испанка, как нам было разойтись?

— Вернуться тебе надо было, — отец Пантелеймон не сдержался и прервал рассказ, — Москва — трясина известная — засосало тебя бедную.

— Ну да, так и было, — согласилась с отцом Пантелеймоном Лена и ответила на замечание вопросом. — А к кому возвращаться? Павлов в тюрьге был, ты в семинарии, да и планы у меня другие были — Париж, Мадрид, Нью-Йорк. Отучилась я, деньги кончились, а типаж мой что-то непопулярным оказался: хожу на кастинги, как дура, не берут никуда, так, в паре клипов снялась, и все. Ничего, кроме интима, не предлагают, а кушать хочется. В общем, согласилась на сопровождение. Название красивое, а на самом деле обычная проституция — только рангом повыше. Покатилась я под откос.

— Не пойму я — ты каешься, Лена? Стыдно тебе за прошлое или жалеешь себя просто?

— стыдно. Павлов — твой друг — вытащил меня из этого болота, как нарисовался он в Москве на моем пути, так и поняла, что это судьба моя, с тех пор я его верная собака, вот дите ему рожаю, а сама помереть боюсь.

— Говорят, он бьет тебя, Лена... — Отец Пантелеймон решил уточнить ходившие в городе слухи.

— Так за дело же. Изменяю я ему, Паня.

— Паня остался в школе, — сердито прервал ее священник. — Лена, ты на исповедь пришла.

— Простите, отец Пантелеймон, изменяю я ему, потому что, мне кажется, ему это надо — на ревности любовь наша цветет.

— Неправильно все у вас — на уважении любовь должна стоять, на верности, а не на похоти да на побоях. Еще вертеп этот ночной в городе открыли — слабым духом прельщаете. Не откупит Сашка душу, сколько раз ему говорил — толку с того, что на монастырь деньги дает, — нет, если скотство вокруг развел, тебя мучает. Ты вон загубить себя готова из-за него, а ему лишь бы зенки залить — другой тебе муж нужен.

— Другой? Это кто ж? — Лена посмотрела в упор на отца Пантелеймона и голосом, в котором была слышна досада, добавила: — Кто меня такую после Павлова возьмет? Развратную, избалованную, с душой раздрызганной. Ты меня замуж возьмешь, святой отец?

— Не то, не то ты говоришь, Лена. Я тебя замуж шесть лет назад звал. Ты сюда-то каяться или задираться пришла?

— Ой, каяться, прости меня, господи. — Лена перекрестилась. — Ведь мало того, что мужу любимому изменяю, так еще и в мальчишку влюбилась. Так влюбилась, готова любую курву, что к нему подойдет, в куски порвать.

— Ты зачем ругаешься, греховодница? — Священник сурово посмотрел на нее исподлобья.

— Простите меня, святой отец, замучила я Женьку, грех это, ведь не нужен он мне, так — игрушка, а я ему жизнь переломала, и не только ему. К Ритке Ким ревновала Женечку — так прям убить ее была готова, а она — раз и исчезла.

— Ну тут ты явно свое участие преувеличиваешь. Но грех, даже если просто смерти кому желала, грехом так и останется.

— Да знаю я, вот и мучаюсь. К Катке ревновала — лютой ненавистью к этой бабочке ночной прониклась. А ведь она мне сестрой оказалась. Женьку дурака запугала — он ее от ребенка заставил избавиться. Да и где она вообще, эта Катя? А я-то и радовалась, дура, загубила ребеночка. Страшно мне, мучаюсь теперь — нет мне прощения.

— Всем прощение есть, даже таким, как ты, может быть. Все похоть твоя да гордыня. Ишь натура какая любвеобильная. Молись и кайся.

— Пантелеймон. А ты никак заревновал, ишь зарделся, как девушка.

— Опять ёрничаешь. — Священник смерил Лену тяжелым взглядом и сердито добавил: — Если б не дите в пузе у тебя, выгнал бы сейчас взащей за такие слова.

— Сам же сказал — натура у меня любвеобильная, а натура-то от Бога. А Бог-то сам есть любовь.

— Ишь разговоры бесовские пошли. Любовь, а не похоть. Различать их надо, иначе бед не оберешься. Сдается мне, что ты оправдываться пришла, а не каяться. Нет твоим грехам, Лена, оправдания, а прощение отмолить надо да заслужить поведением праведным.

— Я молюсь. — Лена изменила тон и просяще добавила: — И ты за меня помолись, Паня... отец Пантелеймон. Боюсь, поведение свое не успею я исправить. Того и гляди рожу, а сама на тот свет непрощенная уйду. Цыганка мне в детстве нагадала, что погубит ме-

ня мужик, но не настоящий. Не объяснила больше ничего. Наверное, младенец, отец Пантелеймон, ты уж о мальчишке моем позаботься, если что. Пусть наследство Папагеново получит сполна, а то ведь Павлов все пропьет.

— Я молюсь, Лена, за тебя каждый день, еще с семинарии начал. Так что, может, и отмолил. Все в руках Господа. Я верю, что все у тебя будет хорошо, и скоро я к вам приду — маленького крестить. А насчет Павлова подумай, пока он тебя не загубил. Все одно — не венчаны.

— Спасибо, отец Пантелеймон, за добрые слова. Мне они сейчас так нужны.

В соседней комнате раздался звонок телефона.

— Больше ничего рассказать не хочешь? — Отец Пантелеймон слегка напрягся, прислушиваясь к звонку.

— Про отца ребеночка, что ли...

Их разговор был прерван стуком в дверь.

— Кто это там?

В комнату вошла жена отца Пантелеймона — Ольга:

— Простите, но тут срочный звонок.

— Я же просил не беспокоить нас, — недовольно обратился к ней священник, но тем не менее подошел к дверям и взял у нее телефон.

Он разговаривал тихим голосом, но динамик в трубке был очень громкий, и Лена хорошо слышала весь разговор. Сперва она не прислушивалась к тому, о чем там говорят, но неожиданно ей показался знакомым голос на том конце линии. Она отчетливо услышала фразу и наконец узнала голос — это была Катя, обращаясь к священнику, она говорила:

— Отец Пантелеймон, мы с ребеночком вас ждем, сегодня в шесть, как договаривались.

— Хорошо. А чего звонишь-то?

— Так метелью подъезд к дому занесло, а чистить-то некогда мне, я выйду к шести на дорогу, путь вам осветить. Не опаздывайте, ладно?

— Хорошо. Жди.

Темная волна захлестнула сознание. Свет померк. Голова загудела. Этот голос... этот голос она бы узнала и во сне. Это какое-то наваждение. Ее же нет, она уехала! Этого не может быть! Значит, все ложь! Кругом один обман!

Отец Пантелеймон окончил разговор, положил трубку на стол и повернулся к Лене. Она была уже не в себе, она просто задыхалась от возмущения:

— Ждет с ребеночком! Это же Катин голос был! Это что за представление, батюшка? И здесь достала сучка!

— Что ж, врать не буду, тем более что это явно добрый знак от Бога. Подает Он его тебе, Лена, чтоб не боялась ты, рожала. Видать, простил он тебя, раз святая наша из монастыря позвонила. Хороший звонок.

— Хороший? *Estás loco!** Да ты охренел, Паня?! — Лена быстро вскочила со стула, да так, что тот упал. — Эта шалава еще и родила раньше меня! А ты все знал! А может, еще и Женьку к ней возил? За моей спиной. Иуда! Предатель! *Qué me maten!*** Поп липовый! А я-то, дура, душу тут перед ним изливаю, перед Богом его!

— Не богохульствуй, Лена! — Отец Пантелеймон попытался остановить ее изливания. — Не гневи Бога. Катя в монастыре, она почти святая — ей видения были. И ребенок ее жив — одним грехом твоим меньше. Радуйся.

— Щас! Одним меньше — одним больше. Вот, на́ забери, не верю больше ни тебе, ни ему. — Одним движением она сорвала с себя крестик и швырнула им в попа. — Разорву на тряпки сучку, а кобеля давно кастрировать пора!

* Ты с ума сошел! (*исп.*)

** Чтoб ты пропал! (*исп.*)

Она оттолкнула Пантелеймона от двери, резко выскочила, чуть не ударив дверью вовремя отскочившую Ольгу, и бросилась от дома бегом.

— Дура! Какая же я дура! — на ходу, не переставая, ругала она себя.

Обескураженный отец Пантелеймон посмотрел ей вслед, прикрыл дверь, встал на колени перед образами и начал молиться.

Через полчаса Пантелеймон встал с коленей.

— Ольга! Ольга, собери меня, я к Кате в монастырь. Ольга! Где ты? Куда она подевалась?..

Он еще раз окликнул жену, но к его удивлению, никакого ответа не последовало. Он, не торопясь, собрался сам, вышел во двор и остолбенел, увидев, как резко газует его машина, в окне которой промелькнули очки и платок Лены.

— О Господи! Не натворила бы бед, дура окаянная.

Пришлось идти на дорогу и ловить попутку. В такую метель желающих проехать по заснеженной дороге до деревни, где жила Катя, было не много. С трудом уговорив молодого парня довезти его, он наконец выехал. Дорога и вправду была ужасна, местами она обледенела, видимость была нулевая, приходилось сбрасывать скорость до минимума. Он опоздал, поэтому не был удивлен, что Катя не встречает его, как обещала. Подъехав к месту, отец Пантелеймон отпустил водителя.

Он не сразу заметил тело. Сперва он увидел свою машину, стоящую как-то боком, поперек дороги к дому, с распахнутой дверцей со стороны руля. Только обойдя машину, он разглядел припорошенную свежим снегом Катю. Все ее лицо было в крови, она без сознания, недалеко валялся разбитый фонарь. Отец Пантелеймон осторожно положил Катю на заднее сиденье своего «зубила», забежал в дом и, к своему облегчению, нашел там спокойно спящего ребенка. В доме не было никого, видно, женщины, живущие здесь, ушли

на всю ночь в монастырь и оставили Катю встречать его. Осторожно взяв девочку, он вынес ее из дому и тоже положил в машину.

Сев за руль, решил, что нужно все-таки сделать один звонок. Он набрал номер Павлова:

— Саша! Это отец Пантелеймон! Лена дома?

На том конце провода как-то нечетко ответили:

— Н-н-нет...

— Саша, случилась беда, — отец Пантелеймон торопливо заговорил, боясь, что его перебьют и не дадут договорить, — у Лены могут быть очень большие неприятности.

— Это точно. Будут, нах. — Как ни странно, Павлов с ним сразу же согласился. — Большие неприятности нах у нее и еще кое у кого — это уж точно нах. Я с ней сам разберусь — пусть только нах домой заявится.

— Подожди, Саш, — священник опешил, — ты что — уже все знаешь?

— Все нах. И даже больше. А твой звонок нах только подтверждает все. Вот уж не ожидал нах, что еще ты проявишься.

— О чем ты?

— О чем нах? О всем! Кирдык нах вашей попобратии, понял?

— Подожди, я сейчас приеду, ничего не делай!

— Поздняк. Нах.

Павлов бросил трубку.

Отец Пантелеймон снова набрал номер Павлова, но тот больше не ответил и вообще отключил телефон.

Отец Пантелеймон принялся набирать другой номер.

— Гриша! С Катей случилось несчастье! Я везу ее в больницу! Жди меня там!

Как мог быстро, он доехал до больницы, там его в приемном покое уже поджидал Григорий. С большой осторожностью они вытащили Катю из машины, Григорий сразу увез ее на отделение. Ребенка отец Пан-

телеймон отдал медсестре, а сам сел ждать в пустом больничном коридоре. Его мобильный резко зазвонил, взглянув на него, священник увидел, что это Павлов:

— Можешь забирать свою подружку нах. Я ее убил...

Пантелеймон чуть не выронил телефон, но раскидать не было времени. Он снова был за рулем и мчался к Павлову.

Дверь нараспашку — звонить и требовать, чтобы его впустили было незачем. На пороге лежал с проломленной головой шофер Лены — известный всему городу как Кинг Конг. За столом гостиной лежал, уронив голову на стол, с бутылкой в руке Павлов в полном отрубе, рядом с диваном — с окровавленной головой — Лена, под ней — бейсбольная бита — вся в крови.

Пантелеймон, переведа дух, первым делом сделал звонок в милицию, все подробно объяснил и сказал, что ждать их приезда не будет, нужно оказать помощь пострадавшей. Он на руках отнес Лену к машине и снова помчался в городскую больницу, где передал ее несчастному Григорию. Григория было не узнать — он как будто постарел на десять лет, на все вопросы о Кате качал головой. Лену срочно надо было на родильное отделение, но сегодня отмечали юбилей заведующего и весь персонал был не в состоянии что-либо делать, они не ждали никаких осложнений этим вечером и пустились во все тяжкие. Только одна пожилая медсестра с родильного была трезва и готова оказать помощь. Григорий, который и так валился с ног от усталости, был вынужден с этой медсестрой принимать у Лены искусственные роды. К их огромному облегчению, они справились — родилась здоровенькая и красивая девочка. Когда все было позади, Григорий держал девочку на руках и мог наконец расслабиться — перестать контролировать свои поступки и чувства. Он смотрел на девочку, и по его лицу катились

слезы, какие это были слезы, то ли радости, то ли горя, он и сам не смог бы ответить. Лена же была плоха, она не приходила в сознание, находилась в коме, и ее состояние не предвещало ничего хорошего.

* * *

Павлов прервал свой рассказ и обратился к Григорию, так и не убрав пистолет от виска дрожащей Кати:

— Ну что, Григорий, я — все нах. Теперь твоя очередь.

— Я не верю ни одному твоему слову, Павлов.

Молчавшая во время рассказа, Катя вдруг как заведенная затвердила на одной ноте начало своей медитации:

— Я Катя, Катя, КАТЯ...

Не обращая на нее внимания, Павлов продолжил разговор с Григорием:

— А мне плевать! Ну-ка быстро рассказывай нах, что дальше было! А не то порешу, на хрен, и ее, и тебя прям щас нах!

Гриша, уставившись в пол, начал говорить:

— В ноги он упал мне — вот что дальше было. Я над Катей сидел — она угасала, и я вместе с ней, а тут...

ГЛАВА 3

Коламская больница. Приемный покой

26.02.1999 00:15

В приемном покое стояла тишина и никого не было, не считая нервно меряющего коридор шагами отца Пантелеймона. Время от времени он останавливался, читал молитву и крестился. В покой, прогнав тишину, зашел тяжело шаркающий Григорий с гримасой боли на лице, за ним — пожилая медсестра. Она обратилась к хирургу:

- Григорий Борисыч, пойду я на отделение.
- Конечно, Валя. Кошмарный вечер.
- Мне очень жаль.
- Да-да, иди, Валя, отдохни.

Она посмотрела с сочувствием на Григория и ушла. Тот немного постоял и тяжело уселся за стол, обхватив голову руками.

Отец Пантелеймон, не выдержав напряжения паузы, спросил тихим голосом:

- Что, умерли?
- Девочка у Лены, три восемьсот, здоровая, в родильном.

— А Лена?

— Умирает, часа два у нее есть. Сердце. Как я устал!

— Что же ты сел здесь? Надо спасать их! Катя! Лена! Они же еще живы! — Отец Пантелеймон подбежал к Григорию и, схватив его за локти, поднял из-за стола. — Делай же что-нибудь! Может, их в Москву?

— Все. Все, что можно, я сделал. Я не Бог, отец Пантелеймон. — Григорий не сделал никакой попытки освободиться. — А Бог, если он есть, тоже сделал все, что мог. Моя Катя умирает у меня в больнице. Даже если случится чудо, она уже никогда не будет ходить, видеть, говорить — она просто овощ. МОЯ КАТЯ! Где справедливость, отец? Или справедливость в том, что Бог забрал и Лену тоже? Праведницу и грешницу вместе, чтобы никому не было обидно?

— Григорий! Очнись! Что ты несешь?! — Отец Пантелеймон тряс обмякшего доктора за грудки. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Молитесь, отец! Вы же верите в чудо! А я больше ни во что не верю — каждый раз одно и то же, стоит мне поверить, полюбить — у меня сразу же все отнимают, я не хочу больше верить, не хочу жить.

— А как же Аня, «маленькая Катя» — ей так нужен отец!

— А кто мне ее отдаст? Я ей никто!

— Григорий! Не распускайся! Соберись, ты же гениальный хирург! Господь с нами, Он просто испытывает нас — надо пытаться, надо бороться!

— Бесполезно! У Кати травма, несовместимая с жизнью, она жива только благодаря сильному сердцу. Ее жизнь можно поддерживать искусственно, но мозг уже никогда не восстановится, а Лене необходима срочная пересадка сердца. Это конец, отец. Аллес!

— Значит, Лену можно спасти? — В голосе отца Пантелеймона послышалась надежда.

— Нет, это бред, только теоретически. Я — дежурный врач в местечковой больнице. Сегодня суббота — кроме меня и Вали, трезвых никого в больнице нет, а если бы и были даже все врачи, на такую операцию квалификации ни у кого не хватило бы. Оборудование-то есть... Да и о чем вообще говорить, если органа для трансплантации нет.

— Сердце есть! — Отец Пантелеймон разжал руки, и Григорий сразу обмяк на стуле.

Он поднял голову и, глядя в глаза священнику, тихо, но убедительно произнес:

— Отец! Езжайте домой — вы переутомились.

Но отец Пантелеймон не думал сдаваться, он зашагал вокруг Григория, усиленно жестикулируя.

— Неужели ты ослеп, Григорий. Катя и Лена — сестры. Ты прекрасно это знаешь. Катино сердце может спасти Лену. Господь неспроста собрал нас всех здесь сегодня. Ты спасешь Лену, спасешь Катино сердце, вернешь жизнь человеку, взамен загубленной тобой жены, — это твой шанс, Григорий! Главный шанс в твоей жизни!

— Нет, нет и нет! Даже слушать этот бред не хочу! — Григорий вскочил со стула. — Это подсудное дело! Где согласие родственников? Да и какой бы я ни был гениальный хирург — без ассистентов я ничего не смогу, — это просто безумие.

— Это не безумие, это то чудо, которое во имя и с помощью Господа ты можешь совершить. — Отец Пантелеймон встал перед Григорием на колени. — Умоляю, решайся, Григорий! Я буду тебе ассистировать!

— Это как же?

— С Божьей помощью! А еще помогу тебе удочерить Анечку, чем бы ни закончилась наша операция.

— Встаньте отец, встаньте! Ну хорошо, хорошо, я попробую, хоть это безумие чистой воды. Звоните Жене, пусть скажет, что не претендует на отцовство.

— Прямо сейчас?

— У нас очень мало времени.

— Ты что ж, не веришь мне?

— Звоните, отец!

Пантелеймон вытащил из кармана мобильный телефон и, поглядывая на Григория, набрал номер. Ему довольно быстро ответили.

— Женя? А кто это? Виктор? Это отец Пантелеймон. Уехал в Москву? Навсегда? А что случилось? Не знаете? Виктор, а ведь вы врач, я правильно помню? Хирург? Виктор! Пожалуйста, ВО ИМЯ ВСЕГО СВЯТОГО! НЕ ВЕШАЙТЕ ТРУБКУ! Вас сам Бог нам послал! У нас беда, большая беда! Лена Павлова умирает! Вы можете приехать в больницу? Да! Прямо сейчас, каждая секунда дорога, я заеду за вами, через пять минут — я у вас! Не надо? Хорошо! Ждем. О Господи, слава Тебе!

Закончив разговор, он посмотрел на вопросительно глядящего на него Григория, затем медленно достал платок и вытер пот со лба. Только после этого он сделал попытку объяснить:

— Гриша, теперь я и правда верю, что у нас все получится. Виктор — Женин брат — хирург, он учился в Сорбонне. Вообще-то он не совсем он, скорее, она, но сейчас нам это не важно, лишь бы помог!

Гриша, посмотрев на попу как на душевнобольного, все-таки спросил:

— А наш танцор, значит, свалил в Москву от греха подальше?

— Да. Но я обещаю тебе, что все улажу с ребенком. Она же еще нигде не зарегистрирована. Ты знаешь мои связи — Аня будет с тобой.

— Я попытаюсь пересадить Катину сердце Лене. Но шансов на успех у нас нет. Это полное безумие. Ну ладно, я пошел готовить операционную. — Дроздецкий, не очень уверенно держась на ногах, вышел.

Отец Пантелеймон остался один. Немного постояв в раздумье, он опустился на колени и начал молиться.

Прошло не так много времени, как в приемную зашел Виктор — высокий молодой человек немного хрупкого телосложения, щеголеватого вида, в дубленке, с повязанным на шее платком.

— Что случилось, пастор? — пришедший без церемоний взялся за дело. — Только коротко и ясно, без всякой церковной ахинеи.

— Подонок Павлов проломил Лене голову, но это не главное. Ее больное сердце вот-вот откажет, — объяснил священник. — Она умирает. Спасти ее может только сердце донора...

Виктор, не дослушав до конца, торопливо перебил отца Пантелеймона:

— Ребенок! Что с ним?

— Ребенок жив. Искусственные роды — нормальная девочка.

— Отличные новости, падре. Да, денек выдался на славу. Что вам нужно от меня? — Виктор с интересом посмотрел на священника и деловито потер руки. — Вскрыть Ленин труп?

— Господи спаси! — Отец Пантелеймон быстро перекрестился. — Виктор! Что вы несете? Мы с Григорием решили на операцию, вы нужны нам, как воздух. Без вас не справимся.

— Бред какой-то. Вы что, обкурились, святой отец, какая пересадка здесь и сейчас? У вас крыша съехала

от горя. Я час назад закончил пришивать член брату, который отмахнула бритвой ваша Лена. Так что я Павлова не осуждаю. Езжайте домой, к семье, вы — поп, а не хирург, и потом, что вы собираетесь ей пересаживать? Сердце свиньи?

В дверь приемного покоя заглянула Валя. Увидев священника с посторонним мужчиной, тут же исчезла.

— Виктор! Прекратите нести этот грязный вздор! Опомнитесь, я вашу бабушку отпевал!

— Вот и Лену отпоёте.

— У вас нет сердца, Виктор!

— У меня-то есть, а вот у вас — вряд ли. Что вы будете пересаживать?

— Сердце Кати Петровой.

Виктор присвистнул и, подняв одну бровь, спросил:

— Вы, что ли, Катю грохнули, чтобы Лену спасти?

Это не город, а цирк маньяков! Поп-убийца, выбирайте, куда мне звонить в милицию или в дурку?

— Ох, Виктор, не гневите Бога и меня, я страшен в гневе. Катю сбила машина за час до убийства Лены. Я сам ее привез.

— Странное совпадение. Она тоже была беременна. Тоже спасли ребенка?

— Две недели назад родила. И тоже девочку.

— Как интересно... Я так понимаю, что обе они — мои племянницы, да и покойницы, кстати, были сестрами.

— Как не стыдно, — священник снова перекрестился, — они же еще обе живы. Отбросьте свой цинизм — помогите нам! Я не сумасшедший, знаю, что шансов почти нет, но у Григория — золотые руки. Его Москва зазывает, и в вас я тоже верю — у вас ведь вся семья — таланты!

— Ну да, мама поет, Женя танцует, а я члены пришиваю и сердца пересаживаю. О! А вот и золотые руки!

Вошел Григорий, хмуро, без приветствия, посмотрел на Виктора, протянул отцу Пантелеймону халат и тихо произнес:

— Операционная готова, Валя все сделала. Наденьте это, отец Пантелеймон.

— Черт! — Виктор снова присвистнул. — Вы и правда собираетесь это сделать, крейзи?

— Они так похожи, — Григорий говорил ни к кому не обращаясь, как будто сам с собой, — даже головы пробиты почти в одних и тех же местах. Я сделаю это назло всему свету.

— Фу! Да он же пьян! От него несет, падре!

Григорий вытянул перед собой абсолютно не трясущиеся руки:

— Я не пьян, это анестезия. Мне сейчас придется вскрыть грудную клетку любимой и забрать ее сердце.

— А я вот изрядно выпил коньяку. Да, крутые вы ребята. Пожалуй, я составлю вам компанию.

— Господи, слава Тебе! Виктор, я знал, что вы добрый человек, вы делаете богоугодное дело, и знайте — вам это зачтется.

— Ой-ой-ой... Вот этого не надо, я не верю в Бога и не хочу слушать эту ересь, я верю в удачу. Если наша безумная затея прокатит, я хочу, чтоб вы помогли мне удочерить ребенка Лены. Или попросту отдали его мне.

Неожиданное желание Виктора застало отца Пантелеймона и Григория врасплох, они замерли и в один голос воскликнули:

— Что?!

— Да! Таков мой гонорар за участие в операции века, а также за молчание. Я, ребята, простите за грубость, держу вас сейчас за яйца, так что решайте! Я известный, богатый хирург-пластик, и все у меня есть, кроме детей, не может их у меня быть — ваш Бог не дал, а братцу моему — сверх меры дал. Короче, не хочу, чтобы родная кровь попала в чужие руки. Готов любить и пестовать племянницу как родную дочь.

— У нас нет выбора. — Отец Пантелеймон с надеждой на понимание взглянул на Григория. — Дочь — так дочь. Без вас нам Лену не спасти, скажем ей, что не выжила девочка, возьмем грех на душу.

— А может, ну его — этого... Виктора... — Григорий был не рад обороту, который принимала их безумная затея.

— Вы тоже мне абсолютно не симпатичны, — успокоила его травести. — Но подумайте — куда им ребенка — бандиту и шлюхе. Тем более что бандит выйдет из тюрьмы и просто сживет со света не свою дочку.

— Решено, братья, давайте приступим. С Богом, — перекрестился отец Пантелеймон.

— Пойдемте со мной. — Григорий пошел вперед, указывая своим ассистентам дорогу к операционной.

ГЛАВА 4

Там же. Реанимационная палата

26.02.1999 04:00

Она была прекрасна. Если не замечать зияющей раны на голове, то можно было подумать, что человек просто спит — мирно спит, прикрывшись простыней до подбородка. Ее лицо было так спокойно... Смотреть на это не было никаких сил. Григорий, весь испачканный кровью, сидел рядом с каталкой, на которой лежала Катя, и рыдал в голос, не стесняясь присутствующих. Отец Пантелеймон молча отмывал от крови операционный стол, только изредка прерывался, смотрел на плачущего Григория, качал головой и сосредоточенно продолжал свою работу. Виктор изумленно наблюдал за показаниями приборов — многочисленные трубки капельниц и провода опутывали прооперированную Лену. Она дышала, ее грудь мерно вздымалась под простыней. Были слышны всхлипывания Григория:

— Своими руками... Своими руками...

— У тебя золотые руки, Гриша, — отец Пантелеймон оставил свое занятие и с трудом разогнулся, — и золотое сердце. Ты сделал то, чем будут гордиться твои правнуки.

— Да, золотые руки. И этими руками я задушил жену и вырвал сердце любимой.

— Гриша, — отец Пантелеймон подошел к Григорию и встал перед ним, — прекрати, зачем ты губишь себя?

— Коллеги, — привлек их внимание Виктор, — послушайте, я боюсь в это поверить, но, похоже, у нас получилось — два хирурга и поп сделали невозможное! Поздравляю вас! Жаль, конференции в Европе нам не светят и наград нам не дожидаться.

— Жизнь Лены — вот наша награда. — Отец Пантелеймон сурово посмотрел на говорившего.

— Да уж, натворили! — Григорий поднял голову. — Что у нас теперь есть: ребенок без матери, мать без ребенка, бандюга, который теперь получит по минимуму...

— Счастливый поп и безутешный душитель... — вставил Виктор.

— А также хирург непонятного пола, шантажом получивший чужую дочку.

— Ребята, прекратите, вам от Бога такой дар достался, вы только что чудо сотворили. Не надо, не пачкайтесь, посмотрите, какие они красивые — сестры Сальваторес, как они похожи друг на друга, враги в жизни — теперь навсегда вместе.

Григорий не смог этого вынести — он вновь зарыдал.

— Практически одно лицо! Йес! Йес! — Виктор радостно запрыгал по операционной, и остановился перед священником. — Падре, вы просто гений!

— Я не понимаю, — насупился отец Пантелеймон.

— Я за пару дней сделаю из Лены Катю и наоборот.

— Но зачем?

Григорий престал плакать и изумленно посмотрел на Виктора, тот продолжал:

— Коллега, как думаешь, с такой черепно-мозговой ей ведь сто проц обеспечена полная амнезия?

— Думаю, да. Железно.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал священник, — родных, кроме Павлова, у них не осталось.

Григорий поправил отца Пантелеймона:

— У Кати мама в Петелино.

— Только тело — разум навсегда ее покинул. Если Виктор сделает, как сказал, а после этой ночи я в это верю, мы сможем дать Лене вторую жизнь... Господи, прости! Конечно, не мы, конечно. Он нашими руками, вот в чем был Его замысел! Гриша — Анька получит маму, ты воспитаешь Катю из Лены, я знаю, какой ты терпеливый, заберешь ее в Москву, я все тылы здесь прикрою, с Валею поговорю — она верующая, скажем ей — не стали пересадку делать — побоялись. Виктор, за выходные сможешь лица им поменять?

— Ну да, отосплюсь сегодня, за две ночи с ассистентом Гришей управимся.

— А с ментами как — сегодня же приедут? — уточнил Григорий.

— Покажешь им Лену, а в понедельник зафиксируешь смерть и покажешь им Катю.

— Это полное безумие, безобразие и абсурд, но я действительно хочу жить с Аней и хочу, чтобы у нее была мама с Катиным сердцем.

— Значит, процесс пошел, коллеги, — констатировал Виктор.

Отец Пантелеймон взглянул по очереди на обоих и с торжественной интонацией произнес:

— Мы должны принести клятву, что будем молчать, потому что если кто-то когда-нибудь узнает. Павлов, например...

— Жалко, он вышку не получит — отмажут, — сказал Григорий.

— Да понятно все, не маленькие. Я, падре, тебя на год старше, — у Виктора в руках блеснул скальпель, — может, кровью? — предложил он.

— Хватит крови, — не поддержал шутку отец Пантелеймон, — просто дадим слово — молчать и не теряться из виду. Это в наших общих интересах.

Виктор с Григорием, переглянувшись, согласились дать клятву.

— Аминь!

— Ну что, идите уже, вам, отец Пантелеймон, на службу скоро, а с тобой, Женин брат, мы вечером увидимся. Я теперь в больнице поживу, все равно все мои здесь.

— А когда я смогу забрать свою Катю?

Григорий непонимающе уставился на Виктора и с угрозой в голосе спросил:

— Кого?

— Дочь.

Отец Пантелеймон прервал их пререкания:

— Не надо сейчас здесь лишний раз мелькать, она в родильном, вместе с сестричкой. В понедельник мы вам ее отдадим тихонько.

На этом все. Пожав руки друг другу, расстались. Отец Пантелеймон и Виктор вышли из операционной, тихо прикрыв за собой дверь. Григорий остался один, он окинул рассеянным взглядом все помещение, затем вернулся к каталке с Катей, сел рядом с ней, уронив ей на живот голову, и так и уснул.

* * *

Закончив свой рассказ, Григорий обратился к внимательно слушавшему его Павлову:

— Я закончил. А даже если и правда то, что тебе, Павлов, поп рассказал — я ее все равно прощаю, потому что теперь это другой человек — светлый и добрый.

— Другой человек... святая... Вот заладили нах — что ты, что поп. Да она нам всем жизни перепахала! Ким, Катя, я, ты... и еще бед наделает нах. Я все равно конченный — хоть мир от зла по имени Лена избавлю.

Тем временем поведение Кати наконец переменялось — она повернулась к Павлову и, глядя ему в глаза, твердо произнесла:

— Я — Катя, ты слышишь, Катя! Я — Катя и никого не убивала, стреляй, если хочешь, — только его отпусти.

— Гляди-ка нах — очнулась.

Словно по волшебству, во всей квартире моментально вспыхнул яркий свет. Все на мгновение ослепли и зажмурились. В спальню, так же жмурясь, прикрывая глаза одной рукой, вошла заспанная Аня с калейдоскопом в другой руке.

— Мама, папа, что случилось, электричество, что ли, дали... — Привыкнув к свету, девочка увидела в комнате неприятного незнакомца. — А это кто?

Ее вопрос был словно командой «на старт», Катя молниеносно рванулась со своего места и, как нелепая, жалкая птица, накрыла собой маленькую Аню. На голой худой Катиной спине под ярким светом люстры беззащитно торчали позвонки. Она, стоя на коленях и обнимая Аню, ласковым дрожащим голосом попыталась ее успокоить:

— Все хорошо, деточка, все хорошо. Это просто игра.

Одномоментно с женой Григорий сделал неожиданный рывок и оказался перед Павловым. Он встал перед ним, закрыв глаза, и широко раскинув руки, грудью заслонил семью. Павлов, не ожидавший такой прыти от четы Дроздецких, не понимая, что делать, неуверенно застыл с пистолетом в вытянутой руке. Через мгновение он пришел в себя, спрятал пистолет в карман и в сердцах сплюнул. Глаза его подозрительно увлажнились.

— Тыфу на вас, семья уродов! А может, и правда ей вместе с сердцем душу добрую пересадили? Скажи, Айболит, душа-то не в сердце? Ты-то должен знать. Глаза-то открой? Нет, точно не Ленка! Моя б так за дите не билась нах, еще и за чужое.

— Молчи, дурак! — Григорий открыл глаза. — Катя, ты как, как Аня?

Катя, не поворачивая головы, продолжая обнимать девочку, отозвалась:

— Я нормально, нормально.

Аня, которая ничуть не испугалась, из-за плеча матери спросила:

— Я тоже, а во что мы играем?..

Павлов, окончательно раскиснув, окинул взглядом комнату и обратился к Григорию:

— Да пошли вы все нах! Где у вас тут кухня? Докторишка, пойдём нах — покурим да выпьем водки: за любовь да за души спасенные. Устал я что-то...

ГЛАВА 5

Квартира Дроздецких

14.01.2007 02:00

Катя накинула на себя халат и пошла укладывать Аню. Переживая, что девочка может не уснуть, она дала ей успокоительное. Когда Аня была уже в постели, Катя погладила ее по голове, укутала, как следует, одеялом, поцеловала и вышла из детской. Как только дверь за матерью закрылась, Аня сразу же откинула одеяло и достала из-под него калейдоскоп. Прильнув к окуляру, она начала медленно крутить колесо. На ее лице сразу же заиграла счастливая улыбка, она, не отрываясь, внимательно следила за появлением все новых и новых красочных миров.

Катя, выйдя из детской, направилась по коридору в кухню, где слегка закосевший Павлов, сбросив нако-

нец куртку и засучив рукава свитера, по-хозяйски наливал Григорию водку.

— Я, сука, Лену любил больше жизни, веришь нах?

Катя прервала его монолог:

— Может, хватит на сегодня, Павлов?

— О! — Павлов обернулся на ее голос. — Вспомнила нах!

— Вспомнила! Я много чего помню. За двоих.

— Катя, ты приняла таблетки? — забеспокоился Григорий. — Может, тебе лучше прилечь? Я справлюсь.

— Справишься? С чем? С водкой, с Павловым, с собой? Или с новой информацией?

— Нет уж, сиди, Лен нах. Выпей с нами. Добро пожаловать в наш клуб убийц.

— Извините, но я никого не убивал! — тут же взвился Григорий.

— Я тоже, и скоро вам докажу это. — Катя многозначительно посмотрела на обоих.

— Все мы тут никого не убивали нах. — Павлов ухмыльнулся. — Я-то уж точно, да, Лен?

— Гриш! — неожиданно обратилась Катя к своему сидящему со свежей повязкой на голове мужу. — А зачем вы детей поменяли? Если б я с Катей жила, а Вика с Аней, у вас бы все прошло. Я б тогда ни на что не среагировала. В наказание, что ли? Наша дочь теперь с извращенкой живет!

— Правильно Айболит сделал! Если бы он с тобой и твоей дочкой жил нах, значит, вы меня просто кинули. Я б вас без разговоров порешил. А так — живите, хрен с вами. Вот и поп ныл — Гриша с Леной святые с чужим ребенком живут!

— Я просто хотел воспитывать Катину дочь! Извини, но ты для меня Катя, я столько с Катей пережил, пока Анька родилась, она моя вдвойне.

— Во, черт. Как все запуталось нах. Кто отец Катин-маленькой, Лена, — я так и не понял?!

Долгий звонок в дверь не дал женщине ответить.
— Кто это? — Павлов сразу напрягся.
— Это охрана, — пояснил Григорий, — наверное, проверяют.

Катя встала и направилась к дверям:

— Сидите, я их отправлю. Не бойся, Павлов, не для того я тебя из тюрьмы вытащила.

— Ну вот, — Павлов обратился к Григорию и залпом опрокинул стопку, — я ж тебе говорил нах. Мутит она опять.

— Я ничего не понимаю.

Катя вернулась на кухню в сопровождении высокого молодого человека в гражданском костюме, но с военной выправкой.

Григорий обратился к вновь прибывшему:

— Вы из охраны?

Парень помотал головой.

— Познакомьтесь. Это Сергей — частный детектив, я его наняла.

— Зачем? — Григорий непонимающе посмотрел на Катю.

— Я тебе говорил! — При этих словах Павлов вскочил и попытался достать пистолет, но Сергей уверенно и быстро отобрал оружие, завалил бандита лицом на стол. Тот заголосил: — А-а-а, больно, пусти, мент. Зря я вас, чертей, пожалел, а-а-а.

— Хватит, Сережа, — Катя положила руку на плечо атлету, — отпусти его, а ты, Павлов, не вопи, веди себя прилично, никому ты не нужен. Просто мы с Сергеем хотим тебе и Грише кое-что рассказать, кое-что очень интересное.

— Катя! — вмешался Григорий. — Что все это значит?

— Это значит, что, если б Сергей не застрял в лифте, нам не пришлось бы дрожать под дулом Павлова.

— Катерина Федоровна! — начал оправдываться Сергей. — Я его до парадной вел. Он по лестнице, я в

лифт. Кто ж знал, что он электричество в подъезде вырубил, еще и мобильник умер, как назло.

— Пешком ходи, сыщик нах, — процедил сквозь зубы прижатый к столу Павлов. — А как я еще сигналку бы отрубил, дубина.

— Катя, я требую объяснений. — Григорий продолжал непонимающе смотреть на Катю.

Сергей осторожно, по сигналу Кати, отпустил Павлова, и тот распрямился, сел, хрустя плечами.

— Катя?! Долго ты ее еще будешь так называть нах? Она Лена, узнаю хитрую суку Павлову нах! Видишь, док, она уже мужиков домой водит.

— Гриша, объяснения будут. Подробные. Павлов, я теперь Катя, уясни себе навсегда. В моей пробитой башке еще живут воспоминания о нашей любви, поэтому ты здесь, а не в тюрьме, так что заткнись на время. А в моем Катином сердце, кроме любви к тебе, Гриша, живут боль и обида, поэтому вам придется меня выслушать. Я докажу вам, что ни в чем не виновата, а Сергей мне поможет.

— Ну давай, удиви нас нах.

— Я вспомнила, кто я, через неделю после вылазки в Коламск. И мне сразу стало очень легко. Я искала Катю, а нашла себя. Прости, Гриш, что я не открылась тебе сразу. Боялась потерять тебя, да и нужно было разобраться. Мне столько наговорили про Лену, а я помнила про себя в основном хорошее.

— Пипец, как интересно нах.

— Это особенности нашей памяти, — помог Кате с объяснениями Сергей.

— Тебя забыли спросить нах.

— Да помолчи ты, психопат! — зашипел на Павлова Григорий.

— Я вспомнила свой последний день буквально по минутам и точно знаю, что не была у Жени после исповеди. Я психанула, погнала Кинг Конга к монастырю, но скоро успокоилась, ребенок во мне завозил-

ся, живот потянуло, я испугалась, развернулась обратно, и мы стояли часа три у больницы, я ревела Кинг Конгу в плечо, боялась идти. Потом вроде отпустило, и мы поехали домой.

— Правильный выбор нах. В больнице был Гриша, а дома я — злой, пьяный в дым и с битой в руке.

— Понятно, — тихо сказал Григорий. — Это все? Где, кстати, сейчас этот Кинг Конг?

— Бывший персональный водитель и телохранитель Елены Павловой, Клишко Юрий Павлович, тысяча девятьсот семьдесят третьего года рождения, глухонемой, человек огромной физической силы, получил пятнадцатого января тысяча девятьсот девяносто девятого года травму черепа от гражданина Павлова... — начал зачитывать Сергей.

— Короче, урод! — зарычал на него Павлов.

— ...уехал в Москву после похорон Павловой Е. В., претензий к ее мужу-убийце не предъявил. В Москве погиб через месяц в пьяной драке, говорят, пил не просяхая и буквально сам полез на нож. Похоже, смерти искал.

— Плохо дело нах, нет свидетеля, Ленка.

— Давайте помянем Юру, — грустно произнесла Катя, — не было у меня друга верней, да, наверное, и не будет. А тебе, Павлов, повезло. Убил бы он тебя, как ты вышел.

— Ха! — оскалился Павлов, но выпил вместе со всеми.

— Ты, Гришенька, больше не пей, пьянеешь быстро, а я хочу, чтоб ты все, что сейчас услышишь, понял, хорошо?

— Хорошо, — покладисто согласился с Катей Григорий.

— Вообще-то, может, и неплохо вышло, Сережа, что ты в лифте застрял. Пока ты там сидел, меня тут, кроме оскопления, еще в двух убийствах обвинили.

— Ничего себе! — присвистнул детектив. — Хорошо, что мы подготовились.

— Понятно. В отказку Ленка пошла. Я — не я, кругом чистая нах, никого не трогала. Ой, люблю — не могу.

Катя, не обращая на слова бывшего мужа никакого внимания, продолжила:

— Вот и стала я думать, голову ломать — если не я, то кто же Женю обкорнал.

— Да. Кто же нах?

— Женя говорит, что видел меня, но он же почти слепой, и света не было. Слышал меня, но меня ли? Голос был хриплый, а от страсти ли? Поп в машине видел лицо всего долю секунды — платок, очки, — что он там еще мог разобрать. Про Ким кто говорил — та, кто Женю резала. Вывод какой?

— Ты — святая. — Павлов громко заржал.

— Тебя подставили, — согласился Григорий, не обращая внимания на Павлова. — Но кто?

— Вот я и стала думать, кто. Если Катька, то кто ее убил?

— Только не она! — возмутился такому предположению Григорий.

— В общем, ничего я не придумала и решила искать не человека, а причину. Тут ко мне очередные воспоминания вернулись — и причина сама собой объявилась. Самая обычная. Вечная причина!

— Любовь? Ревность нах?

— Нет, Павлов, всего лишь деньги.

— Мои, что ли, нах.

— Нет, большие деньги, правда, Гриша? Что же ты молчишь? Понимаешь теперь, почему я тебе не открылась. Таблеточки-то твои мою память не возвращали, а тормозили. Почем клятва Гиппократ у Светёлкиной, а, милый? А может, вы с попом восемь лет назад все уже поделили, расписали, и ты, добрый доктор, меня только до кондиции доводил, чтоб мальчонку те-

бе родила — золотого мальчика, которого Катя тебе так и не смогла родить.

Гриша, косо взглянув на свою жену, одернул ее:

— Постыдись, что ты несешь! — и перекрестился на икону.

— Опять шиза какая-то пошла нах, ни хрена не понимаю.

Сергей тем временем доставал из папки какие-то документы и раскладывал их на столе. Подготовившись, он прокашлялся и начал объяснение:

— Отец Сальваторес Геннадия Андреевича, дон Адриано, завещал ему, так как других сыновей у него не было, крупную сумму денег, пять миллионов евро, и родовое гнездо на берегу моря в Бенальмадене. Но вступить в права наследства мог только кровный внук Папагена, так как в момент составления завещания Папаген сидел в тюрьме за развращение малолетних. Об этом завещании знали только две признанные перед смертью Папагеном дочери — Катя и Лена. И еще — отец Пантелеймон. У Папагена была еще одна дочь, но она к нему не приезжала, на что он сильно сетовал врачу больницы Сидорову А. М. — эту старшую дочь мы так и не нашли, зато нашли...

— Подожди, Сережа, — рановато. Гриша, Богом клянись, что ничего про наследство Папагена не знал! Чтоб Катька тебе не сказала — в жизни не поверю.

— А я почему ничего не знал нах? — вмешался Павлов.

— Да погоди ты, — одернул его Григорий. — Знал, знал — врать не буду, говорила Катя. Я сначала думал — бредит, а потом, когда она в Бога поверила — поклялась, — понял, что это правда. Ну и что дальше? Я тебя с твоим больным сердцем всю беременность вел, знал от тебя, что мальчика ждешь. Если б я таким подонком был, я б сто раз от тебя избавиться мог.

— Это так. Я об этом думала, и Катя ведь знала, что у меня мальчик.

— Знала и радовалась. Катя у меня на руках заново родилась — добрее и чище человека я не знал — работала в монастыре, как все. Так старалась, бедненькая. Мы ее от тяжестей берегли, как могли, все равно на два месяца раньше срока родила.

— Хорошую девку родила нах. «А во что мы играем, а?» — Павлов, кривляясь, передразнил Аню.

— Ты, Лена, всех под себя не мерь — у меня даже мысли такой тогда не было, — с укоризной сказал Григорий. — А сейчас тебе родить — раз плюнуть — Катю сердце выдержит. Если б мне твои миллионы нужны были — я б тебе еще лет пять назад ребенка подогнал, а память мы тебе тормозили, чтоб она тебя не убила — ТЕБЯ — КАТЮ, а не ЛЕНУ.

— Все равно не поверю. Ленин мозг не поверит, что соблазна не было у вас с Катюхой от мерзкой шлюхи-Лены избавиться и еще мальчишку настругать. Мозг не поверит, а сердце доброе верит. Только вот на сколько его хватит — сердца этого. Вот ведь как. Расслабься, Гриша, люблю я тебя. Просто проверяла.

— Маладца. Доверяй, да проверяй нах, богатая невеста. Нас, кстати, с тобой никто не разводил! Ты ж жена моя, Ленка. Отвечай, почему про миллионы ничего не сказала нах, — боялась отберу?

— Боялась сглазить. Думала, рожу — скажу. А потом, Павлов, я как раз тебе все сказать хотела, а ты мне по башке битой.

— Ну прости нах. А если б померла — как с наследством?

— А для чего я к попу исповедоваться бегала — Паня бы все устроил, проконтролировал.

— Ну чего, подруга, кому миллионера рожать будешь — мне или Айболиту?

— Тоже мне, Бармалей, — хмыкнул Григорий.

— Обломись, Павлов. Нету миллионеров. Что, Гриша, будешь меня такую любить? Лену-Катю-бесприданницу?

Гриша молча, глядя на Катю-Лену, сдаваясь, поднял руки.

— Опять шиза пошла нах.

— Проверили мы это завещание — и как это до сих пор никому в голову не приходило, — подал голос Сергей, — копию взяли у нотариуса, запрос послали в Испанию — ну и получили официальный ответ. Завещание — липа. Вот, пожалуйста, смотрите. — Он, переложив несколько бумаг, нашел нужную и протянул Григорию, у того ее из рук грубо выхватил Павлов. — Похоже, дон этот расстроился из-за морального облика сына и решил его перевоспитать таким вот оригинальным способом. Большой сумасброд.

— Ну, крутяк нах... Я за пять минут нашел и потерял пять лимонов баксов.

— Евро, — поправил Сергей Павлова. — Но это уже не имеет значения.

— А я так очень рад. Большие деньги — большие проблемы. А тебя, моя Катя-Лена, я люблю и буду любить, даже если ты к Павлову уйдешь.

— Никуда я от тебя, Гриша, не уйду.

Катя потянулась через стол и поцеловала Гришу.

Павлов налил себе рюмку, выпил одним махом и резко поставил пустую на стол.

— Ну вот опять нах — семейная идиллия.

Катя невозмутимо продолжала:

— Теперь, ребята, самое главное. Нашли мы с Сережей паршивую овцу. Покажи им, Сергей.

Сыщик деловито достал из папки пачку фоток.

— Смотрите.

Павлов первым протянул руку и взял фотографии:

— Ленка, да это ж ты, нах.

— Господи боже. — Григорий встал у него за спиной и, не отрываясь, смотрел на фото.

— Ого, стриптиз перед зеркалом, нах.

— Не может быть — это же Ольга, — тихо сказал недоумевающий Григорий.

— Точно! Попадья, нах! Зачем она в тебя наряжается и красится, как ты восемь лет назад.

— Какой кошмар!

— Сфотографировано ровно два месяца назад, — пояснил Сергей, — она это делает каждый раз, когда дети спят, а попа нет дома. Еще у нас есть видео со звуком — она грязно ругается и называет себя Леной. Вышли мы на нее четко — за эти восемь лет только один человек заказал идентификацию родства с ДНК Папагена, образец которой он оставил в больнице перед смертью.

— Чё за процедура? — оторвался от созерцания фотографий Павлов.

— Все равно не поймешь, — зло оборвал его Григорий. — Неужели Ольга?

— Да-да, она, серая мышка, невзрачная такая — четыре дочки, тень Пани — оказалась моей тайной сестрой.

— Молодец, Папаген, нах, пол-Коламска перепортил.

— Ее формальный отец, электрик, до сих пор ничего не знает. Узнает — сразу жену приберет, а дочке мать по секрету шепнула, видать. А значит, когда я исповедовалась — подслушала она, ну и слетела с катушек, — побежала конкуренток убирать.

— А ведь это она нах мне ваш адрес в карман подсунула.

— А я и не сомневалась в этом.

— Знаем мы — я ведь тебя от тюрьмы пас, — добавил Сергей.

— Ну, допустим, Ольга Катю сбила, тебя под Павлова подставила, — начал логически рассуждать Григорий. — А зачем она Женю уродовала?

— Страховалась, — пояснил детектив. — Лена обещала, а она выполнила. Еще и про Ким сказала Жене.

— Женя-то полумертвый был, — скептически заметил Григорий.

— Это не важно — она в роли была, — продолжал Сергей. — Ольга эта ваша — типичная пограничница.

— Это как?

— Ну, почти шизофреничка, — помогла с объяснением Катя. — Она понимает, в отличие от больных, что делает. Но делает абсолютно безумные вещи.

— Она играет в Лену. Только по-настоящему. Почти раздвоение личности, но сознательное.

— Ревновала она ко мне Паню всегда. Не без почвы. Любовь у нас с ним в школе была.

— Бля. Это когда я сел в первый раз нах?

— Вы ж — одноклассники. — Григорий не понял, как мог школьник Павлов сидеть.

— Павлов два раза на второй год оставался, — пояснил Сергей. — После восьмого — на улицу, в банду, в тюрьму.

— Молодец, нах, зачет тебе по моей истории.

— Паня и женился-то на Ольге, потому что она на меня похожа была. Следила она за нами, подслушивала, ревновала, почем зря. Не бойся, Павлов, у меня с Паней после школы ничего не было.

— Я знаю нах, я верю.

— А Ольга не верила и с ума сходила. Ну и сошла, похоже. Стала тайно, как я, одеваться, может, и по городу так по ночам шастала. Сейчас-то как узнать? Ким твою, Гриша, она, похоже, задушила, когда в роль мою вошла.

— О господи! Что за бред?!

— Ну да, согласна, слабое место. Пора ее за жабры брать — пусть все сама расскажет. Паню жалко. Он, похоже, ничего не знает про свою тихоню.

— В тихом омуте... — Павлов зло осклабился.

— Да, в каждой избушке свои погремушки, — режюмировал частный сыщик.

— Спасибо, Сережа, за работу. Дальше я сама со своими мужиками справлюсь.

Сергей встал из-за стола и стал прощаться.

— Извините еще раз за лифт. — Он протянул папку с документами Кате.

— Пистолет отдай, — буркнул Павлов.

Сергей вынул из кармана пистолет и протянул его Павлову, тот сразу же наставил его на него.

— Смотри, сыщик, нах, ты теперь знаешь до хрена лишнего.

— Спокойно, я могила тайн. — Сергей, чтобы не нервировать Павлова, слегка поднял руки.

— Павлов, прекрати, — обратилась к нему Катя, — Сергей все отлично понимает, да, Сергей?

— До свидания. — Сыщик улыбнулся и зашагал к выходу, в дверях он обернулся: — А лучше — прощайте.

Гриша поплелся проводить детектива, а когда вернулся на кухню, то застал Катю, стоящую над Павловым и массирующую ему плечи.

— Он же тебя два раза чуть не убил. — Гриша покачал головой и уселся на свое место.

— Не ревнуй, милый, это всего лишь мое прошлое. — Катя перешла от Павлова к Григорию и начинала массировать плечи ему.

— Я понимаю, ты все это так оставлять не собираешься, — он недовольно дернулся, скинул ее руки со своих плеч, — хочешь, чтоб мы в Коламск поехали и с Ольгой разобрались.

— Милый, разве не пора поставить точку в этой скверной истории?

— Чё, валить, что ли, попадью? У ней — четыре девки по лавкам нах. — Павлова явно развезло.

— И куча трупов под лавками. Я считаю — надо все Пане показать и рассказать, пусть сам решает, что с ней делать, — процедила Катя-Лена.

— Завтра поедем, — сказал, подумав, Григорий. — Нужно только Вику с собой взять — пускай поприсутствует.

— Кто такая? — Павлов подозрительно встрепенулся.

— Увидишь завтра. Няньку с утра выпишем — и поедем. Павлов, иди в гостевую комнату спать. Хватит бухать, уже литра два залил, — резюмировала Катя-Лена.

— Зальешь тут нах под такие истории.

— Этот уголовник что, будет с нами жить? — Григорий кипел от негодования.

— До утра будет, а куда его — обратно на крышу?

— Может, сразу в спальню — кровать большая.

— Господи, Гриша, эта ночь просто адский ви-негрет какой-то. А у тебя еще есть силы ревновать. Отведи Павлова в комнату, я уже просто вырубаясь.

Она ушла, оставив мужчин одних.

— Ну что, Бармалей, вставай.

Павлов с горечью посмотрел на бутылку — она была пуста, поняв, что больше ему не нальют, он поднялся:

— Пойдем, Айболит, намутила нах опять наша баба.

— Ох, намутила.

Григорий повел «гостя» в комнату и, выдав ему свежее белье, быстро ретировался.

ГЛАВА 6

Квартира Дроздецких. Спальни

14.01.2007 ночь-утро

Все под впечатлением пережитых откровений быстро отключились, даже Григорий, возмущенный, что у них в доме ночует уголовник, мгновенно уснул, как только голова коснулась подушки. Забывшись тяжелым алкогольным сном, он не заметил, как быстро остался в постели один.

Дверь в гостевую распахнулась, будто порывом ветра, и с такой же скоростью захлопнулась. Под одеяло

к храпящему Павлову юркнула быстрая тень, и уже через секунду храп сменился на любовные стоны и хрипы, одеяло улетело, убежала простыня, и стены содрогнулись от невиданной схватки двух изнемогающих от страсти тел. Через десять минут на поле брани все стихло. Обнаженная Лена-Катя лежала на спине, раскинув бесстыжие ноги и тонкие руки и положив голую голову на тяжело вздымавшуюся, синюю от намокания, волосатую грудь бывшего мужа. Павлов лежал, закрыв глаза, как бы не веря свалившемуся на него счастью, и нежно перебегал правой грубой ладонью-лопатой по изгибам жаркого тела любимой женщины. Вот его заскорузлые пальцы соскользнули с трепещущей левой груди на длинный шрам, и предательская слеза выкатилась из глаза человека-скалы.

— Ленка, родная... Что ж я накосячил-то так? Все погубил нах...

— Расслабься, Павлов. Все прошло.

— Если б ты знала, как тяжело чувствовать тебя, а видеть чужое лицо... Мне нужна простая баба, а не клубок страстей, загадок и проблем нах. Но ни с кем мне не будет так хорошо, как с тобой сейчас. Понимаешь нах?

— Павлов! Ничего сейчас у нас с тобой не было. Понял? Я просто немножко уступила блудливому телу, но мое сердце не с тобой, оно с Гришей. Так что не парься, тебе просто приснился классный поллюционный сон.

И, потрепав павловский упрямый ежик и бычьей шеей, Лена-Катя, как привидение, резко исчезла из задыхающей от любовных испарений комнаты.

Настало утро — впереди был нелегкий день, который наверняка потребует от них мобилизации всех моральных сил. Григорий проснулся первым, бесшумно прошелся по квартире, чтобы не побеспокоить Катю, и теперь тихо лежал, закинув руки за голову, наблюдая

за ней. Он пытался разобраться в своих чувствах к этой женщине, но ничего не понимал. Его размышления были прерваны женой, которая проснулась от его тяжелого взгляда.

— Нянька приедет через час, — доложил Григорий Кате, — тогда же и Вика с дочкой подойдут. Анька спит. Павлов тоже. Храпит, как паровоз. Может, придушить его?

— Расслабься, милый, шутишь натужно. — Катя потянулась. — Хватит уже насилия.

— Расслабиться. А как? Я ничего не понимаю, теряю семью, мой мир рушится на моих глазах. Я люблю тебя, люблю КАТЮ, а ты снова не КАТЯ, и я вообще запутался.

— Перестань. Я люблю тебя и буду с тобой, пока не выгонишь. Хочешь, буду Катей?

— О господи, как все сложно!

Катя нежно потрепала мужа по остаткам волос.

— А может, ты из-за наследства испанского расстроился? А, Гриш? Клево было б, правда? Родила б тебе сына с таким бонусом, а?

— Катя! Лена! Что ты несешь? Я из-за павловского пугача вчера за вас так испугался, что даже не знаю, как тебе и объяснить, мне без вас с Анькой ничего не надо. Ничего.

— Заслонил нас от пуль, папочка. — Она прильнула к нему, обняла и поцеловала. — Мы живы, мы с тобой, и если ты будешь со мной, то и Катя маленькая скоро будет с нами, ты только слушай жену.

— Ты пугаешь меня. — Гриша попытался освободиться из ее объятий.

— Нет, что ты, милый, все будет хорошо. Все страшное уже позади. Летом в Испанию поедem: солнце, море — сказка.

— А как же попадья?

— Это все прошлое. И мы его сегодня похороним. Кстати, милый, зачем ты выдрал странички из Кати-

ного дневника? Жалел меня или не хотел, чтоб про наследство читала?

— Ничего я не драг. Я этот дневник уже после Катинной смерти нашел. Она к нему слишком трепетно относилась. Прятала, смотреть не давала, говорила, что он очень интимный. Писала, только когда меня рядом не было. Так-то. — Гриша попытался высвободиться из объятий жены.

Катя, отпустив Гришу, задумчиво протянула:

— Вот бы почитать страницы пропавшие.

Они еще немного понежились в кровати, но время поджимало, пора было идти будить Аньку и Павлова. Анька наверняка расстроится, что родители бросают ее с какой-то нянькой и уезжают без нее. Надо все спокойно объяснить дочке, тем более с ней будет Катюша, вдвоем повеселее. Найдут чем заняться в отсутствие родителей. Калейдоскопом своим, например.

ГЛАВА 7

Коламск. Дом отца Пантелеймона

14.01.2007 18:00

Доехали до Коламска без приключений, Павлов залез на заднее сиденье, и за всю дорогу не проронил ни слова, иногда сзади доносилось его похрапывание — он пытался наверстать упущенное за ночь. Катя тоже была не расположена разговаривать, она тихо сидела рядом и смотрела в окно. Гриша спокойно вел машину, иногда поглядывая в зеркало заднего вида — искал глазами машину Жени, тот ехал следом, с ним в машине сидела Виктория. Да, странная компания соберется сегодня у Пантелеймона. Как загадочно чья-то воля распоряжается судьбами людей, сплетая их воедино. Если бы Григорий не был сам участником событий восьмилетней давности, то ни за что не поверил бы, что такое возможно. Ему неожиданно захотелось

заехать в монастырь, он ни разу за восемь лет не был в тех краях. Наверное, там все изменилось, приобрело обжитой вид. Кто там сейчас игуменом? Может, до сих пор отец Амвросий. Хорошо было бы повидать старика.

У дома Пантелеймона Григорий остановил машину, и они, не выходя из нее, дождались, пока подъедут Женя с Викторией. Женя вышел из машины с ошарашенным видом, было ясно, что по дороге у него с сестрой был серьезный разговор, из которого он узнал много нового. Он поздоровался со всеми, но к Кате близко не подошел и как-то с опаской на нее поглядывал из-за спин присутствующих.

Отец Пантелеймон их ждал, ждала их и его жена. Ольга была очень тиха, наверное, он с ней уже имел беседу, не в его правилах было что-то скрывать — со всеми говорил начистоту. Катя привезла с собой папку с документами, и теперь они были высыпаны на столе, вокруг которого расселась вся честная компания. Один лишь отец Пантелеймон не мог усидеть на месте, он мерил комнату неторопливыми шагами. Он подошел сзади к своей жене, доверительно положил ей руки на плечи. Не выдержав такого, казалось бы, простого жеста, Ольга закрыла лицо руками и тихо расплакалась. Отец Пантелеймон, выдержав небольшую паузу, обратился к ней в своей дурацкой архаичной манере:

— Вот беда-то какая. Не бойся, Оля, расскажи нам все, знай — я с тобой, и Бог тебя любит, что бы ты ни натворила. Я позор любой переживу, а тебе надо камень с души снять — покаяться, ведь сколько лет живем с тобой, а я и не знал тебя вовсе. Ну пусть ты дочь Геннадия, пусть хотела семье на благо наследство получить, но что ж не сказала-то ничего. Я виноват — возгордился без меры. Чужие души спасал, судьбы решал, а семью проглядел. Но все равно не верю в то, что ты, Оля, убила кого или покалечила

из-за злата заморского. Хоть велик соблазн, но не такая ты у меня. Ты расскажи нам все, а я тебя в обиду не дам.

Первая не выдержала Вика и недовольно прервала тираду священника:

— Мы не за проповедью пришли, падре, а за правдой.

— Да, судить пришли, — поддакнул ей Павлов, — так-то, нах.

— Не судите да не судимы будете, — спокойно ответил отец Пантелеймон, на его лице не дрогнул ни один мускул. — Вы, что ли, здесь все безгрешны? — Он обвел взглядом всех присутствующих. — Дайте выплакаться человеку.

— Да какой мы суд! Суд — на небе. Но разобраться во всем нам придется! — нетерпеливо воскликнул Григорий. — Давайте как-то начнем уже.

Он встал, налил воду в стакан и подал его Ольге. Она перестала плакать, выпила воду, клацая зубами о стекло.

Женя с Викторией тем временем с интересом рассматривали бумаги, разложенные на столе, особо их внимание привлекли фотографии. Рассматривая их, они переглянулись.

Но тут наконец заговорила Ольга:

— Ну что я могу сказать? Геннадий Андреевич был моим отцом, но это — мамина тайна. Я ее открыла бы, только если б мальчика родила. И то не знаю, что бы с мамой и папой было. Так что нет наследства этого — и ладно. Про завешание я и правда подслушала, каюсь. Боялась я тебя как огня, — она обратилась к Кате-Лене, — знала, что любит он тебя, хоть в жизни не покажет. Исстрадался весь.

— Это ты про мужа, что ли, нах, — уточнил Павлов у Ольги. — А, отец, это она, что ли, про тебя? — Но его вопрос остался без ответа.

Ольга продолжила:

— Бегала, следила, разговоры слушала, совсем голову потеряла. Стала одеваться, как Лена. Сначала из любопытства, потом, чую, легче мне от этого становится — успокаивает меня, я как будто мысли ее сразу знаю, тревога моя уходит враз, да и нравилось представлять себя такой свободной, желанной, красивой — царицей Коламска.

— Дурочка моя, — отец Пантелеймон ласково погладил жену по голове, наклонился и поцеловал ее в макушку, — да я ж только тебя одну всю жизнь люблю.

— Знаю-знаю, может, и правда напридумывала я это все.

— О-о-о-о... — медленно потянула Виктория. — Здесь, похоже, доктор нужен.

— Все вы — Сальваторес — с прибабахами, — подал свой голос Женья.

В ответ на его замечание сидевший до этого тихо Павлов вскочил и заорал на него:

— Молчи, придурок, тебя вообще сюда никто не звал, нах. Танцуй отсюда!

— Тихо, тихо, Павлов. Мы и правда все немного того, — согласилась Катя. — А ты, Женья, помолчал бы, а то мы и твое поведение обсудим.

— Комсомольское собрание, что ли? — огрызнулся он.

— Э... Точно, нах, — развеселился Павлов, — ты ж, отец, у нас комсоргом в классе был.

— Тихо вы, демоны! — прикрикнул неожиданно священник. — За правдой пришли — так дайте ж человеку сказать! Ей и так нелегко. Говори, Олечка.

— Я после смерти Лены, ой, извините, Кати все эти игры забросила, а прошлой осенью она опять объявилась да в дом пришла. Из ада или из Москвы, только почуяла я обман. Лену — не Катю. Разнервничалась. Ну и опять переодеваться Леной стала и успокоилась понемногу. Мне ж ничего про подмену-то известно не было. Ну пропала Катя — да и черт с ней. А тут явилась. Слава богу, что хоть не Катя.

— Господи милосердный, что ж ты несешь такое, Олечка! — Священник в ужасе посмотрел на жену.

— Сбрендила, похоже, попадья, нах.

— Надо было через Петелино ехать — бригаду прихватить, — вставила Вика.

— Оля, ты почему радуешься, что не Катя выжила, а я? Чем она-то тебе не угодила? Оля? С наследством, с переодеванием все понятно уже. Ты объясни нам вот что — ты Катю, что ли, сбила?

Повисла напряженная тишина, было слышно, как гудят лампы накаливания.

— Я.

За столом сразу стало как-то шумно, все выдохнули, завозились. Григорий от неожиданности вскочил, потом снова сел. Отец Пантелеймон несколько раз перекрестился, читая про себя молитву и шевеля губами.

— За что? — удивился Женя. — Из-за денег, что ли?

— Нет. Она была чудовищем, хоть и сестрой мне.

— Господи, да она просто больная! — Григорий в негодовании закричал. — Господи, прости ее! Катя была святая!

— Притворялась ваша Катя! — прорвало Ольгу. — Вы все как будто слепые. Да, красивая была. Да, молодая, искрилась, пенилась, танцевала волшебю, только гнилая изнутри была — душа у нее смердела.

— Оля, хватит, не позорься, — грустно прервал свою жену священник.

— А я не позорюсь — я правду говорю! — почти закричала Ольга. — В чем святость-то ее была? Ноги в клубе задирать? В казино торчать? Наркоту жрать? Ребенка от кобеля прижить?

— Прекрати! — не выдержав, закричал отец Пантелеймон.

— Да! Чуть не загубили душу ее! — Григорий снова вскочил со своего места. — Павлов, да, Женя, да...

Не важно, кто губил, — важно, что Господь сберег ее, дал шанс — дитя дал, а самое главное — поверила она, раскаялась, чистой стала — сильной такой! Вы б видели, какие она камни ворочала. Зимой, когда Аньку родила. И ни про кого дурного слова не сказала ни разу, даже когда от ломок загибалась. Мы с ней так любили друг друга, а ничего между нами грязного не было — ни разу. Святая она была. А ты, Ольга, просто больная. Вот.

— Больная — может быть. — Ольга тоже вскочила и заговорила, с каждым словом становясь все увереннее и спокойнее. — Душа у меня не спокойная — все болит за кого-то. Я и за Катю переживала — жалела ее. Зря. Пряталась она в монастыре, сына хотела родить — силы копила, отомстить хотела всем за унижение, очень хотела. Даже роды преждевременные у себя вызвала, а там девочка. Опять ее надули. Вот уж тогда совсем разозлилась святая ваша, поклялась отомстить всем вам — всем, кто здесь за столом сидит. Правильно вы собрались — в полном составе. И тебе, мой благодетель, тоже, знал слишком много.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Павлов, — что-то больно складно нах для больной.

— Обычный бред, — скептически дала определение Виктория.

— Ой, Виктор-Вика, извините, — обратилась к ней Ольга, — вас это все вроде как и не касается.

— У нее ребенок Кати, то есть Лены, наверное, ну, то есть моя дочь, — попытался объяснить Женя.

— Нет, ну я его щас вырублю нах. — Павлов повернулся всем корпусом к Жене. — Опять вылез — Моисеев недобитый.

— Если Катин ребенок, то не факт, что ты, Женя, отец, — сказала Ольга.

— Может, хватит этой чуши? — окончательно разозлился Григорий. — Она же просто больна.

— Нет, пусть говорит нах, — заявил Павлов.

— А тебя, Григорий, расстроить хочу, — обратилась к нему Ольга. — Не ругалась Катя правда, с детства мама отучила. Всю злобу свою, всю обиду на мир — в дневник выливала, весь он — с последнего лета — ядом пропитан. А не спала она с тобой, потому что не нравился ты ей — старый, занудный, лысоватый доктор. Святая... И жену твою она придушила из чистой ревности к Женечке любимому. Еще и в Лену переделалась, чтоб — кто увидел — на нее подумал.

— Так это у вас семейное — с переодеванием, нах, — осклабился Павлов.

Гриша, нервно, в голос засмеялся:

— Ким задушила Катя... Я ухожу из этого цирка! А член Жене тоже Катя отхватила?

— Конечно. С этого-то все и началось, — парировала Ольга.

— Жена моя, твои обвинения очень серьезны. Если ты сейчас испугалась, обманываешь нас и валишь все на покойную — это очень-очень плохо, — попытался образумить бунтарку поп.

— Валит-валит нах. — Павлов все больше веселился.

— Где улики? Доказательства? — по-деловому спросила Виктория.

— Ах да, простите, — опомнилась Ольга, — у нас же суд. Совсем забыла, сейчас принесу.

Она отошла от стола и пошла в соседнюю комнату, вслед ей стал подниматься Павлов:

— Сбежит, я за ней нах.

— Сиди, Сашка, я сам. — Отец Пантелеймон вышел вслед за женой.

— Оба сбегут. — Павлов большим пальцем руки махнул себе за спину.

Катя была настроена скептически:

— Нет у нее никаких улик — блеф это.

— Какие улики? Это абсурд. — Григорий все еще злился. — Бедняга просто свихнулась от ревности и жадности.

Через мгновение дверь отворилась, отец Пантелеймон с Ольгой вернулись и сели за общий стол. Ольга, торжествующе улыбаясь, прижимала к себе коробку из-под конфет.

— Ну я же говорил. — Григорий повертел пальцем у виска.

Ольга, не торопясь, открыла коробку и достала оттуда мелко исписанные листочки, пожелтевшие от времени. Она заботливо и осторожно расправила их на столе.

— Вот они. Осторожней, ядовитые. Берегла их, прятала. Знала — рано или поздно пригодятся. Ну что, кто смелый? Берите — читайте вслух житие святой Кати.

— Господи, это не сон — это действительно ее почерк. — Григорий низко наклонился и рассматривал вещественные доказательства. — А что это они разложены и скрепками скреплены.

— Это я их разложила. По эпизодам, чтоб удобнее было.

— Я прочитаю. — Катя потянулась и взяла первый попавшийся под руку листок. Оглядевшись по сторонам — все ли ее слушают, она откашлялась и начала читать вслух отрывки из дневника:

«Да, с родителями мне повезло. Сегодня — особенно. Мать меня просто достала — она не понимает, что я уже вылезла из-под ее юбки и обратно не вернусь. Диктатор универсама — она и дома Пиночет — эта гадина всюду за мной следит! На лестнице нам сегодня помешала. Только мы с Женечкой подошли к самому интересному, как она тут как тут. Что, ей больше нечем заняться? Выскочила на площадку, меня полной дурой выставила, домой уволокла! Ну и хули? Все равно вечером в казино сбегу».

«Сегодняшний день наконец подвел черту под моими детскими иллюзиями. Ночка выдалась бурная, я хоро-

шенько вмазалась с друзьями, а что, мне одной как дура трезвой сидеть? Пришла как порядочная домой — ни куда-нибудь, а эта корова на меня как налетит с кулаками да воплями: „Шлюха! Наркоманка! Позор семьи! Пришла утром!“ И кто ж такое терпеть будет? Мое терпение лопнуло, верю, скоро ей достанется! Мать ушла на работу, даже не сказав мне ни слова. А я к отцу в комнату побрела за утешением. Отец, как в детстве, только он так умеет, тепло меня обнимал да утешал. Вот я и расслабилась, заснула в кровати рядом с гадом. Мое пробуждение было ужасно, я до сих пор не могу прийти в себя, но вылить эту гадость на страницы просто необходимо, знаю — проблюешься, легче станет. Этот... не могу подобрать слов, насилывал меня. Он зажал мне рот рукой, я ничего не могла поделать. Я была просто в шоке, отец, или не знаю, как его назвать... был во мне... он так грязно ругался...

„Ты такая же блядь, как твоя мать, попробуй скажи ей — вылетишь на панель, как пробка. Я никогда не был твоим отцом, женился на ней из жалости, а она загнала меня под каблук. Коммерсантка! Ты сама ко мне пришла и изнасиловала меня. Шлюха! Так я всем и скажу“.

Я в ужасе выбежала из комнаты, наскоро собралась и убежала. Домой я больше не вернусь!

Я позвонила матери от Жени, но она не стала меня слушать, обвинила в клевете — мол, я наговариваю на отца. Обозвала меня дурой, наркоманкой и бросила трубку».

«Я знала, что так и случится, — этот червь звонил мне. Ха, он рыдал, захлебывался в соплях и слезах, извинялся и просил вернуться домой. Он что, думает, что я позволю такому повториться? И пока он говорил, я молчала в трубку, а про себя все повторяла: сдохни, урод! Сдохни! Сдохни! Так и повесила трубку, ни слова не сказав вслух».

«Я была у врача, эти козлы в гинекологии сказали, что аборт сделать не могут, велик риск осложнений. Они не имеют права так поступать со мной! Я должна избавиться от этого ребенка! Что делать, мне некуда деваться, я вынуждена вернуться домой и пережить это унижение, живя с ними под одной крышей. Ладно, с матерью, так и быть, я, может, и буду разговаривать, но этот не дождетя от меня ни слова, он больше не существует, его просто нет».

«Этим все и должно было закончиться. Собаке — собачья смерть! Мать пришла с работы и нашла червя без сознания, он лежал на полу кухни в «неестественной позе». Все вокруг было усыпано пустыми пачками снотворного. Он даже не мог уйти из жизни по-мужски, повел себя как тряпка! Какой позор! Слава богу, что он мне не отец! Я б сгорела от стыда с таким отцом. Но и мать моя хороша — я нашла ее в больничной часовне, а эта дура обвинила меня в его убийстве. Нет, чтобы радоваться, что наконец от него отделались. Что я могла сказать ей в ответ? Она меня достала, все, что мне пришло тогда на ум, было: „Ты следующая!“ Но и сейчас я не раскаиваюсь в этом. Я бросила ее в часовне и убежала. Я больше не хочу иметь с ней ничего общего».

Катя прервалась, подняла глаза и обвела взглядом всех сидящих за столом:

— *Ты следующая!* Боже! Какая пакость! Бедная девочка! Достали ее, похоже.

Вика была намерена поскорее довести до конца весь этот спектакль, она взяла со стола другую пачку листов.

— Дайте-ка мне, я теперь почитаю.

И она тоже вслух продолжила чтение вещдока:

«Эта чертова Рита меня просто бесит! Сегодня я опять видела, как она пялится на Женьку. Мерзкая,

похотливая косоглазая сучка продолжает зариться на мое добро.

Она вообще обнаглела. После того как я наорала на Женьку и плакала в курилке, эта наглая рожка приперлась ко мне и пыталась набиться в подружки. Я до словно помню наш с ней диалог:

— Катька, ты что, с ума сошла, сладочка? Что за слезы, что за крики, что за детский сад? Мы ж подружки! Что, мы теперь из-за куска хрена морду друг другу царапать будем?

— Отстань. Ты не поймешь! Он мой первый и единственный! А вы все — бессовестные твари — лезете к нему! Если бы вы не были такими суками — он бы не был таким кобелем!

— Ты просто маленькая эгоистка! Выбрала себе в Ромео ходячий член и хочешь его переделать. Если мой муженек узнает о сегодняшнем скандале — мне кранты. Он же бешеный. Катька, брось ты реветь — Женька тебе не пара! Он кобель общего пользования — такая порода. Еще и голубым прикидывается.

— Он любит меня, а вы все завидуете.

— Ты просто начиталась любовных романов — кровь-любовь, мы в России, детка. Вытри слезы, у тебя еще таких Жень будет...

— А вот у тебя больше не будет. Я тебя, Рита, последний раз предупреждаю. Будешь свои короткие ножки перед Женькой раздвигать — убью.

— Ой как страшно. Я уже тут от скуки чуть не загнула — муж каждый день убить грозит, теперь сикуха какая-то пугать взялась. Иди танцуй, дура длинноногая.

— Я тебя предупредила».

«Сегодня я своими глазами видела, как от гримерши выскочил раскрасневшийся Женя. Я упрямая, если что задумаю, обязательно сделаю. Я дождалась-таки, пока жаба-Ким выйдет покурить, зашла к ней в гримерку и

нашла в ее паршивой сумочке ключи, мне просто надо было снять с них дубликат. Как только я его сделала, потихоньку положила ключи обратно.

Я знала, чего я хочу, и приложила все усилия для выполнения своего плана. Я долго следила за ее квартирой, видела, как оттуда выходила Лена Павлова, но мне все равно кто куда ходит, мое дело другого характера».

«Я опять была в засаде и видела, как пьяный Риткин муженек возвращается домой. У них разразился жуткий скандал, даже с улицы я слышала, как они там орут друг на друга. В окне было видно, как они машут руками, я просто была счастлива — может, хоть он навалит этой похотливой стерве. Я дождалась темноты, посещение Лены Павловой навело меня на отличную идею, я надела платок и очки, точно как носит Лена, и вошла в квартиру. Муж валялся в пьяном отрубке. Я быстро справилась, все оказалось даже легче, чем я предполагала, — Рита чуть похрипела и испустила дух. Я тихонько вышла из квартиры, аккуратно закрыв дверь. Только на миг я остановилась около парадной, меня посетил глюк — мне вдруг показалось, что за деревом я вижу свое отражение. Я помотала головой, и глюк исчез. Все прошло просто идеально, я выбросила ключи, и теперь никто и никогда не свяжет это убийство со мной...»

— Круто. — Вика осторожно положила листочки на стол. — А вот это уже, похоже, в монастыре...

— Дай сюда! — Григорий выхватил из-под руки Вики страницу и начал читать вслух:

«Вчера я родила девочку. Да, черт побери, девочку! Я так старалась быть хорошей — бросила наркотики, даже не трахалась все эти долгие месяцы, молилась с этим занудным болваном, пахала наравне с деревенским быдлом. Я так старалась, так торопилась, я вызвала

эти преждевременные опасные роды, а что было делать? Гришка сказал мне, что эта сука вот-вот родит и у нее-то точно будет мальчик. Нет, никого у нее не будет. Я слишком долго была хорошей девочкой — поверила в сказки, в то, что добрый Боженька даст мне мальчика и кучу бабок в придачу, хрен там — так что буду собой! Пока не рожу пацана — всем лежать-бояться! Кое-кому — в могилах! Добрые все такие во круг — ненавижу! Всех ненавижу! Рита и Федя скучают, ждут гостей. Сначала — Женечке визит нанесу — подрежу кончик гаду. Если выживет — будет благодарен за обрезание своей подстилке Лене. Ее я не трону — ее тронет Павлов. Я ему такое душевное письмо напишу, он ее по стенкам размажет. А зассыт — я еще что-нибудь придумаю.

Ну и конечно, два добрых зануды — два „мистера добродетель“, продержавших меня в этой монастырской дыре... Сначала прибью попа — раскрою ему башку чем-нибудь тяжелым, спрячу. Гришенька придет — я и его угощу. Потом инсценирую аварию — поп на скользкой дороге столкнулся с хирургом — какой кошмар! Оба сдохли — сгорели в машинах! Какой ужас! И все — я свободна! Никто мне не помешает, никто про меня ничего не знает. Надо только подождать пару недель, а то погода пока неподходящая. Девчонку пока регистрировать не буду — подкину потом кому-нибудь. Пусть живет — я ж не зверь, просто мне нужен мальчик».

За столом повисло напряженное молчание. Отец Пантелеймон первым осмелился его прервать:

— Хватит чужие письма читать. Грех это. Загубили мы девочку, все виноваты. Я — первый. Надо было больше с ней говорить, чаще в монастырь мотаться, но ты, Ольга, — какова. Как распознала? Почему не сказала? Как на смертный грех — убийство — пошла?

— Не успела я тебе ничего рассказать. Не было минуточки, да и не поверил бы ты мне, глупой бабе.

Мне тебя надо было спасать. Так что и про грех я не думала — ты уж прости убогую. Напугала, Лена, ты меня последними словами своей исповеди. Решила я, что надо к Жене бежать — предупредить его, чтоб беды не было. Я очки, платок «а-ля Лена» надела для конспирации и побежала. Только опоздала я — поднимаюсь на этаж, а за тобой уже дверь закрывается. Я — к дверям слушать, а там такое — ну вы знаете... Ты выходишь — спряталась, — смотрю, а это не ты — очки, плащ, даже живот, — но не Лена, точно! Я следом! Выбегает она, оглядывается, очки на секунду сняла, мне хватило, чтоб Катю разглядеть. Ох и злорадная же гримаса перекосила ее милое личико.

— О боже! Я спас монстра! — Григорий побелел и схватился за сердце.

— Да она спецом там на мосту дежурила — ждала тебя. — Ольга обернулась к Григорию. — Не спасал ты ее — считаешь еще.

— Нет, мы эту гадость в дом не возьмем — пусть у вас лежит. — Катя-Лена отодвинула от себя листочки на середину стола.

— Ну а дальше-то что было? — спросила нетерпеливо Вика.

— Рванула я домой. Летела просто — мужа спасала, — Ольга посмотрела в глаза попу, — нельзя тебе к ней ехать было. Машину сначала просто отогнать хотела в соседний двор, потом поняла, что лечу к монастырю, — откуда смелость взялась? Обогнала я Катю, хотела и обогнала, первая в домик влетела. Там девочка в люльке голосит голодная и дневник на столе. Я открыла его, пробежала взглядом — как в сортир окунулась, — вырвала страницы. Думала — покажу мужу, — и к машине обратно, выезжать, а дорога-то скользкая, еще и метель метет. Выезжаю с грехом пополам, а там Катя из попутки вылезла, к дому идет. Уже без живота. Очки, платок по дороге срывает. Увидела меня в машине, отражение свое, «псевдо-Лену» —

оторопела Катя. А потом встала посреди дороги, руки расставила — я по тормозам, машину занесло, закрутило, вроде я даже объехала ее, только — бац! — с другого разворота бампером саданула — вынесло меня на обочину, — вылезла, посмотрела — лежит Катя мертвая, голова в крови. Испугалась я — и бежать. Через километр машину поймала — и домой, а потом как завертелось все — смерть Лены, суд над Павловым... Я все собиралась рассказать тебе, Паня, да не до меня тебе было. Ну а про Катю я знала, что она в беспмятстве в реанимации лежит. Я все Бога молила, чтобы выжила она, а память не вернулась. Как пропала она из больницы — испугалась я, да ты, отец, сказал, чтоб не беспокоилась, с Катей все в порядке: она с Гришей и ребеночком в Москве, ничего не помнит, бедненькая, ну ладно, думаю, услышал Бог меня, а оно ведь вот как все развернулось.

Первым пришел в себя философ Павлов:

— Ну и натворили мы все делов, нах, наплели узлов, хрен распутаешь.

— Это я во всем виноват, моя вина, — отец Пантелеймон свесил голову, — гордыня обуяла — в семье своей под носом ничего не видел, а взялся чужие судьбы устраивать. Обман на обман, грех на грех — даже во благо нельзя было этого делать. Оля, не вини себя ни в чем, ты из нас — лучшая. А вы, Лена, Гриша да Сания, — простите меня.

— За что простить, батюшка? — удивился Григорий. — За то, что я восемь лет счастлив был, в себя поверил, за любимую жену и дочку? Да я руки вам готов целовать. А с Катей — это за пределами все — мрак какой-то.

— Я благодаря тебе, Паня, вторую жизнь получила — за что мне тебя прощать? — Катя положила руку на сцепленные руки священника. — Это ты меня прости, что за меня, дурную бабу, распутную, тебе пришлось грех на душу брать да краснеть.

— Что ж, присоединяюсь к благодарностям — я дочь чудесную получила, — Вика улыбнулась, — и думаю, что мы с Гришей и Леной все уладим миром.

— Что ж, выходит я один, пострадавший от вашей лжи, — восемь лет себя клял за убийство, которого не было, нах. Только вот, если бы ты, Паня, Григория тогда в больнице не уговорил, Ленки бы все равно не было, так что за дело я сидел — не виню тебя. Да и без Божьей помощи ничего б у тебя, отец Пантелеймон, не вышло, нах, так что не убивайся зазря — твой начальник должен быть тобой доволен. Не знаю только, как вы теперь с детьми разбираться будете, а у меня все просто — я мужчина свободный, бездетный, бабки есть, нах, вертеп я свой хрен закрою — не дождетесь, монастырь, кстати, на мои бабки восстановили. Женюсь-ка я на Белке, нах.

— Она же замужем, — напомнила Павлову Катя.

— Чё, проблема, что ли, нах? Ты вот тоже замужем, еще и за двумя, еще и рожа чужая, не то что паспорт.

— Ну вот, узнали мы правду, и что ж нам теперь с этой правдой делать? — развел руками Григорий, — как мы с ней жить-то будем?

— А как жили, так и будем, — безапелляционно заявила Катя, — ничего менять не надо, облегчили души — и хорошо. Без правды, может, и легче жить, но с ней — честнее. А болтать тут вроде никому резону нет. У каждого в шкафу скелетов немерено.

— Мы теперь — одна семья. Все друг про друга знаем, — отец Пантелеймон обвел всех присутствующих мудрым взглядом, — надо нам общаться больше, чаще видеться.

— Может, общину создадим? Бывших грешников? — предложил Григорий.

— Ага, с общаком нах.

— И с оргиями по субботам, — добавил Женя.

Отец Пантелеймон укоряюще покачал головой:

— Ну вот, до чего договорились, греховодники.

— Ну раз у нас такая дружная семья образовалась, у меня для вас есть еще одна новость, — подала низкий голос Вика и привлекла всеобщее внимание, — у нас тут за столом сегодня — одни сестры. Я тоже — Сальваторес.

— О Господи! — Григорий перекрестился.

— Силен бродяга-Папаген, — Павлов заржал, — переборчик нах, такого даже в индийском кино не бывает.

— Чего-о-о-о? — Женя не мог прийти в себя от изумления.

— Виктория, — обратился к ней отец Пантелеймон, — грешно смеяться над нами в этот час, когда наши души и так разбиты, а головы в тумане. Геннадий на исповеди предсмертной ничего о тебе не говорил.

— Не мог он сказать — матери поклялся, что никому и никогда. Но рано или поздно все равно бы вылезло. Да, ваш Папаген был мужем народной артистки, правда, очень недолго. Да, мать вычеркнула его из нашей жизни, и за дело, так что даже Женя не в курсе. И я-то узнала об этом, только когда паспорт получала. Да сразу и забыла. Прощаться с ним не поехала, хотя он звал. Наверное, зря. В общем, я одна законная Сальваторес — со свидетельством о рождении — так что привет, сестрички.

— Да, жаль — мне выпить нельзя, — задумчиво произнесла Катя.

— А мне так просто необходимо. — Григорий завертел по сторонам головой в поисках подходящей посуды.

— Викус, теперь мне в тебе многое понятно. — Женя все еще был изумлен.

— Что ж, сестра, — поприветствовала ее Ольга, — добро пожаловать в семью.

Павлов, вставая, буркнул себе под нос:

— А в семье — одни уроды, нах.

— О Господи, всемилостивый, какие же еще открытия нам готовишь? — Отец Пантелеймон встал и всплеснул руками. — Друзья мои, не смею вас больше задерживать.

ГЛАВА 8

Квартира Дроздецких. Спальня Лены-Кати

17.01.2007 12:00

Катя была в квартире одна. Она приняла лекарства, но не стала ложиться, разделась донага, села к трюмо и, пристально вглядываясь в свое отражение, медленно заговорила:

— Я Катя? Нет! Я Лена. Лена Павлова! От любви до ненависти один шаг, но когда бежишь, шагов не считаешь. Всю жизнь я бегу как гончая: уши прижаты, нос по ветру, хвост, правда, задран, как у шалавы. Да, это я — сука Павлова, когда этот подонок рядом, я готова подползти к нему на четвереньках и потереться о ногу. Даже зная, что опять получу по морде кулаком, зато как сладко он будет потом рыдать и лить горячие слезы на мою заштопанную грудь. А Павлов сдал. Сильно сдал. Третья ходка не шутка, может, воздух Испании пойдет ему на пользу? Не знаю, не знаю, у суки Павловой сейчас богатый выбор. Во-первых, верный пес Гриша — хороший мальчик, маститый хирург, опять же держит язык за зубами. До самой смерти будет молчать, не напоминать о том, как заделал мне ребеночка за деньги. Правда, глуповат. Во все поверил. Хотя нет, это я такая умная и коварная. Ведь все, все поверили. И поп, и даже эта мегера Вика. Сестричка старшенькая. Нет, надо это прекращать. Мало того, что у нее мой ребенок, так она еще и моя сестра. Если бы не моя дорогая вилла, греющая Катино сердце, я б, ей-богу, опять поехала в Коламск и воткнула осиновый кол в могилу Папагена — это ж надо устроить

такой цирк. Хорошо, хоть Женька не из его породы. Зато этот кобелек перетрахал почти всех сестричек Сальваторес! Катя, Лена, Вика, интересно, попадая в моем обличье его не попользовала, не признается ведь. Вот кого надо брать в Испанию — Женю и его верного «солдата». Да, Ольга перепугалась капитально, когда я ей на пальцах показала, как она Катю «задавила», а вот нечего было зариться на чужое счастье. Ничего, недолго ей осталось мучиться, скоро я ей помогу. Амнезия штука полезная, как оказалось. Хотя если бы пес Павлов не вогнал меня в кому восемь лет назад, я бы уже лет шесть кутила на фазенде. Но скоро наступит этот день. *Ei día que me quieres**... Моя Испания, скоро мы увидимся!

Память вернулась быстро, за одну ночь. Неделю после коламской экспедиции я была примерной Катей — переживала и пережевывала свою бурную молодость, страдала дура, и тут бац, как кино длиной в ночь. Легла Катей — встала Леной. Почти все вспомнила и даже с утра знала, что дальше делать. Как довести до ума то, что начала восемь лет назад. Только чувство благодарности к Гришеньке не прошло, а увеличилось. Если бы не его золотые рученьки, гнила бы сейчас с Катей в соседней могиле. Как я этой везучей дряни завидовала, до ногтей в ладонь. Свалилась на меня и давай все отбирать, я танцевать не могу — она прима, кобелька — мою утеху — увела, я от него год залететь не могла, она, пожалуйста, с первого раза, еще и папаша, всю жизнь меня не признававший, перед смертью в больничке говорит: Катя — твоя сестра, люби ее. Это был последний удар. И что теперь: у меня ее сердце, оба ее мужика, ее ребенок, дедово наследство, а у нее моя могила да мои грехи. А все потому, что почерк у меня теперь тоже ее. Гриша, мой хороший, писать меня по дневнику научил.

* День, которого я жду (*исп.*).

Вот рожу мальчишку — и домой. В Андалузию. На виллу к морю. Не сложнее это будет, чем попадью было заставить под мою дудку спеть, странички показывать. Заставить поверить, что завещание деда липовое было. Вот это работа была — как восемь лет назад, хитрая, сложная. Рассказываю по порядку, причем сама себе, а что делать. Память штука тонкая: сегодня есть, завтра нет, послезавтра опять есть, но другая. Лучше б записать, конечно, но вот одна дура записывала, и где она? На кладбище, а у меня другие планы.

В общем, началась эта история, когда Папаген позвонил мне из больницы. Я чуть мобильник не выронила. Смешно сказать, но я ждала этого всю жизнь. Звонка, теплого взгляда, хоть чего-нибудь, от этого надменного ублюдка, которого мамаша называла моим отцом. Бедная алкоголичка не дожила до великой победы. Из-за этого горе-плясуна вся ее жизнь рухнула, опустилась на дно бутылки. «Ленка. Не верь мужикам! Русские, испанцы — все скоты. Получат свое и в отказку. Красавица моя, знай себе цену, продай себя подороже. О черт, ты опять читаешь про Испанию. Доча, брось — этот шарамыжник того не стоит. И не ходи к нему танцевать, не позорься. Хотя нет, ходи! Пусть видит, от какой принцессы отказался! Жаль его из тюрьмы так быстро выпустили». Спи спокойно, мама, я продала себя за неплохую цену. Пять миллионов евро и вилла на берегу моря. По-моему, не продешевила. Все-го-то и надо — родить мальчишку, и весь мой детский бред станет явью.

Сидя у больничной койки умирающего старика, я не чувствовала к нему ни любви, ни ненависти. Жалкий, седой, а ведь ему всего чуть за пятьдесят. Говорят, он жил очень бедно, денег за свое искусство почти не брал, всю жизнь снимал угол, почти все время торчал в своей школе с чужими детишками — педофилице!

Папаген плакал, говорил что-то про детей, любовь, раскаивался, а в моей голове стучало: *Andante a la concha de tu madre, hijo de puta!**

Это из-за тебя, жалкий старикашка, я по самоучителю выучила испанский. Это ты ни разу не похвалил меня на своих занятиях, хотя я так старалась, танцевала лучше всех. Это из-за тебя в четырнадцать лет сердце мое оказалось с изъяном, это из-за тебя меня до седьмого класса дразнили цыганкой, а с седьмого парни начали бить друг другу морду из-за спора, кто понесет домой мой портфель. А Павлов из-за меня вообще однажды чуть не выбросил из окна комсорга класса — будущего попа. Да и выбросил бы, если бы я не поцеловала его в щеку. В общем, река воспоминаний и обид поглотила меня целиком, и я не вникала в постинсультный бред старика. Когда я провалилась в универе на «романское», я винула во всем Папагена. Когда я бредила Испанией и жаркими танцами, в которых мне уже не было места, я проклинала Папагена. Когда я согласилась на сопровождение, прозябая в модельном агентстве, и моим первым клиентом стал толстый испанец, я нисколько не удивилась. И, трахая его, переполненная ненавистью, спрашивала его по-испански, мило улыбаясь: «Ну что, папочка, теперь ты доволен?» Чертов Сальваторес! Как я хотела эту гордую фамилию когда-то. Но почему-то, сидя с ним рядом и слушая сюсюканье про доченьку и про вину, я даже не могла прослезиться. Видно, выплакала все в детстве над Кармен и Дон Кихотом да в мертвых душах московских гостиниц. Я больше не хотела фамилию Сальваторес, я была Павловой.

Когда Павлов после первой отсидки, весь такой золотой, что глазам было больно, случайно заказал нас с подругой в номер, первое, что я спросила, увидев его мощную отвисшую челюсть с золотой фиксой, такую

* Пошел ты к такой-то матери, сукин сын (*исп.*).

неожиданно родную, было: Павлов, ну как там Папаген, жив еще? Потом, конечно, расплакалась на широкой павловской груди: Сашка, забери меня отсюда. А Павлов, от которого пахло точно так же как и в седьмом классе — перегаром и табаком, тоже плакал и гладил меня по голове, как собаку. С тех пор нас разлучала только тюрьма, и то ненадолго. Собака вытаскивала его из-за решетки, став подстилкой омерзительного жирного прокурора. Хозяин женился на собаке, вот такая трогательная история. Разве может быть в мире любовь чище и преданнее, чем между хозяином и собакой? Пусть я изменяла Павлову на каждом углу, так на то я и сука. А он лупасил меня почему зря, и я сидела перед кающимся отцом, со свежим фингалом под темными очками, но это была настоящая любовь. Сидя молча, я слушала стариковские стенания, гладила его слабую руку и думала, что, наверное, надо бы рассказать ему про все это. Но вместе с тем меня подмывало сказать ему какую-нибудь богохульную гадость. Например, про то, как отец Пантелеймон, терпящийся в этот момент в коридоре, когда я его пользую, истово молится, перед тем как кончить. А потом, когда я ухожу, жестоко бичует свое грешное тело. Я думаю его плечи до сих пор в рубцах. Или спросить Папагена, не прихватывал ли он моего любимого Женьку в детстве за задницу, Майкл Джексон хренов. Ну в общем, я сидела и молчала с блуждающей улыбкой, как Мона Лиза и большую часть папиного выступления прослушала. Когда же до моего беременного сознания дошло слово «наследство», меня пробило на нервный смех. Неужели Папаген решил оставить мне в наследство том дела о педофилии? Старик удивленно воззрился на меня, достал красивую пеструю бумажку с гербовыми печатями и испанским текстом, и вот какую замечательную историю я услышала.

Оказывается, мой дед Адриано Сальваторес, отец Папагена, был когда-то богатым испанским пупсом с

отъехавшей на анархизме крышей. Дед усиленно помогал республиканцам, а когда все стало совсем плохо, бежал в СССР, где его вскоре после войны услали в Сибирь как шпиона. Уцелев в сталинских лагерях, он умудрился свалить в Аргентину к родственникам, поднять там реальный бизнес, а после смерти Франко вернуться на родину, в мою любимую Испанию. По Папагену старик не скучал, видимо, это у них семейное, больше сыновьями не обзавелся и вспомнил о нем, когда врачи самому уже больше года жизни не давали. Решил оставить сыну треть наследства — и фамильный замок на берегу моря. Хорошо дрессированные испанские юристы бросились искать наследника и нашли его в тюрьме с замечательной статьей за любовь к детям. Дон был очень расстроен: детей он, конечно, тоже любил, но только в хорошем смысле. Какой позор! Но, немного поразмыслив, дон вспомнил, что и он сидел в России ни за что, а если сын и оступился, то в этом есть вина и Адриано, не давшего ему никакого воспитания. И, посоветовавшись с мудрыми врачами, юристами и психоаналитиком, завещание свое решил не менять, а скорректировал его, завещав все внуку Геннадия, первому внуку мужского пола. Дабы победивший пагубные пристрастия Папаген на старости лет мог порадоваться за внука и насладиться прелестями испанской Ривьеры. Вот какой мудрый и дальновидный был мой дед Адриано. Папаген получил завещание с вещами на выходе из тюрьмы и стал ждать внука. Поэтому я сидела рядом с ним в больнице остолбеневшая от свалившегося счастья и понимала лишь одно — я заслужила эту награду, все мои муки были не зря, *mi madre**, жаль, что ты этого не видишь. Я гладила себя по животу с блаженной улыбкой, гладила своего испанского миллионера. Как раз вчера нам с Павловым на УЗИ докторица игриво

* Мама моя (*исп.*).

сообщила: «Похоже, у вас мальчик». Похоже, у нас бинго!

На землю меня вернуло страшное слово «сестры», еще не осознав, что сказал Папаген, я поняла — он снова все испортил. А когда я услышала ненавистное имя «Катя», стало ясно, что подонок позвал меня, чтобы поглумиться. Не знаю, как у меня не случился выкидыш и я не оглохла от собственного крика. Папаген провалился куда-то вглубь кровати, набежали сестры, братья. Но я уже бежала по коридору, и если б Катя попалась мне навстречу, я бы разорвала ее на тряпки. Осталась бы без сердца. Чертов испанский темперамент. Лучше б я дослушала старика. Теперь я помню, он точно сказал тогда «сестры». А до этого говорил, что не успеваешь оформить отцовства и оставит в больнице образец ДНК для процедуры доказательства родства. *Qué más da**, через час я успокоилась и приняла главное решение в своей жизни: приз будет мой, а Катя приговорена. Бог видит, я выполнила свое обязательство.

Бог видит все, и, судя по всему, он мной доволен. Не зря же Он дал мне вторую жизнь, восемь лет на Катином моторе. У меня вообще с Богом возникли свои очень интимные отношения, с тех пор как врачи забраковали мое сердце, я постоянно с ним болтала. Я просила новое сердце, и Он мне его дал, я просила Испанию — и она близка. А то, что мне пришлось пройти через страдания, препятствия и чужую кровь, так ведь пути Господни неисповедимы. Я сама это слышала от отца Пантелеймона. Панька, это через него я сблизилась с Богом в прямом смысле. Как сейчас помню этот колокольный звон в ушах перед оргазмом. Когда мы занимались любовью, я представляла Паню в церкви, такого красивого, нарядного, величественного. Понятие «грех» просто исчезло из моей жизни. Ну

* Ну ладно (*исп.*).

какой грех, если со мной батюшка, перед которым старушки на колени падают. Да и после моей смрадной Москвы вообще говорить об этом смешно. Насмотрелась я на ревнителей нравственности в подгузниках, и богомольных депутатов в шипастых кожаных трусах. Глядишь в телик на Пасху: вот они, родимые, стоят со свечками в руках в главном храме крестятся. Нет, я лично церковь с детства обходила. И не потому что я атеисткой упертой была, просто там где-то рядом маманька моя терлась, на бутылку клянчила. Я с Богом и без церкви с детства все время общалась, плакала. Кому мне было еще жаловаться? Бог у меня был красивый, как Папаген в молодости, и с бородой, как у Деда Мороза. Я только теперь понимаю, что через Паню Бог со мной поближе знакомился, зря я ему по башке крестом зафинтилила. Вот и получила в ответ от Павлова. Слава богу, мой Боженька отходчивый, вот и вынес меня на берег испанский. Хотя пока нет, надо с попадьею разобраться: ведь разболтает, не удержится. Ну Паня и *sabgon!** Выбрал себе в жены самую пришибленную девку в Коламске, а она еще и моей сестрой оказалась. Сам, считай, ее и приговорил.

И с Викой надо разобраться, я ее никогда не понимала: ни с усиками, ни бабой. Хотя с усиками она мне больше нравилась, такой забавный Женькин брат. Поглядывал на меня так беззастенчиво, что я даже думала Женьке предложить втроем попробовать. Вот бы был облом. Но попадья опасней. С ней быстрее кончать надо. Жаль я ее тогда дверью не прибила, восемь лет назад. Башню у меня тогда снесло капитально: мой любимый Бог подло предал меня. Я так его просила убраться эту Катю и так радовалась, когда Женя мне сказал, что она абортировалась и уехала, и на тебе подарок под роды. Все предатели — мамаша была права. В общем, не помню, как выскочила от попа, как до-

* Козел (*исп.*).

мчалась, — уже стою у Женькиной квартиры. Он открывает такой вальяжный, ну прям кот. Я сразу поняла — кастрирую гада. Свет, говорю, не включай, я не накрашенная. А у самой аж дым из ушей от злобы валит, руки трясутся, я их в карман, а там брелок с опасной бритвой. Ага, думаю, хорошо. Милый, говорю, хочу не могу! А он: ты чё сдурела? Тебе же рожать вот-вот. Ну не тебе же, говорю, а сама уже руку ему в штаны запустила. «Солдат» стоит по стойке «смирно», еще один предатель. Ну как твоя Катя, как ребенок? — спрашиваю, а сама уже бритву открыла. «Какая Катя, Лен, ты что, пьяная?» Ну короче, чик. Женя даже пикнуть не успел. Я ему его «свечу» в руку вставила — держит. Гляжу на него: глаза вылезли, на руку с членом смотрят, рот открыт, орет, но молча. Кровища хлещет, я вскочила: «Какая Катя? Скоро увидишь, какая будет, на том свете и свидитесь, и с Риткой кривоногой, и с другими лярвами! Сдохни кобель! Без хрена, ты — ноль без палочки!» И убежала. Кто ж знал, что у него в соседней комнате чертова сестра с чемондачиком хирургическим дежурит. Не давал мне Господь согрешить ни за что. Ну у Бога свой промысел, у меня свой. Во сколько эта попрыгунья ждет попа? В шесть? Вот и отлично: я там первая буду. Решила, надо шины попу проколоть. А подъехала к его «зубилу», вспомнила, у меня ж ключ от него есть. Поп обронил, а я на память оставила. Ну я своего Кинг Конга к Павлову отправила. «Скажешь, я у врача до восьми буду». В поповскую тачку прыг и помчалась к гнезду змеинному, уж думала там все перевероршу. Когда отъезжала, вроде лицо Панино мелькнуло, да мне не до этого было. Все равно первая буду. Пока ехала, успокоилась, вдруг мальчик мой пинаться стал. Охолонула я. Ну, думаю, дала жару. Я ж Женьке член отрезала, а вдруг и вправду помрет? Жалко мне его стало, прям реву. Гоню и думаю: «Ну если у этой дуры дочка, то и хрен с ней, не трону». А тут метель нача-

лась, темно, дорога скользкая. Еду, реву, еще и родить тут боюсь. Подъезжаю уже к монастырю, тут из метели, как черт из табакерки, выскакивает какая-то баба с фонарем, я по тормозам, а «зубило» поповское заносит и прямо бочиной на эту бабу. Выхожу, она лежит неживая, руки раскинула, как для объятий, кровяща лицо залила. Я ее фонарь взяла, в лицо посветила. «Mierda!»* Да это же наша Катя!» Аж перекрестилась автоматически. Тут и метель прошла, снежок легкий западал, закружился. Вижу проезд к домику, в домике свет горит. Значит, она попа ждала, выскочила на проезд посветить, бедняга. Я в дом, сразу к люльке. Там все розовое — девочка значит, все в порядке. От сердца отлегло. Присела я на стульчик, задумалась. Машинально что-то в руку взяла, гляжу дневник стрекозы, открыла на середине. «Тьфу-ты, какая чушь!» Вырвала страницы, где про меня было — кинула в печь. Тут в домик мой Кинг Конг вваливается, мычит, рукой машет. Не поехал, значит, к Павлову, за мной помчался. Ну что же, молодец! Села я в машину — и домой, только окружной дорогой. А в голове только одна мысль: «Что же ты наделала, сука Павлова?» А «мальчик» мой пинается. Честно говоря, когда память вернулась, я, как Катьку сбивала, не помнила. Мне казалось, что не доехала я до нее с Кинг Конгом. Но после рассказа Паниного про исповедь мою да про Катю снежком присыпанную, пелена спала и вся картинка-то встала перед глазами.

Я вот чего сейчас подумала, может, Бог мне тогда мальчика на девочку переменял? В наказание. В общем, едет бедная беременная сука, больная «испанкой», к хозяину, а он уже литр водки в глотку залил, «газету правду» прочитал и бейсбольной битой ногу чешет, если б знала, так сразу бы в роддом махнула, а так приехала за амнезией. Кинг Конгу повезло больше,

* Дерьмо (*исп.*).

хотя тогда это сразу понять было трудно. Мой верный бодигарт зашел первым, и Павлов сразу огрел его битой. Великан, не пикнув, рухнул, заливая ковер кровью из пробитой башки. Меня же Павлов как какую-то тряпку перекинул на диван и начал свой дурацкий допрос. Он был омерзительно пьян, страшен и при всем этом ужасно смешон. Так далеко он никогда не заходил. «Кто отец этого ребенка? Говори или умрешь, сука!» Почему бы мне тогда было не сказать ему «ТЫ» и закончить эту комедию. Смертельная усталость сковала мне рот. Какое-то тупое безразличие, я даже перестала ощущать свой ужасно тянущий живот и мальчика, которому совсем уже не терпелось выйти и встретиться со своим милым «отцом», вращающим белыми бешеными глазами и крутящим у меня над головой толстой палкой. В этот момент я остро поняла, что скоро умру. Меня убьет не Павлов, а мой ребенок. Бог мне это сказал. Я смотрела сквозь беснующегося мужа, туда, где на берегу теплого испанского моря лежал истекающий кровью Кинг Конг, чуть поодаль стоял, молча вопящий, кровавый фонтан Женя, с железом в руке, и загорала под тихо падающим снегом Катя, широко раскинув мертвые руки. Все это зря! Вот какая была последняя мысль у меня в голове, когда я услышала свой брезгливый голос: «Кто угодно, только не ты, Павлов». И какой-то сильный треск. Потом были тишина и темнота, длиной в восемь лет. Наверное, я это заслужила. Заслужила своей героической любовью к императору Павлову, которого, мне казалось, я знаю как свои пять пальцев. Ему ведь, несмотря на смертельный риск, хотела родить наследника, чтоб управлял его великой коламской «империей»:

Ночной клуб, казино, магазин, ларьки и я.

Вот такая вот была у него «империя».

Стихи! Когда через месяц после свадьбы Павлов меня избил, приревновав к приятелю бандосу, — я не сильно удивилась. Павлов всегда кого-нибудь бил в

школе. Я просто собрала вещички и попыталась уйти. Потом были слезы, извинения и безумный секс, ночь и день напролет, и я осталась, а через пару месяцев подобных ритуалов даже втянулась. Скоро, чтобы не расстраивать мужа беспочвенностью скандалов, я действительно стала флиртовать с его друзьями и заметила, как крепнет и растет наша непростая любовь. Потом Павлов бросил Москву, и мы вернулись в тихий Коламск, потому что Саша созрел до «империи». Он и в детстве казался мне каким-то римским легионером — гордый профиль в шрамах, вечные драки, но пришла пора мирного бизнеса, и Павлову она тоже покатила. Все-таки император в Коламске лучше, чем мелкий бандит в Москве. А я, конечно, должна была стать коламской Мессалиной — на меньшее Павлов был не согласен. Его любовь требовала постоянной ревности, и я, как могла, старалась преуспевать в своем нелегком эротическом жанре. Мой муж наверняка знал про всех моих любовников, исключая Женю, доктора и, конечно, попа...

Другое дело — ребенок. Про наследника Павлов начал мне жужжать еще до свадьбы. Сын — это святое для римского императора, и я согласна, но папаша Павлова, алкоголик, доживал свой век в петелинской дурке. Там же помер его дед. Я, конечно, девица экстравагантная, но у нас в Испании с этим строго. Гены превыше всего. Вот и пыталась нажать ему наследника с игрушечным Женей — не заладилось, поп, услышав мою просьбу, в ужасе убежал от меня, крестясь и бормоча, — можно было обмануть и его, но было слишком стремно, что же мне оставалось? Я поделилась своей печалью с добрым и внимательным врачом, *aigo gaго, reго bueno* *, который опекал мое порочное сердце и не смог мне отказать, учитывая мои природные способности к обольщению и круглую сумму за донорство.

* Довольно странным, но славным (*исп.*).

Ну и конечно, обещание молчать до смерти, что я и сделала. Но как эта дура, Ким, узнала об этом? Как в ее убогую головенку пришла мысль шантажировать меня? Знает только темный лес, где она лежит.

Дурацкая память до конца явно не восстановилась и продолжает играть со мной в шарады. Я помню только, как выходила в ту ночь из квартиры кардиолога. Причем вижу себя почему-то со стороны. Та же история с Жанной — вообще не помню, чтобы трогала эту шлюху. Хотела точно, ну значит, и сделала.

Не люблю похороны, хотя на похоронах мы в первый раз после моего бегства из Коламска заговорили с отцом Пантелеймоном. Как смешно его так называть. Для меня он всегда будет тем Паней, которого одноклассники донимали за нелепое имя, доставшееся ему по святкам от добрых родителей, и которому Павлов сломал нос за то, что он снял мой рюкзак с трансформаторной будки, куда его закинул этот придурок. Тем Паней, который весь десятый делал за меня алгебру за то, что я летом на пляже показала ему свою хилую грудь. Единственное, чего я не понимала в своем Павлове, так это его раболепную перемену отношения к Пανε. Видно, пока мы учились в десятом, а Павлов уже топтал зону, ему там крепко вбили любовь к церковным ценностям вместе с куполами на груди. Поэтому иначе, как отец Пантелеймон, да еще и с поклоном, Павлов по возвращении в Коламск к Пανε не обращался. Боюсь, он не оценил бы наших с Паней нежных отношений.

Паня подошел ко мне на кладбище после того, как отчитал отходную на могиле моей матери и впервые после долгой разлуки взглянул мне в глаза. Я уже год была в Коламске, но в церковь не ходила, а при наших редких встречах на улицах он бежал от меня как от огня. Паня тихим и спокойным голосом стал утешать меня, и я поняла, как мне его не хватало последние годы. Он всегда был очень правильный и добрый и мог

объяснить мне любые вещи, и почему Бога нет, когда был комсоргом, и почему Бог нас любит, когда после путча 91-го года свято в него поверил. Он говорил, что мамаша настрадалась и ее, несомненно, ждет лучший мир, и я верила, потому что старая пьяница действительно сильно мучилась последнее время на кухне казино, где Павлов открыл ей бессрочный кредит на бухло и откуда она выходила только в туалет. Особенно изводила ее проблема выбора: коньяк или водка, но победил все-таки мартини. Я смотрела в теплые прозрачные Панины глаза и не могла понять, чего в них больше — страха или желания. Желая найти ответ на этот вопрос, я взяла его мобильный и назавтра же исповедовалась ему на квартире матери. Исповедь была бурной и короткой. Мы чуть не растерзали друг друга. Паня, похоже, пытался, лежа на мне, изгнать и своих и моих бесов одновременно. Когда мы одновременно кончили, он заплакал, оделся и убежал. Самое смешное, что все соитие я действительно каялась, прерываясь лишь на стоны, а когда он убежал, почувствовала такую чистоту и умиротворенность, что уснула как ребенок. Все наши последующие встречи были похожи друг на друга как две капли воды. На улице и в публичных местах он продолжал бегать от меня как от чумы, общался только с Павловым. За все время нашего романа я ни разу не напомнила Пани, как он делал мне предложение после школы и как я зло посмеялась над ним. Мое будущее тогда было так далеко от Коламска, а моя девственность была вообще неразменной монетой, которую я бездарно разменяла с очкастым директором модельного агентства. Тот, кстати, так испугался моей невинности и невиданного темперамента, что обходил меня потом стороной. Я ни разу не спросила Паню, зачем он женился на моей жалкой копии и почему его спина и плечи все больше покрываются свежими шрамами. Мы вообще ни о чем друг друга не спрашивали. Нет, вру. Пару раз мы говорили, но только не на наших

свиданиях, и разговор был нелеп. Поп плакал, просил отпустить его, говорил, что больше не в силах выносить эту муку. Но на самом деле его никто не держал, я звонила ему один-единственный — первый раз. Потом всегда звонил он, тихо говорил: где и когда, и вешал трубку. Я даже пару раз заходила в церковь, проверить, с тем ли человеком сплю. Красивый и уверенный в себе священнослужитель, нараспев читающий молитвы под гулками сводами, так не походил на жалостного любовника, торопливые и горестные мольбы которого сливались со стонами и рыками оргазма. Ничто на свете так не возбуждало меня, как эти священные моменты тайной и порочной страсти. Риск и тайна наших встреч, слияние чистоты и порока, двух самых интимных человеческих сфер — любви и веры, сила страдания Пани — делали наш роман безумно будоражащим.

За несколько месяцев до родов мы прекратили видеться, и поэтому Пани был просто счастлив, когда я пришла к нему домой исповедаться. Домой, чтобы исповедь не превратилась в наше обычное святотатство. В первый раз в жизни священник понадобился мне по назначению. Я ужасно боялась идти, но еще больше боялась *de la muerte**, и мне очень нужна была его поддержка, доброе мудрое слово. Ну и чем все закончилось? Хотя нет, не закончилось, все будет хорошо, где-нибудь через год. Но не для попадьи. Серая мышка должна умереть. Она оказалась куда проницательней Павлова и внимательно следила за нашими с Паней играми. Ее ума хватило, чтоб не раздувать скандал, она тупо ждала, когда я наиграюсь и оставлю их в покое. Муж был для нее всем. Мудрая мышка сублимировала ревность в тайное подражание мне. Развратная соперница стала ее фетишем. А может, поп заставил ее играть в меня, а ей понравилось? Теперь это их семейная тайна.

* Смерти (*исп.*).

За восемь лет Паня раздался, стал солиднее, борода лопатой — настоящий поп. Когда я приехала к нему Катей и слушала его басни, его глаза просто лучились добротой и силой. В них было все, кроме так любимых мной страха и желания. Когда три дня назад мы собрались у него на судилище, он даже ни разу не посмотрел мне в глаза, только держал за плечи свою серую мышку. Я знаю, почему он прятал глаза, в них остался только страх. Не бойся, Паня, никто не узнает нашу тайну, ведь это ты привез меня в больницу, уговорил Бога и Григория дать мне новую жизнь и восемь лет хранил тайну. Я отплачу тебе добром, но мышка должна умереть. Так нужно, так хочет Бог.

Ведь он вернул мне память и подсказал, что делать. В первую очередь нужно было разобраться с наследством дона Адриано, мало ли кто там за восемь лет порылся. Я залезла в Гришину заначку на новый «мерс», сняла деньги с павловского счета, наняла по газете частного детектива и отправила в Коламск. Как выяснил Сергей, все было в порядке, бумаги лежали у городского нотариуса, мне даже сделали цветную копию. И за все это время, только одна тварь претендовала на родство с Папагеном — попадья Ольга. О, это был приятный сюрприз — теперь я могла убить всех зайцев. Мне нужно было снять перед Испанией с себя все старые грехи, избавиться от нелепой соперницы и подстраховаться с Паней — он знал больше всех. Особенно меня забавляла ситуация с Катиным сердцем. Я просчитала ее сама, но неизвестные мне подробности той фантастической ночи будоражили мою фантазию. Да и работа хирурга с моим лицом впечатляла. Я прямо не могла оторваться от зеркала первые дни, после возврата памяти. Видеть в зеркале Катю и знать, что ее нет, — это было волшебно, просто *perfecto!** Спасибо, сестренки!

* Превосходно (*исп.*).

Сергей занялся поиском компромата на Ольгу, я же в первую очередь решила вытащить Павлова. Он был нужен мне для окончательной партии, да и не могла сука спокойно жить, пока ее хозяин сидит за ее убийство. С легкостью нашла по телефонной книге мерзавца-прокурора. Он за восемь лет смело продвинулся по карьерной лестнице, поэтому его совсем не обрадовало появление тени из прошлого с разговорами о хорошо припрятанной кассете с нашими милыми шалостями. Как же он обрадованно пропотел, когда узнал, что от него требуется. Всего-то, сказал он, через два-три месяца жди. Но это последняя услуга. Иначе сама понимаешь. Ну да, я-то понимаю, а прокурор вряд ли. Мой адрес — коламское кладбище, Кленовая аллея, место семь. Милости просим в гости.

Тем временем Сергей порадовал меня забавным хобби нашей подопечной. Оказалось, что серая мышка, уложив своих дочерей, любит в гордом одиночестве одеваться точь-в-точь, как я восемь лет назад, — черное пальто, платок и очки-киски — и разыгрывать перед зеркалом сцены со стриптизом, при этом грязно ругаться и называть себя Леной. Н-да, вот такая вот извращенка, хотя в глубине души мне было приятно, что у меня в Коламске есть верная фанатка. Сергей прижал Ольгу и компроматом вынудил ее играть на нашей стороне. Мы убедили ее в том, что завещание было фэйком, шуткой Папагена, мечтающего о внуке, при этом ей продемонстрировали официальное письмо от испанского консула с опровержением существования подобных событий, лиц и документов. Письмо написала я, остальное дело техники и денег. Ошеломленной многолетней жертве обмана испанских жуликов было предложено взять на себя смерть Кати, а также явить всем подлинные страницы ее дневника, которые я накатала за два дня под впечатлением поездки в Коламск и ложной Катиной памяти. В противном случае мы

грозились обнародовать ее грязные фото в коламской прессе. Ольге было некуда деваться, и мы стали ждать Павлова. Белка дала ему и рассказала о моем странном приезде, к тому же он обнаружил пропажу денег со счета, который знала только я, в бую он помчался к Пανε, тот рассказал ему все, кроме моего адреса, который ему благополучно подсунула в карман Ольга.

Остальное прошло бы как по нотам, если б проклятый уголовник не устроил светопредставление с лифтом. Я так испугалась, что чуть действительно не поверила в то, что я Катя. Хорошо, что Павлов такой сентиментальный.

Кстати, а не Ольга ли восемь лет назад написала Павлову злополучную анонимку о моих изменах и мнимом отцовстве? Испугалась сцены с мужем и, решив, что я разобью их семейную идиллию, решила сыграть по своим правилам. Вот еще один повод для смерти серой мышки.

Ой как звенит голова, хотя нет, похоже, это звонок в дверь.

ГЛАВА 9

*Квартира Дроздецких. Спальня Лены-Кати
17.01.2007 13:00*

Из транса Лену вывел звонок в дверь, но она и не думала пойти открыть, только поплотнее закрыла уши ладонями. Звонок настойчиво повторился, Лена закуталась в халат и нехотя вышла в прихожую.

— Что за черт. Кого несет в час дня?

Но трель не прекращалась. На пороге стояла сияющая Виктория:

— Привет соседка! В дом-топустишь?

— Вика?! Что случилось? — Лена посторонилась, чтобы пропустить гостью.

Та быстро обошла стороной удивленную хозяйку, сняла и повесила на вешалку дубленку, не выпуская из рук сумки, стянула ботинки и прошла без приглашения в спальню. Молча поставила сумку на трюмо и неторопливо начала что-то доставать из нее. Отвечая на повисший вопрос, она обернулась к Лене.

— Что еще может случиться? Устроила ты нам, а особенно себе такую нервозность своими разоблачениями.

Лена подошла к кровати:

— Вик, ты если поболтать, то, может, в другой раз, я неважно себя чувствую.

— Вот поэтому-то я и здесь. Гриша мне позвонил, попросил сделать тебе укольчик, сказал, что ты уже три дня не спишь после лекарства.

— Да? Что-то он меня не предупредил. — Лене задела навязчивость ситуации. — Да, не сплю и еще с собой разговариваю, но это нормально. Что за укол?

— А ерундовый укольчик, — Вика тем временем достала ампулу, ловко ее вскрыла и набирала лекарство в шприц, — Гриша по-соседски попросил, вот я уже и шприц набрала, ты ложись поудобней, расслабься.

— Расслабься? — Лене пугало такое участие со стороны старшей сестры. — Надо бы Грише позвонить. — И она потянулась к трюмо за мобильным телефоном.

— Вот и позвони, — говоря это, Виктория ловким уверенным движением воткнула шприц Лене в бедро и ввела лекарство.

От неожиданности Лена замерла, удивленно глядя на Вику. Да так и застыла. Вика очень осторожно усадила Лену на кровать, уложила поудобнее и накрыла одеялом. В этот момент заиграла мелодия мобильного, Вика взяла его и сказала:

— Да, милый, все нормально, — после чего отключила телефон и повернулась к Лене. — Ой зрочки-то какие. Лена, мне столько тебе нужно рассказать. Слушай внимательно, я присяду с твоего позволения.

Я же обещала тебя расслабить. Видишь, все твои мышцы расслабились, даже Катина, сердце ведь тоже мышца. Я всегда выполняю обещания и, как добрая фея, начну с хороших новостей.

С чего бы начать... Первая хорошая новость — тебя подло обманули с завещанием. Этот твой консул просто пройдоха, хотел захватить наши денежки. Но мои знакомые юристы все проверили: деньги на месте, вилла стоит, море шепчет. Вторая новость семейная, тоже хорошая. Ольга опять беременна. Я заставила ее вчера сходить на УЗИ. Мальчишке всего три месяца, но у него уже есть пиписька — тебе бы понравилась. Порадуйся за сестру. Я хочу открыть тебе секрет — ты всегда мне была симпатична, а сейчас я прямо люблю тебя, Лена. Без тебя я в жизни не узнала бы про это наследство, потому что отца никогда не видела. От матери знала, только, что он мерзавец, бабник и неудачник, что может быть хуже? В ваш родной Коламск, к бабушке маманя меня в детстве не пускала, говорила, что у меня аллергия на провинциальный климат. Фамилию Сальваторес я увидела в шестнадцать лет в свидетельстве о рождении и тут же поменяла на привычную по школе, мамину. Так что, естественно, я не поехала к Папагену в больницу, когда он позвонил. Сказала матери, и она поведала мне, как в начале своей карьеры она вытащила в Москву друга — талантливое хореографа, — как он поставил ей танец и заделал ей меня. Как она вышла за него на девятом месяце и прямо на свадьбе застучала его в туалете с лучшей подругой. Закрывать надо! Так что наш отец был женат на моей матери ровно один день. На следующий он вернулся в Коламск, мать подала на развод и вычеркнула его из нашей жизни. Кстати, из тюрьмы его вытащила тоже моя мать — народная артистка, сказала: «Он, конечно, блядун из блядунов, но не педофил» — и помогла ему в последний раз. А вот бабуля его любила и даже в тайне от мамы отвела к нему Женьку. За что и получила от нее на

орехи, да только поздно. Папаша успел сделать из сына моей мамы свою копию — танцующий член. Такая вот ирония судьбы. Мы ж теперь одна семья, ты все должна про нас знать. Хотя даже если бы Папаген сказал мне про наследство, ничего, кроме разочарования, это мне бы не принесло. Я ж не могу родить — внематочная беременность убила во мне мать. Ты и тут мне помогла, нашла мне новую замечательную сестру. Мы с ней обо всем договорились. Ольга родит мальчика, получит половину денег. Я уверена, что они с Паней потратят их на благое дело, сиротский приют, например. А я со второй половиной поеду в Испанию. С любимым братом. Там же нас никто не знает и никто не помешает нам любить друг друга. И дети у нас есть готовые — все благодаря тебе. Я думаю, что Григорий отдаст нам Анечку, найду доводы, он же не враг ребенку.

Не сверкай глазами, не трать последние силы. Мне еще многое тебе надо рассказать. Ты ведь вот так же на попа сверкала. Я заметила у него дома. Похоже, напридумывала себе что-то, развратница. Думаешь, у вас был роман? Не верю. Конечно, такой видный мужчина и такой недоступный. Тебя, наверно, это так бесило? Всю свою похотливую фантазию на него растратила, да, сестричка? На святое замахнулась — никаких табу. А теперь уверена, что все так и было. Такое часто бывает после амнезии — это называется «ложная память». Это когда то, о чем ты когда-то сильно мечтала, теперь кажется тебе случившейся явью. Ты много чего себе нафантазировала. Ничего святого, прямо как у меня. Хотя нет, Испания, вот твоя святыня. Даже проститутское агентство, где ты работала, называлось «Фламенко», а ты была Кармен. Круто! Тебе, наверное, казалось, что вся твоя жизнь — веселая коррида. Ты на арене, естественно, не телка, а красавец-тореро! Машешь красным от крови бельем своих любовников перед носом быка Павлова из которого уже валит

дым. Рога у Павлова растут, вот он уже ими и в землю уперся. А ты знай в свое удовольствие скачешь на молодых бычках. Или втыкаешь мулеты в их телок. А за ареной тебя ждет молодой влюбленный священник. Красота!

Только вот как была ты глупой телкой, так и осталась, а настоящего матадора, который всех валил, так и не заметила. Ты бедненькая, наверное, все думаешь, где прокололась? Мучаешься. По глазам вижу. А все просто. Ольга машину не водит, а Катя дневник с ноября не писала — ей пальцы бревном отдало. Расстроилась? Ну и зря, это я пошутила. Один-ноль в мою пользу. И конечно, ты не глупая телка, а хорошая девочка, а раз так, я расскажу хорошей девочке сказку в награду перед сном. Вечным сном.

Жила-была Снежная Королева, которая еще и пела. Всем в королевстве на радость, кроме своих детей. Девочка Ви и мальчик Же (почему не Герда и Кай?!), маму почти не видели. Играли в снежки и любили друг друга так сильно, что сугробы на балконе дворца под ними таяли и превращались в шампанское. Однажды Снежная Королева глянула на них с неба — увидела, как горяча их любовь, и очень разозлилась. Она услала девочку на остров, где из дождя, тумана и грязи Ви и научилась делать уши, носы и губы разным людям, а еще Ви превратилась в мальчика Вита, а Же злая мать услала во тьму-таракань-Колаколань, где он пошел учиться к старику с Волшебной флейтой и стал лучшим танцором на свете, а еще Снежная Королева превратила его золотой ключик в сосульку и наложила на него заклятие. Тысячу потаенных дверок должен был открыть Же своей сосулькой, пока она опять не станет ключиком. Ну и конечно, превратила его сердце в ледышку, и он забыл, как клялся в вечной любви своей сестре Ви.

Прошли годы, Снежная Королева все пела, и сердце ее слегка подтаяло, и тогда она разрешила Виту уви-

дится с Же. Же узнал в Вите сестру, и они стали друзьями. Вит делал людям новые лица и страдал от любви к своему брату. Он пошел к колдуну и попросил, чтобы лед из сердца Же перешел в его сердце. Колдун за новый нос согласился ему помочь. Сердце Вита заледенело, сердце Же зазеленело, но любовь к сестре не вернулась в него. Они по-прежнему были друзьями. Тогда Вит с ледяным сердцем стал убивать каждую девушку, которая предавалась с Же любовным утехам. Он хотел понять, чем они лучше Ви. В ночь убийства он надевал волшебный платок и волшебные очки и становился невидимым, приходил к девицам домой и душил их. Так погибли танцовщица Жанна и художница Ким. Вит долго разглядывал их, но так и не понял, чем они были лучше Ви.

Меж тем две дамы в городе ждали детей от ветреного Же. И тогда Вит решил не убивать их, дожидаясь рождения детей, похитить их и жить на острове с детьми любимого брата. Дамы — черная волшебница Элен и светлая фея Кэт ничего не знали про Вита-Ви и его планы, они соперничали друг с другом из-за сердца и сосульки Же. Же танцевал как бог со своей любимой Кэт, даже Вит наслаждался их танцем, и только Элен умирала от злости и зависти, глядя на них. Она наслала порчу на Кэт, и та превратилась в уродину и вынужденно скрылась в заброшенном замке от глаз Элен и любимого. Элен уже торжествовала победу, как вдруг узнала, что Кэт в далеком замке родила Же ребенка. Злая ведьма расвирепела, оторвала Же сосульку и полетела к старому замку разбираться с соперницей. Вит поставил Же сосульку на место, и она сразу превратилась в золотой ключик, правда, не волшебный. Злая Элен меж тем пыталась убить Кэт, обрушив на нее старый замок, но крайне неудачно, потому что сама попала под обломки. Во время битвы Кэт и Элен у ведьмы родилась дочка с крыльшками, такая же прекрасная, как и у Кэт, и обе малютки улетели к папе Же и Виту. Как

только Вит увидел прекрасных малюток, он сразу обратился в прекрасную Ви, но заклятие Снежной Королевы продолжалось еще восемь лет, сестра и брат по-прежнему не могли жить вместе. Ви жила с крылатыми девочками, а Же учил танцевать ночных фей. Через восемь лет из-под обломков замка поднялась чудесная фея Элен с сердцем Кэт, она прилетела к Ви и Же, сняла с них заклятие, подарила им прекрасный замок в волшебной южной стране Сипании, куда не простирается власть Снежной Королевы, а потом растаяла в воздухе. И стали Ви и Же вместе с крылатыми девочками в замке жить-поживать и добра наживать.

Ну что, фея Элен, понравилась тебе сказка? Нет? Ну ладно, зато теперь знаешь, в чем облажалась. Никого ты не убивала, да-да, всего лишь «ложная память», ну кроме бедной Кати, и то ведь случайно. Кишка у тебя тонка, не можешь ты никого убить, а я могу. Я матадор, а ты — глупая телка. И черту я свою давно перешла, и клятва у меня одна на всю жизнь, и как ты понимаешь — не Гиппократ. Теперь ты все знаешь, душу я свою и твою облегчила, переходим к телу. Милая Катя меня когда-то спросила, не ощущаю ли я себя богом, меня людям лица и, стало быть, судьбы. Нет, не ощущаю, я просто его рука, я не думаю — я делаю. Ты не оставила мне, к сожалению, никакого выбора. Я в опасности с тех пор, как ты узнала, что Катя — твоя дочь. Тем более в опасности — Ольга, которая, по-твоему, одна знает твою тайну. Тебе слабó убить ее самой, но почему бы не сделать это чужими руками? Ради Испании. Я же, как всегда, все сделаю сама. Красиво и чисто. Радуйся — у нашей сказки счастливый конец. Ты уходишь без грехов. Просто сердце не выдержало страшной правды, деньги получают праведники, а влюбленным достанутся покой и счастье. Просто я, как и все, хочу жить в любви и радости до старости с любимым человеком. Я не виновата, что это мой брат. Так случилось.

Вика достала из своей сумки еще один шприц, еще одну ампулу, набрала лекарство и снова села перед Леной, с шприцем в руке. Врач-убийца долго и внимательно читала что-то в глазах приговоренной непутевой бабы, потом тяжело вздохнула:

— Нет, пожалуй, так не смогу. Все-таки ты мне сестра и, в общем, неплохая тетка. Ну похотливая, а кто перед братцем моим устоит, да и мужа своего ты не раз спасала. Короче, думаю, ты достойна знать перед смертью всю правду. Насчет Ольгиной беременности и наших общих планов на наследство — я приврала, больней тебе хотела сделать. Никто не в курсе, что я здесь. Никто не делит твои деньги, мне так вообще на них наплевать. Я с детства не бедная, а сейчас и без маминых миллионов за пару лет больше испанского наследства заработаю. Своими руками заметь, а не кознями всякими. Да и Гриша твой тебе на квартирку эту честно наработал, людей спасая. А ты за бесплатным сыром в эту мышеловку сама влезла. Людей большие деньги на вшивость проверяют. Была баба как баба, ну ревнивая, ну сука блудливая, а кто без греха? Ну с испанским прибабахом, и это могу понять. Но вот как про наследство узнала, так и слетела с катушек — пошла крошить всех подряд, и Женьку, и Катьку бедную. Ужас! Если б кто-то тогда своим письмом Павлову тебя его рукой не остановил, ты б еще не одну жизнь перекорежила. Восемь лет ты отдыхала, пришла в себя и дальше понеслась к заветной мечте, давя чужие судьбы. А ради чего? Ради тихого счастья и любви? Так ты в них купалась последние годы. Деньги эти — фикция. Захотела бы в Испанию, Гриша сделал бы все, в лепешку разбился бы, но сделал. Нет, тебе надо его жизнь разрушить, меня с дочерью разлучить, Ольгу погубить, а этого не будет. Не за зыбкую золотую мечту я тебя убиваю, а за настоящее счастье, которое ни за какие деньги не купишь. Это я точно знаю, иначе давно б с Женей своим за бугром жила. А сейчас мое

счастье — Катя маленькая, и ты — наша главная опасность. Есть такие породы у животных, называются «пищевые», эти твари за жрачку способны наизнанку вывернуться. Это про тебя — пищевая сука Павлова! Только твоя пища — это твоя мечта... Ну да ладно, хватит соплей. Я тут наплела тебе, мол, это я всех убивала. Это я так, для храбрости. Ты у меня — первая. Я тут тоже небольшое расследование провела, не ты одна умеешь сыщиков нанимать. Все не так сложно оказалось. Если б ментам у нас нормальные деньги платили, все тайное давно бы явным стало. Жанку-плюшку задушил драгдилер коламский, некий Серж, Женька его знал. Задолжала она ему, а когда он ее прижал да от отдачи натурой отказался, она его шантажировать ментами стала, ну а менты его крышные ее убрать и посоветовали, на всякий пожарный. Сергей-то этот помер давно, а менты нам эту историю продали под большим секретом. С Ким интересней. Этой твари нравилось, когда ее душили во время оргазма, а Грише твоему нравилось душить, чем не идеальная пара? Ты про эту тему знала и воспользовалась ситуацией, спровоцировав у них в семье пьяную разборку. Ну а дальше ты сама все в Катином дневнике описала. Задушила ли ты ее, или Гриша до тебя расстарался? Эту тайну ты с собой утянешь в ад. Выходя от Ким, ты и правда Ольгу видела в своем «имидже», она тогда везде за тобой шарокалась по возможности. Ну а теперь про Катю, я-то ее после аварии своими глазами видела. Гриша и поп, по понятным причинам, каждый по своим, на нашем собрании промолчали, а я тебе на прощание скажу: кроме того, что ее машиной сбили, ей минимум три раза по башке гаечным ключом заехали. Ты заехала! Брата мне изуродовала, дрянь! Изуродовала, дрянь! Все! Похоже, я готова!

Виктория поднесла шприц к самым Лениным глазам и выпустила из иглы тоненькую струйку:

— А сейчас я вколю тебе адреналин, в Катина сердце. Оно проснется, взорвется, и все кончится. Все будут думать, что ты просто не пережила последних событий. Твоя коррида станет черным коридором...

Последние слова Вики стали стихать, звуки стали уходить куда-то все дальше-дальше, становясь все тише. Лена закрыла глаза, но обещанного Викой черного коридора не последовало. Наоборот, заплясала разноцветная мозаика, складывающаяся в сложный узор. Лена заулыбалась: перед взором предстал фантастический рисунок, он был так прекрасен, что не мог быть плодом рук человеческих, цвета были так безупречны, они плавно менялись, и ничего красивее этого Лена не видела в своей жизни. А в ушах звенели, переливаясь, чудесные колокола.

ГЛАВА 10

Палата без окна

Настойчивый непрекращающийся трезвон колоколов радовал слух. Звук легко проникал в палату без окон. Могло показаться, что передают фонограмму по скрытой от посторонних глаз радиосети. Но на самом деле рядом с больницей располагалась церковь со знаменитой на всю округу колокольной. В палате стояли одна кровать, стол с прикрученным к полу стулом, тумбочка да холодильник.

У кровати спящей лицом к стене девушки сидела Виктория в белом халате, держа в руке только что использованный шприц. Ее несколько раздражал громкий звон, и она недовольно пробормотала себе под нос:

— Чего здесь всегда колокола слышны так громко? Здесь же даже окон нет.

Дверь в палату бесшумно открылась, и в нее вошла Ольга в белом халате. Она подошла поближе к Вике,

с любопытством глядя на Катю-Лену. Шепотом, чтобы не потревожить спящую, она спросила:

— Уснула?

Виктория, нисколько не понижая зычного голоса, отозвалась:

— Мертвым сном. Можешь громко говорить, ее сейчас пушкой не разбудишь.

Ольга продолжала стоять над девушкой, задумчиво рассматривая ее. Дверь снова открылась, и в палату заглянул озабоченный Григорий, тоже в белом халате.

— Девочки, через двадцать минут совещание в ординаторской.

— Хорошо, Григорий Борисович, — за двоих ответила Виктория. Когда за начальником закрылась дверь, она обратилась к Ольге: — Опять чем-то недоволен, я вообще-то свое дежурство закончила.

— Он что, всегда такой? — с опаской произнесла собеседница.

— Привыкнешь. Ко всему привыкаешь.

— Даже к этому? — с недоверием в голосе спросила Ольга, указывая рукой на спящую Катю-Лену.

— Конечно. Я первый год, знаешь, как ее боялась. Особенно когда она разными голосами говорила. Когда за мужика, так прямо мурашки по коже, а теперь ни фиги, даже подыгрываю ей иногда.

— Как это? — опешила Ольга.

— Ну как. Здесь главное понять, кто она сейчас. Если Катя, то вообще легко. Катя добрая, всех любит. Если Лена, надо лебезить, подхалимничать. Лена та еще стерва! Ну а если она Женя...

— Вик, ты что, все ее роли знаешь?

— Дурочка, это не роли. Это личности, она же феномен. Гордость наша. Эффект калейдоскопического сознания.

— Это как?

— Ну мне лечавший ее, Геннадий Андреевич, четыре года назад объяснял, я уже по научному-то не помню.

В общем, личность ее разбилась на много-много осколочков и каждый зажил отдельной жизнью. Она то один человек, то другой, то два одновременно. И периодически эти кусочки встряхиваются и складываются по-новому.

— Круто!

— Ну да. Только история у нее — все время одна и та же проигрывается. В ней часть элементов из жизни ее короткой, часть из книг да фильмов, а некоторых персонажей она прямо из клиники берет и вводит в свой бред.

— Как интересно.

— Интересно? Знаешь, не все так считают. От нас две сестры даже уволились из-за этого. Не вынесли. Жанна и Рита. Ты еще с ними познакомишься.

— Как? Они же уволились?

— А она тебе их покажет. И не раз. Они теперь постоянно прописались в этой палате. И меня покажет. А как смешно она завотделением делает. Обоссака!

— Что, самого Пантелеймонова?

— Ну да, Олега Павловича. Он раньше часто к ней в палату заходил, смотрел, слушал — бороду чесал. «Какой, — говорит, — режиссерский талант пропадает». Но теперь редко заходит. А кому приятно, когда тебе так в глаза заглядывают. Павлов — наш завхоз — от нее сразу прячется. Она в коридор, он в каптерку свою, отсиживается. Демонов боится. В глаза ей, кстати, долго не смотри — душу выпьет!

— Шутишь?

— Шучу. Но все равно не смотри.

— Страшно. Я тут недавно по телику видела, как поп один из одержимых демонов выгонял. Они там тоже разными голосами ругались. Ужас!

— Лет пять назад был у нас главврач продвинутый. Позвал ей этого, экзорциста. Приехал поп такой важный, выгнал нас всех из палаты, а через десять секунд

сам вылетел, красный, и без слов дернул по коридору. А главврача уволили скоро.

— Да, у вас тут не соскучишься.

— Это точно. В общем, назначения у нее простые, таблетки, уколы, не бойся она теперь не буйная. Сестер любит. Я смену закончила, принимай. Да, чуть не забыла: вот на столе платок, очки — она без них из палаты не выходит. Сама понимаешь, какая у нее беда. А говорят была — просто красавица. Зеркало, если будет просить, не давай ни в коем случае — это табу!

— Господи! Несчастное существо. Она ж всю жизнь здесь проведет, за что ж ее так.

— Ну ты наивная, ей-богу. Как всех — ни за что. Маму с папой ее жалко. Еще не старые. Каждые выходные здесь. Мама плачет, папа... Хотя папа ли он? Тут разные слухи ходили. Ей лечение-то по VIP на десять лет вперед оплачено. А оплатил, знаешь, кто? Не поверишь! — Она поманила рукой к себе Ольгу и на ухо прошептала ей известное имя.

Ольга опешила:

— Да ты что?! Он же голубой!

— Не знаю, не знаю. У них танцоров не разберешь. Говорят, он и есть ее отец.

— Ну ничего себе! Дочь такой звезды. Что ж с ней случилось-то?

— Да банальная история. Хорошая девочка из интеллигентной семьи. Начиталась в детстве книжек про любовь. В институт сразу не поступила. Ну а жизнь, не книжка. Влюбилась в какого-то подонка. Стриптизера, что ли. Залетела дура. Думала, принц на ней женится, а он ее послал. Ну она и наелась колес каких-то, да еще и заснула на письменном столе лицом к лампе, спалила лоб. В общем, еле откачали. Лоб залатали, а мозги на место не встали. Рассыпалось сознание-то. Может, ей теперь с такой рожей так даже и лучше. Разыгрывает теперь свою жизнь в разных представлениях. Иногда я ей даже завидую, Господи, прости. Она

же сколько жизней проживает, а еще и приключения какие, послушаешь — закачаешься. Да, кстати, она уже и тебя оприходовала.

— Это как же? Я ж всего третий день здесь.

— Ну да, а у нее появилась сестра Ольга в ее этих бреднях. Вон, кстати, на столе рядом с очками — видишь, тетрадка толстая, с котенком — это дневник ее.

Ольга взяла со стола тетрадку, с интересом открыла, но ее любопытство быстро сменилось на недоумение:

— Слушай, но тут же одни каракули. Каракули на каракулях.

Виктория прыснула от смеха:

— Бедненькая — пишет, старается, уже пятьдесят, наверное, таких извела. И смех и грех.

У Ольги вдруг прояснилось лицо, и она выдала новую мысль:

— А вы все это снимать на камеру не пробовали? Или записывать за ней?

— Ты чего, совсем сдурела?! Да кто этот бред смотреть или читать-то будет. Таких больных поискать нужно. А что это за музыка?! Откуда она?!

...Все громче звучит жизнерадостная испанская музыка. На террасе виллы, стоящей на морском побережье, похоже, царит бурное веселье. За длинным столом, уставленным гаспаччо, бараньими ногами, паэльей, омарами, хамоном и другими красотами испанской кухни, гордо восседает Павлов в парадном императорском облачении. Рядом с ним бородатый Пантелеймон в одежде испанского кардинала и Григорий в белом халате, с ним вместе Ким в панковской косухе, чуть поодаль пируют Папаген, родители Кати, мама Лены, Сергей и даже Кинг Конг, у которого на коленях примостились Белка со Стрелкой. Все они пьют «Сангрию» и следят за зажигательным танцем. Играет камерный оркестр, поет дива в костюме Снежной Королевы, а по террасе

летают Женя, Лена, Катя, Вика и Оля. Сестры в нарядных испанских платьях. Женя в костюме матадора. На лице Кати темные очки, на голове платок. Внезапно музыка смолкает, все останавливаются. Катя резко срывает с себя платок и очки. Все смотрят только на нее. Ее лицо обезображено страшным ожогом, огромные карие глаза горят безумным блеском. Смотреть в них больно и страшно. Гигантские Катини зрачки начинают вращаться, делиться на мозаичные ячейки и внезапно рассыпаются разноцветными стеклышками калейдоскопа.

Зрачки крутятся, стеклышки меняются местами, каждое стеклышко при ближайшем рассмотрении оказывается живым — это многократно повторенные знакомые герои нашей истории, они в страшных позах переплетаются друг с другом, образуя узоры. Каждый из персонажей соответствует определенному цвету радуги. Они застыли, как в адском цементе, в жутко неудобных позах и только тяжело дышат в ожидании следующего поворота колесика и новых комбинаций...

Девочка в ожидании чуда напряженно смотрит в трубу калейдоскопа, но там темнота...

drozd@mail.ru — pant@mail.ru

19.01.2007 21:30

Отец Пантелеймон! Простите меня ради бога! Я весь в сомнениях, душу раздирают тоска и боль, прячусь от своих страшных мыслей, но от них никуда не деться. С кем же поделиться, как не со своим духовником?

Отец! То, чего вы так не хотели и чему так отчаянно сопротивлялись, — случилось! Лена мертва. Я отправил ее в ад и нисколько не жалею. Она была дьяволом, Отец, не надо плакать по ней. Она вила из людей веревки, играла их сердцами в свой грязный покер, как будто это были «черви». Она врала, даже самой себе до последнего! Послушайте звуковой файл, который я вам приложил. Я не смог дослушать эту гадость до конца и освободил мир от паучихи, которая оплела нас своей красотой и пила нашу кровь. Простите мне мой пафос, но я в смятении. Мое призвание спасать людям жизни, а я убил человека и искренне рад. Человека, которого любил последние восемь лет больше собственной жизни и был счастлив. Слабый, жалкий докторишка, верил, как

ребенок, в чудо перерождения, носился со своей Галатеей...

За свое зыбкое счастье я, как русалочка, заплатил восьмилетней болью. Каждую ночь ждал, что утром моя любовь проснется чудовищем, и это случилось. Несмотря на препараты и молитвы. Человек слаб, даже в рясе. Восемь лет назад я уступил вам, поддавшись соблазну тихой идиллии. Вы убедили меня в том, что Господь дает нам шанс спасти Лену. Но Господь ли это был? Отец, я больше не верю вам! Не осуждаю, но и не верю. На то есть основания. Надеюсь, что все это лишь гнилой плод моего фрустрированного мозга и болезненного воображения, но мне кажется, что Катю погубили вы из-за любви к ведьме Лене.

Я всегда делал все, как вы мне велели. И восемь лет назад, и этой осенью. Когда «жучки» и слезка сделали свое дело и наши опасения по поводу возвращения ведьминой памяти, подтвердились, проявился Сергей, и мы перевербовали его, я еще верил вам безоговорочно. Когда вы впутали в нашу историю свою верную жену и предложили использовать ее актерские таланты, как провокацию, дабы измерить глубину страшных намерений Лены, некая тень сомнения уже пала на ваш авторитет. Уж больно правдиво выглядел рассказ мнимой Сальваторес, особенно в части с переодеванием. Окончательно же я стал подозревать, что с вами нечисто, после рассказа Павлова про исповедь Лены. Я слишком хорошо вас знаю, отец! Вы скорее умрете, чем откроете тайну исповеди. Значит, исповеди не было, и вы, как и я, просто пытаетесь скрыть какую-то страшную тайну, являясь ее жертвой. Но тогда я не поддался демонам сомнения и продолжал выполнять ваш план. Сделал все, что вы просили. Собрал генетический материал на подтверждение отцовства от Павлова, Жени, Ани, маленькой Кати, ну и, естественно, себя. Это было несложно — мне хватило волос. Сейчас на руках у меня есть все результаты. Они безумны, как и вся эта история.

С Аней все в порядке — она дочь Жени, зато Виктория воспитывает дочь Лены и Павлова. Да, святой отец, не мою, не Женину, как она думает, и не вашу. Я надеюсь, что эта информация останется частью нашей общей тайны, ведь Вика правды не перенесет. Я со своей стороны клянусь никому и никогда не открывать опасений, изложенных в данном письме.

Спасибо технике и химии: результаты генетических анализов и анализ записанных монологов Лены у зеркала позволяют мне предположить следующее видение трагедии, произошедшей восемь лет назад в Коламске. Я думаю, что все было именно так.

Как паук выпускает клейкую нить из задницы, плетя паутину, так Лена наплела своих интриг исключительно из своего причинного места, опутав нас всех своей беременностью. Павлова, Женю, меня и, боюсь, вас. Интриганка позаботилась обо всем заранее, больше всего боясь расстаться с жизнью из-за родов. Она соблазнила меня под предлогом необходимости забеременеть именно от моей персоны и полностью запутала, давя на жалость. Даже предлагала мне деньги за молчание. Но я, естественно, отказался. Теперь я понимаю, что она просто страховалась таким экзотическим способом. Ей казалось, что я лучше буду следить за ее сердцем, если под ним будет якобы мой ребенок. Кошмар!

Отец, я представляю, как она мучила вас. Вы разрывались между страстью и долгом. Честолюбивый мальчишка, в двадцать два года получивший приход, истово верящий и старающийся нести слово Божие пастве, оказался не готов к раздирающей его сердце любви к бывшей однокласснице, которая предпочла ему местного бандита. А были бы так убедительны ваши гневные проповеди, обличающие пороки, если б в них не было столько личного? Столько ревности и страсти потаенного огня. Я всегда слушал вас, затаив дыхание, и верил беспрекословно. И не только я. Бедняга Папаген поведал своему духовнику историю на-

следства, тем самым определив цепь трагических событий, прежде всего в жизни любимой дочери Кати. Не знаю, явилась ли беременность Лены следствием вашего рассказа ей про дону Адриано, зато уверен, что именно вы убедили умирающего Папагена признать дочь «несчастную страдальицу» Лену и просить ее разделить богатство в случае, если ей повезет первой, с милой сестричкой. Кстати Катя, собираясь рожать, всерьез была готова отдать половину «счастья» доброй Лене. Она ее очень жалела. А история с наследством потрясла ее гораздо меньше, чем трагедия с отцами и предательство Жени.

Как я понимаю, про то, что Катя в монастыре, Лена узнала непосредственно от вас. Это ужасно, отец! Узнав, где теперь Катя, подлая ведьма стала рассматривать ее уже не как соперницу, а только лишь как донора сердца. Она пугала меня тюрьмой, Павловым, смертью, требуя несчастного случая на монастырской стройке. Я должен был убить ее сестру и пересадить ей сердце «этой тупой никчемной наркоманки», «ну, пусть ей кирпич на голову на стройке упадет», — говорила она. Молча перенося эту муку, я скрывал эту грязь ото всех, в том числе, и от вас, отец. Несмотря на слабость своего характера, я держался до конца, даже когда Лена выдвинула мне ультиматум с конкретным сроком. Срок этот истекал как раз в тот страшный февральский день. Да, я слабый человек. И это я написал тогда гадкое письмо Павлову. Я надеялся, что как бы ни была плоха Лена, на крайние меры она не пойдет, но страх за Катю толкнул меня на эпистолярный «подвиг». Так вот в тот самый день Лена наконец поняла, что в этот раз у нее не получится запугать меня, и решила на самую страшную подлость в своей жизни. Она пошла к вам, отец Пантелеймон, пошла к человеку, который любил ее так, что если бы ей было нужно его сердце, он бы своими руками вырвал его из груди. Я не думаю, что она просила вас убить Катю, она просто пришла

прощаться, скорее всего, она сказала, что сегодня умрет, спасти ее может только сердце донора, которого, естественно, нет. А потом рассказала про Катю все те дремучие гадости, которые недавно так замечательно изложила в лжедневнике. Я думаю, что вы, отец, дрогнули, поддались наваждению и после ее ухода просто позвонили Кате, договорились о встрече и помчались на машине за донорским сердцем. Мне страшно даже писать об этих своих подозрениях. Я надеюсь, что, когда наваждение колдуньи спало, вы раскаялись. Но было уже поздно. Если все было именно так, то — Бог вам судья, если все это всего лишь мой бред, то прости меня, Господи. И вы, отец Пантелеймон, простите. Может, я просто сошел с ума от горя, ведь чертовка запросто могла вас оговорить, подозревая, что ее прослушивают? А может, после Лениной клеветы вы просто рванули к Кате, чтобы выяснить истину? Посмотреть ей в глаза, глянуть в дневник? И на скользкой трассе вас просто занесло, и Катя стала случайной, но такой необходимой Лене жертвой?

Ответа от вас мне никакого не надо. Сам факт того, что я осмелился усомниться в вас, отец Пантелеймон, пугает меня больше, чем возможная правда. Теперь я верю только Господу, и вера моя крепнет час от часу, несмотря ни на что. Ведь, что может более явно свидетельствовать о Его присутствии на небе, как ни козни дьявола на земле. А я-то уж их вкусил досыта, видел дьявола во плоти и даже убил его.

Я решил отказаться от всего, что у меня есть, и уйти в монастырь. Куда — не скажу, не ищите меня, я для вас не опасен. Я поменял внешность и имя. Спасать людей я больше не могу, не имею морального права. Квартиру свою и имущество я переписал на Вика, ей же оставляю Аню. Сердце кровью обливается, когда думаю, что, возможно, не увижу свою любимую дочурку больше никогда. Вика баба неплохая, дай ей Бог счастья и здоровья. Надеюсь, ее внук получит про-

клятое наследство Сальваторес. Ну все, отец, не поминайте лихом. Храни вас Бог.

P.S.: Да, совсем забыл по поводу Жениного йенга. По-моему, Лена отрезала его на всякий случай — не была уверена, что останется живой, ну и полоснула бритвой, чтоб не достался никому. И еще. Тогда, после проклятой операции, вы поселили в меня дурацкую иллюзию, что из Лены можно будет «воспитать» Катю. Окститесь отец, не мучайте Ольгу, мне кажется, ваши опыты зашли слишком далеко! Хотя какое я имею право осуждать вас — двойной убийца, не сберегший Катю, хирург-расстрига. Может быть, все мои подозрения против вас, лишь грязные инсинуации, желание видеть в вас такую же тварь дрожащую, как и я. Хотелось бы верить. Простите меня, но я просто не мог не поделиться всем этим с вами.

Всех благ.

Г. Д.

pant@mail.ru — drosd@mail.ru

25.01.2007 7:05

Знаю, Гриша, ждешь ты этого письма, как ты не хорохорился бы. Что ж делать? Долго я сомневался, отвечать ли на твои бредни. Вот, решился наконец. Раз назвали меня в честь покровителя всех болящих как телесными, так и душевными болезнями, значит, и такой твари, как ты, нельзя мне отказывать в милости. Кажется мне, что письмо твое вовсе и не мне предназначалось, а тому, кто рядом с тобой сидел, когда ты его набирал. Так ведь? Господь все видит и знает и воздаст тебе по делам твоим. А я лишь ужасаюсь в очередной раз глубине стремнины, что в твоей душе бурлит. Мало тебе, что ты в очередной раз человека жизни лишил, тебе еще и меня замарать понадобилось. Понимаю я, что провокация это, но ответу все равно. Лену мы отпели, как полагается. Любил я ее, что греха таить. Но с тех пор, как женился, и думать о ее прелестьях забыл. Вернулись они с Павловым в город, тяжело было мне, но вера помогла. И Ольга помогла.

Так что грязи никакой не было. Жалел я ее, и все. А ты, Григорий, мне всегда странным казался, вроде как два разных человека в тебе, и оба плохие: один слабый и жалкий, второй злой и мстительный. И обоих ты все время прятал за словами правильными да за шутками-прибаутками. Благородный твой талант вроде бы должен был окупать твои мерзкие душевные качества, ведь немало людей ты спас, за что спасибо. Только вот дорогая цена за твои заслуги: три, как минимум, души загубленные. Синяя борода твоя прорастет, как не брейся. От себя в монастыре ты не спрячешься, память не обманешь. Ох, молиться-каяться тебе теперь, не переставая. И я за тебя помолюсь. Только вряд ли отмолить получится.

Ким ты задушил то ли в блюде страшном, то ли от ревности сгорая, сам толком объяснить не мог. Ко мне прибежал, знал, что я не сдам. Надо было тебя в Москву отправлять, в клоаке вашей тебе самое место. А я — дурак, к Амвросию тебя послал, еще радовался, как ты работаешь да за Катей ходишь. Думал, спасешь душу свою, где там!..

Три бабы тебя по жизни из болота уныния вытаскивали, от демонов твоих спасали. Всех трех ты погубил. Очень себя любишь, гонор столичный покоя не дает. Тайны исповеди я храню, это точно. Но ведь есть еще беседы задушевные. Так что я все знал, знал и молчал, пытался жизни ваши выправить. Не пойму, кого ты хочешь обмануть: меня, себя или Господа? Если ты и страх и стыд вместе с памятью потерял, напомню, как все было. Только Катя родила, ты ей сразу предложение сделал. Жениться хотел и в Москву их с дочкой забрать, однако отказала тебе Катя. Мол, благодарна за все, но видит в тебе лишь друга. Любит Женю и надеется наставить его на путь истинный, в церковь привести, потому что он душой хороший, только потерянный. О как же ты оскорбился, как же тебя от обиды расперло, как гордыню твою задела!

Ушел, дверью хлопнул. Попил недельку, пожалел себя и решил Кате с Женей отомстить. Только твой извращенный ум больного человека мог до таких гадостных хитросплетений додуматься. Всех нас грехом своим повязал. Лену, бедную, на смертном страхе поймал — сказал, что точно при родах помрет, и предложил сердце сестры пересадить. Думаю, что за большие деньги, — долю небось от наследства просил, уехать хотел подалее от «проклятого» Коламска. Потом испугался, сам не зная чего, — Павлову дряни какой-то понаписал. Писать-то ты, как я убедился, прегаденько умеешь. Не учел ты, однако, одного — Лениного характера да темперамента. Все в тот страшный день сошлось. Ты Лене сказал, что рожать ей сегодня, чтоб Жене отомстила, вдруг потом не случится, да сразу бегом в больницу, а ты донора тем временем подготовишь. Знал, что этим вечером все в больнице пьяные будут, не помешают. На 18.00 у вас «время че» было назначено. Все рассчитал, кроме одного. Лена-то после оскопления Жениного ко мне прибежала — плакать-каяться. Все-то мне и поведала. Не поверил я ей — решил, что рехнулась на почве беременности. Позвонил в больницу, тебя нет.

Замутило меня от нехорошего предчувствия, отправил я Лену домой, прямо на смерть, Господи прости, а сам молнией к Кате. Ты ж, подонок, ее попросил на дорогу тебе посветить. Так, наверное, было? Опоздал я буквально на минуту какую-то, гнал как на «Формуле». Видимо, спугнул тебя, только Катю, едва живую, на дороге нашел. До последнего не верил, что это ты, Григорий сделал. В больницу ее привез, тебя еще не было. В приемном покое Катю оставил, а тут Павлов звонит, что жену убил. Час от часу нелегче. Лену привез в больницу. Тут уже и ты появился. Жалкий, плачущий. Еле уговорил тебя операцию делать. И то пришлось припугнуть, что все про твои подвиги знаю. Слава Богу, и спасибо Вике, хоть на восемь лет Лене жизнь продлили.

С тех пор мы с тобой не виделись. Я не хотел, да и ты, наверное, не очень. Молился я за вас с Леной да за детишек. Переживал, но надеялся, что, пока я жив, ты глупостей не наделаешь. Будешь бояться, что вся правда вскроется. А ты вон каким хитрецом да подонком оказался. Квартиру-то небось специально рядом с Викой купил, чтобы дочки встретились. Втянул нас с Ольгой в эти игры с Сергеем да дневником дурацким. Заставил Лене поддакивать — якобы для того, чтоб все успокоилось и вы как прежде счастливо зажили. Назаписывал да намонтировал Лениных бредней, половина из которых твое НЛП*, да и решил все грехи свои на Лену да на меня свалить. Ай, молодца! Лену бедную сгубил, а меня ее аудиофальшивками решил припугнуть. Горешантажист! В жизни не поверю, что ты в монастырь навсегда ушел. Где-нибудь да выплывешь. Такие не тонут. Только сколь веревочке ни виться...

Я тебя искать не стану и за Лену мстить не буду. Знаю, Бог тебя накажет. Главное, Григорий, ты больше на моей дороге не появляйся. И молись, чтоб мы случайно не встретились!

* Нейролингвопрограммирование.

Колоколамск. Дом отца Пантелеймона

03.02.2007 2:00 ночи

В полной темноте и тишине, нарушаемой только тихим посапыванием Ольги и тиканьем будильника на прикроватной тумбочке, отец Пантелеймон тщетно пытался заснуть вот уже три часа к ряду. Сон не шел, а мысли в голову лезли препротивные. Скорбь по ушедшей страдальце мешалась с обидой на ее гнусный предсмертный монолог, в котором она так ярко описывала те телесные утехи с ним, которым никогда уже не случиться. «Господи, прости. Опять дрянь всякая в мысли пролезла, – Пантелеймон со вздохом перевернулся на другой бок, лицом к Ольге, открыл глаза и полюбовался на безмятежное лицо жены. – Как же я люблю тебя, моя маленькая. Ну, хоть ты теперь можешь спать спокойно».

У Пантелеймона же заснуть совсем не получалось. Уже с неделю он ворочался до первых петухов, а потом приходил в церковь невыспавшийся и злой. А все мысли проклятые. Поступки и слова он научился контро-

ликовать давно. Днем ему удавалось не думать о всей этой свистопляске с сестрами Сальваторес, но как только он ложился в постель, все начиналось по новой. Лена и из могилы умудрялась портить ему жизнь, а теперь еще это обидное письмо от Гришки. Отец Пантелеймон винил себя во всем, и в смертях Кати и Лены тоже, но чтобы снести ложное обвинение в убийстве? Это уж слишком! Не устоял перед соблазном и ответил дураку Гришке, а теперь винил себя еще и в этом. «Что за мучения? Завтра же куплю снотворное». Из-за проклятой бессонницы стали закрадываться в голову молодого священника и совсем уж позорные мысли: а на своем ли он месте, а правильной ли дорогой идет ко Христу? Мысли о Лене ему удалось загнать в самый дальний и пыльный чердак своего мозга, но вот уже два раза он просыпался, в ужасе понимая, что только что видел греховный сон с ее участием. Но спать-то надо! «Может, скопцы и не во всем не правы были, со своим крещением огнем. Похоть эта проклятая совсем житья мне не дает, – подумал поп, и ужаснулся. – Вот уже и до ереси докатился». Чтобы заснуть, ему надо было отвлечься, и он начал мысленно перебирать лица своих любимых прихожанок, старушек, на которых держался храм, любительниц просвирок и еженедельных исповедей. А еще приход держался на помощи главного коламского «олигарха» Павлова. Опять сорвался! Слегка притихшее сознание вновь завибрировало, но мысли не успели покатиться по порочному кругу, распуганные неожиданным грохотом. Кто-то громко и настойчиво колотил во входную дверь.

– Что такое, что случилось? – заголосила спросонья Ольга.

– Спи, спи, я посмотрю – успокоил ее Пантелеймон уже из сеней, накидывая на солдатское нижнее белье тяжелую доху.

На пороге, освещенный яркими ночными звездами, стоял, а вернее, пытался стоять мертвецки пьяный

Павлов, в одном костюме со съехавшим галстуком. Одной рукой он держался за косяк, в другой была початая литруха водки.

– Ты что, Сашка, совсем одурел? Два часа ночи! Мне в шесть вставать.

– Паня, родной мой. Давай помянем ее. Давай, ты ж любил ее. Впусти меня нах!

И, не дожидаясь приглашения от изумленного попа, Павлов зашел в сени, тут же споткнувшись обо что-то и обрушив какую-то гремящую полку. В детской заголосили дети.

– Ну ты и гад. Оля, успокой девочек! Это Павлов пришел. Приспичило ему. Я с ним в кухне поговорю.

Пантелеймон сильно сжал плечо одноклассника могучими пальцами и втолкнул на маленькую кухню, большую часть которой занимал стол. Павлов послушно сел, поставил бутылку на стол, повертел головой в поисках стаканов и, не найдя их, по-хозяйски разлил водку в две стоящие на столе чайные чашки.

– Ну! Чтоб земля пухом, нах! Любил я ее, хоть и сукой она была порядочной. Да и ты, нах, ее любил. Чё не пьешь-то, нах, Паня?

– Ты уже две недели не просыхаешь, Павлов. Ты мне обещал надгробья Кате с Леной поменять, а сам? Допьешься до «белки»!

– До «белки»?! Уже допился, нах! Ха-ха, до Белки.

– Что-то я не вижу скорби в тебе, Павлов.

– Скорби, нах? Я не скорблю, я горюю. И горе заливаю. Тебе что, со мной и Ленку помянуть в падлу. Тебе с утра к бабулькам своим в церковь бежать главнее, нах?

– Мне с тобой пить и правда противно. И прекрати своими «нахами» рот поганить. И так всю свою жизнь пронахал и пропил. Тоже мне, хозяин жизни. Что тебе толку от твоих денег, на разных паскудствах нажитых? Ни семьи, ни покоя – водкой, ревностью да глупостью

все загубил! Думаешь, раз ты деньги на храм даешь, можешь вламываться ко мне ночью и детей пугать? Да мне любая бабулька богомольная дороже, чем сто таких, как ты! Они мне каждую неделю в мыслях дурных каются, а ты, душегуб, на исповеди ни разу не был.

– Ох-ох-ох. – Павлова напор Пантелеймона насколько не смутил, хотя «нахать» он стал гораздо реже. Он налил себе еще, выпил и сказал: – А может, я как раз к тебе на исповедь пришел. Только вот не знаю, стоит ли начинать. После того цирка, который вы тут устроили с дневником этим.

– Ну и иди отсюда!

– Нет, подожди, я еще не все сказал. Цирк с дневником, значит, ты устроил. Для лохов, конечно, проканал. Я тоже не стал выступать. Я же не дурак. Понял все. Ты, значит, решил, что Ленка Катю тогда грохнула, ну и для отмаза всю эту трахомудию с дневником замутил. А мне чего? Мне нормально. Ленка меня из тюрьмы вытащила, я с ней разобрался, чего мне на нее катить? Да, кстати, раз вы с ней заодно были, чего она меня выдернула-то?

– Я не знаю. Может, любила она тебя, дурака. А может, чувствовала, что недолго ей осталось, попрощаться хотела.

– Да уж, попрощалась нехило. А может, чего сказать хотела, да не успела? Про дочку там. А?

– Иди-ка ты.

– Куда, нах?

– Вот именно туда, или домой. Проспись, Павлов. Несешь чушь. Про дневник все правда. Иди домой, а я спать пойду, мне на службу скоро.

– Кому служишь-то? Иисусу? Он тебя врать-то так научил? Поп-аферист. Правда, до Ленки тебе с твоими аферами срать, пердеть да колесо вертеть. Вот мастерица была! Березовский отдыхает, нах!

– Пошел вон!

– А не пойду. Ты думаешь, все знаешь. Думаешь, Ленка виновата, ты ее покрыв. Всем теперь хорошо. Молодец. А Катю не Лена убила!

– Да знаю я кто. Гришка Катю тогда задавил. Слабохарактерный, жалкий человек...

– Э-э-э, нет. Гришка – убийца? Насмешил ты меня. Жену по пьянке, из ревности – верю. А хладнокровно человека убить, тут Гриша не катит. Не убийца он – ростом пониже и дерьмом пожиже.

– Ты что ж несешь-то, пьянь, чем похваляешься?

– А то и несу. Спрыгнул твой Гриша в последний момент. Ленка-то на сохранении у него в больнице лежала, ну, и у них план был по Кате, короче. Я то про это и знать не знал. А в последний момент Гриша зассал и спрятался. В день, когда ты крестить ребенка Катиного должен был, перед тобой, нах, должен был Гришка сбить ее, чтоб ты, значит, в больницу ее привез. Все, короче рассчитали, а он слился. Вот так.

Пантелеймона заметно заколотило. Он взял бутылку, налил в чашку и залпом выпил.

– И что же дальше?

– А дальше, нах, все просто. Звонит мне родная жена из больницы – вся рыдает: «Сегодня помру, и ребенка не будет». Прибежала домой, рассказала все, я прихуел от такого замеса.

«Ты меня не любишь? Ты ж за меня любого грозился убить!» Ну, мне крыть нечем. Поехал выполнять грязную работу, а Ленка к тебе должна была пойти, типа на исповедь, чтоб задержать. Ну, я-то ровно в шесть вместо тебя прямо на опознавательный знак, типа фонарь, и наехал.

– О Господи, – простонал, раскачиваясь из стороны в сторону священник.

– Она же, Петрова эта, для меня никто была, наркоманка конченная, а я жену и сына ехал спасать, понимаешь?

Пантелеймон молчал, насупив брови. Павлов продолжил:

– Ну ладно. Все б у Лены прокачало, если б не дневник, тебе знакомый. Вышел я из машины проконтролировать ситуацию. Гляжу, лежит Катя, помирает, а из нее, из-под одежды, дневник этот самый выпал. Ну, я и взял его с собой. Помчался в город по объездной. Приехал домой и давай квасить. Ох и неприятно же мне было, все лицо Петровой перед глазами стояло. Ну и стал дневник ее перелистывать, а там такое про Лену да про пидора этого! Мне и раньше доброхоты со всех сторон шептали, да я их посылал. И в то утро даже скабрзное письмо было, что, мол, киндер у Лены от Жени. Но я ни на что не велся, а вот дневнику этой дуры поверил. Смысла врать ей не было, понимаешь? Вот так, короче, весь мир для меня и перевернулся. Тут еще ты позвонил. В общем, дальше ты знаешь. Я тебе честно скажу. Не хотел я Ленку тогда убивать. Просто хотел поговорить. Но ведь довела, сука.

– А машина моя как же?

– А чё машина? А да, понял. Помчалась Ленка проверять меня, не выдержала. Прямо перед твоим приездом ее Кинг Конг оттуда забрал. Вот, Паня. Такая тебе моя исповедь. Прямо легче мне стало.

Пантелеймон старался не глядеть на Павлова. Выпил еще водки и сидел молча, качая головой. Так они посидели в тишине пару минут, и Павлов не выдержал:

– Ну и ладно, молчи, нах. Я, короче, когда разбираться к Гришке приехал, уверен был, Ленка неспроста меня вытащила. Ну, попугал ее, а присмотрелся – понял, что она сама ничего не понимает. Она так долго всех путала, что сама во всем и запуталась. Походу и правда решила, что она Катьку сбила. Это-то понятно. Она все планировала, переживала десять раз, на место приезжала, вот и попуталось у нее все в башке. Хотя, может, она меня отбелить напоследок хотела? А, Паня? Ты хоть чего-нибудь-то скажи.

Поп продолжал молча раскачиваться на стуле, глядя поверх павловской головы и тихо шевеля побелевшими губами.

– Эх, Паня, Паня. Дневник-то Катин ты, видать, вместе с Ленкой тогда забрал да потом ей передал, без страниц последних. Ты не думай только, Паня, что я не страдал. Я в тюрьме так совестью мучился, Ленку жалел. Думал – рехнусь, нах. Мне ж каждую ночь Ленка снилась. А потом вдруг Петрова стала. Я ей: «Сгинь, Катя!» А она: «Я не Катя, я – Лена!» А сейчас, как Ленка померла, снова обе снятся. Спать вообще не могу. Ты чего молчишь-то, Паня? Уснул, что ли? Простит меня Иисус-то? Я ж не просто так. Я ж ради любви. Жену спасал и это, ну, – чадо. Видишь, как все получилось-то. Нагрешил-то зря. Порок сердца все равно ее прибрал. Как мы с тобой ни старались.

Пантелеймон резко встал из-за стола, вращая глазами и трясясь. Подскочил к Павлову, схватил его за шиворот, как нагадившего кота, и потащил к выходу, крича ему прямо в ухо:

– Я с тобой не старался! Я спасал, молился, а ты убивал! Сволочи вы все! Дикари! Убьете человека, а потом всегда оправданье есть: я любил, я спасал, я ревновал! Я не виноват – баба заставила! Порок сердца – это не жены твоей диагноз, всего вашего гнилого мирка. Чего ради живете? Чего ради души бессмертные губите?

Полупридушенный Павлов не сопротивлялся, только попытался у самого выхода прохрипеть: «Прости».

Поп ногой распахнул дверь и баскетбольным броском закинул огромного Павлова в сугроб за крыльцом.

– Бог простит! А я не знаю.

Пантелеймон захлопнул дверь, сел на табурет, перекрестился и заплакал. В сенях сразу зажегся свет, к нему подбежали испуганные Ольга и дочери. Пантелеймон окружил их всех широким объятием и сквозь слезы сказал:

– Все будет хорошо, мои дорогие. Теперь все будет хорошо.

Павлов выбрался из сугроба, отряхнулся, как пес.

– Ну дает, поп толоконный лоб, нах, – и поплелся к машине.

– К Белке, – скомандовал он шоферу, плюхнулся на кожаное сиденье и заснул.

Отец Пантелеймон в этот момент тоже уже спал, обняв заплаканную Ольгу, и видел странный сон. Сон этот был странен вдвойне тем, что одновременно его видел и Сашка Павлов.

...Калейдоскоп, перевязанный подарочной лентой, держит в руке женщина в черном плаще, платке и очках. Она стоит в пустой, продуваемой летними ветрами комнате перед столом с подарками, ставит калейдоскоп между коробками и отходит в сторону. Сквозь нее, как сквозь пустоту, пробегает маленькая девочка с бантом, поднимается на цыпочках к калейдоскопу, и начинает крутить колесо. Женщина, склонившись над ней, медленно и бережно гладит невесомой рукой ее светлые волосы...

На этом месте и Пантелеймону, и Павлову стало как-то не по себе, даже жутко как-то стало. Они попытались закричать, остановить девочку, но почему-то не смогли и продолжили спать дальше. Но страшного ничего не случилось, ведь сон – это всего лишь сон, реакция уставшего сознания на жесткую действительность, и пытаться понять его – это все равно что считать звезды на ночном небе. Занятие довольно бесполезное. Вот опять тысячи ярких разноцветных звезд зажглись и погасли одновременно, чтобы превратиться в миллионы таких же, невообразимо сияющих, драгоценных камней...